

ЦЕНА ВРЕМЕНИ

Книга IV

На что способен эффект бабочки? Какое влияние на историю способны оказать несколько попаданцев в XV веке за пол сотни лет? А если их перемещение каким-то образом поменяет местами многие ресурсы Нового Света и Восточной Европы? Быть может Америку откроют англичане? Или в Скандинавию вернется язычество? А может быть, династия Рюриковичей оборвется на сотню лет раньше? А что, если все и сразу, да еще и с кучей других, более мелких изменений? Вот вроде атмосфера та же, какая представлялась на уроках истории, но события, личности и факты заметно отличаются. Главному герою пришлось выживать именно в таком мире, медленно, но верно адаптируясь и привыкая к новой, безжалостной среде. Но он выжил. Выжил и силой прогресса и триумфа знания стал прокладывать уже свой путь для истории этого мира.

Цена времени. Книга IV

Роман Шайх

Глава 1. «Новая жизнь»

1 июня 1506 года. Борки.

Протяжный и звонкий петушиный крик за окном известил о начале нового дня. Вяло скрипнула скамья, на которой от всей души потянулся подросток и, скинув с себя шерстяное одеяло, под которым ночами уже было откровенно жарко, резким движением поднялся со своего места.

— Борька, давай вставай! — Послышался из соседней комнатки голос матери.

— Я уже, маменька! — Откликнулся Борис и, ещё раз потянувшись, стал спешно одеваться.

Летом одежды не так уж и много: по мимо исподнего просторная рубаша, да широкие штаны. На ногах новенькие кожаные сандалии с твёрдой подошвой, на которые парень накопил сам, усердно трудясь чуть больше недели, чем очень гордился. Когда же они с папенькой, в один из выходных воскресных дней поехали в Новгород, у Бори прямо глаза разбегались от того, что он может купить на собственноручно заработанные на мануфактуре деньги.

Он бил все рекорды производства среди отроков, собирая за час порой едва ли не три десятка инструментов из металлических деталей и деревянных черенков и ручек. Среди всех своих новых друзей-мальчишек он получал в конце дня прямо-таки баснословные деньги, которые большинству из них даже и не снились.

Пройдя из основной комнаты с печкой, где он и спал, в комнатку поменьше, потрепав попутно по голове десятилетнюю сестренку, что усердно стирала вещи в небольшом тазу с мыльной водой и, подняв над собой пятилетнего братишку, он застал мать за привычным делом — она, сидя за большим столом, который занимал едва ли не половину комнаты, и за которым вечерами их семья собиралась за ужином, увлеченно штопала что-то белыми нитками. Боря подошёл к столу, самостоятельно отложив себе из кастрюльки пшенной каши и, отломив кусок ржаного хлеба, принялся увлечённо есть.

— А папенька что, уже на фактуру ушёл? — Опомнившись, спросил Борька.

— Да во дворе он покамест, — Улыбнувшись, ответила ему мать, не отрываясь при этом от своего дела.

Когда Боря уже почти доел свой завтрак, мама, по всей видимости, закончила со своим швейным делом и, полюбовавшись результатом, убрала подшитые штаны в шкаф.

— Тебе здесь нравится? — Вдруг спросила она сына.

— Ну, — Борька задумался, откладывая деревянную тарелку и ложку в сторону, чтобы потом сходить помыть их. Он вспомнил день, когда они с семьёй только приехали в вотчину с чудным названием. Борька тогда, больше месяца назад, и не представлял, как круто изменится его жизнь. Они проезжали по улочкам села, которые удивили тогда своей чистотой. Все ямы засыпаны мелким камнем, по обочинам не встретишь ни единого следа жизнедеятельности животных. Боря с интересом вертел головой, наблюдая за множествомстроек вокруг. Всюду возводились новые двухкомнатные избы, топившиеся, что удивительно, все поголовно по белому. В одну из таких через несколько дней заселили и их семью, определяя её как «многодетную и вельми важную для нового государства.» Как только они прибыли, их тут же отправили в баню, где выдали мочалки из липы и тёмные бруски мыла. Оно очень напоминало какой-то странный жир, явно с чем-то смешанный и

куда более густой и плотный. Борька раньше слышал про него, но лишь из уст купцов, что ходили далеко на юг, да из немногочисленных книг. Сейчас же им строго приказали мыться исключительно с мылом. Им же приказали стирать одежду. Далее отца семейства забрали на мануфактуры дабы выяснить, что он умеет, а ежели не умеет, то выяснить, чему его можно научить. Но, похоже, бывалый ремесленник произвёл достаточное впечатление и его, вместе с юным сыном, приняли на работу в этот же день выдав особые пропуска с печатью и их внешним описанием. Научили и тому, как нужно отчитываться о работе местному дьяку и от него же после получать оплату серебром.

— Тут много чего нового. — Наконец выпалил Борька. — Изба эта, — Он огляделся вокруг так, словно оказался в этом доме впервые в жизни. — Фактура, чудные порядки.

— А что, порядки хорошие. — Задумчиво ответила мать. — Ну и правильно, что моемся раз в три дня теперь. А то, что за грязную да рваную одежду виру берут, так и вообще хорошо. Ну а избу такую грех хаять. — Уверенно заявила она. — Топится по белому, тёплая, стены вон, светлые. — С восхищением протянула она.

— Ну так, кто строил то? — Послышался голос отца. Боря метнул взгляд в сторону дверного проёма, в котором показалась его высокая худощавая фигура.

— Ой прям уж ты один и строил, — Улыбнулась мать. И правда, все материалы и десяток рабочих, что помогали в возведении избы были поставлены здешним наместником, а поговаривают, что и близким другом князя, Максимом Петровичем.

— Уже проснулся? — Усмехнулся он в густые усы.

— Да, папенька! — Воскликнул Боря. — И позавтракал уже.

— Ишь ты, какой шустрый. Ну, раз так, то идём на фактуру. — Отец призывно махнул рукой и скрылся в проходе. Боря хотел уже было стремглав помчаться за ним, как вдруг его остановила мать.

— Сынок, ты сегодня как придёшь, дядя Емеля со своей телегой будет у нас отходы на селитряницу свозить. Так ты и помоги ему, всё равно раньше отца приходишь. — Выдала указания матушка, также собираясь в скором времени с детьми идти уже на свою работу. Мать Борьки работала в поле, за рекой, обрабатывая землю, за что получала оплату рожью и репой, с которыми и работала. Младший брат, которому едва исполнилось пять лет, в это время находился недалеко, под надзором нескольких уже давно не молодых женщин, которые не просто следили за всеми детьми рабочих, но и, разделив их на группы по возрасту, обучали тому, что знали сами: как ухаживать за посевами, как стирать, готовить и многое другое. В общем, всему тому, что они должны были узнавать в своём возрасте от родителей. Но самое главное: дети не сковывали ни отца ни мать, позволяя им обоим выходить на работу. Всё чаще Борька стал слышать, что для них в скором времени должны построить отдельное, большое здание, с необычным названием «детский сад».

Сестрёнка же Борьки, которой было аж целых десять лет, была слишком мала для мануфактуры и для того, чтобы остаться дома, но при этом возраст, в котором за ней должны были следить няньки в поле, уже переросла. Но и этот момент продумал вездесущий наместник, ещё весной пристроив к местной церквушке небольшое помещение в пол дюжины кабинетов, где несколько преподавателей учили детей от шести до четырнадцати лет разным наукам.

Само собой, и для Борьки и для остальной семьи по началу стало мягко говоря неожиданным то, что оба родителя могут вполне успешно работать, а маленькие дети при этом находятся под присмотром воспитателей и учителей. Но больше всего, конечно, их

поразил тот факт, что девочка в относительно простой семье, да ещё и в сельской местности, может на равне с мальчиками учиться в церковной школе. Правда, как рассказывала сестрёнка Борьки, именно церковной эту школу назвать можно едва ли. Да, их учат некоторым молитвам и дают читать церковные книги, однако значительно больше времени они уделяют счету, разным наукам о том, что есть вокруг них и, что самое интересное, новому письму и чтению. Папенька, как и сам Борька, мало-мальски знал грамоту. Однако то письмо, которому детей учили в школе, отец семейства понимал с трудом, хотя в последствии и признал эти буквы куда более понятными.

Они с отцом шли по главной улице посёлка, по деревянной мостовой, что недавно возвели из досок. Теперь даже в непогоду что телеги, что люди не будут увязать в грязи, а спокойно продолжают свой путь. Отец шёл чуть впереди, заметно торопясь, однако на лице его сияла легкая улыбка. Борис не поспевал за отцом, а потому иногда прибавлял ход, дабы поравняться с ним.

— Жизнь здесь, Борька, и правда хорошая. — Вдохнув полной грудью, проговорил отец. — Помнишь, как мы сюда больше месяца назад приехали? Тут ведь и дома нашего ещё не было и мостовой этой, по которой мы идём. А оно вона как быстро всё строится. На фактуре уж пятое колесо водяное хотят строить, а сама она, что дворец, три сотни человек ремесленного люда в себя вмещает. — Отец восхищённо жестикулировал. Таким его Боря раньше, до переезда, не видел, но как только они приехали в Борки, папенька его прямо-таки расцвёл на глазах.

Пока они шли, мимо них пол дюжины раз проехали телеги. А ведь от их дома до мануфактуры едва ли больше пятисот шагов! Пять повозок шли в сторону фактуры от города, груженные углем и рудой, и лишь одна шла в обратном направлении, под завязку забитая новенькими инструментами и ящиками, в которых, как знал Боря, перевозили самострелы. Борьке ужасно хотелось работать на сборке самострелов, а ещё лучше — ружей. Но вот только на первое производство и без него стояла длиннющая очередь, порой даже из матерых мастеров, а второе не так давно просто-напросто переехало в Новгород, где народу рабочего было всяко больше.

По правой стороне дороги, за невысоким заборчиком, на большом пустыре, где не так давно выставили напротив друг друга деревянные ворота, парни помладше увлечённо и беспорядочно гоняли мяч. Уже скоро у них должны начаться уроки в школе, но до того ребячьи до седьмого пота бегала по вытопанному полю, нещадно избивая круглый кожаный шар. Боря, наверное, и сам был бы рад присоединиться к ним, однако он уже чувствовал себя взрослым и стремился работать на равне с отцом. На мануфактуру брали с четырнадцати лет, а потому многие из тех парней, что сейчас весело бегали по пустырю, наверняка очень скоро присоединятся к Борьке в сборочном, а то и в кузнечном цеху.

Они уже почти дошли до высоких ворот, которые охраняли два солдата в серых мундирах с ружьями, как вдруг за спиной вновь послышался топот множества копыт, однако уже без шума колёс повозки. Борька обернулся. Со стороны города рысью скакало с пол дюжины всадников, среди которых он узнал и наместника.

— Здорово, рабочие! — Махнул он рукой, приветственно улыбаясь.

— Здравствуй, здравствуй, Максим Петрович, — Почтительно склонил голову отец. Борька повторил его жест, также поприветствовав известного и уважаемого человека. Молодой мужчина проскакал мимо вместе со своим разномастным сопровождением, улыбнувшись Борису, от чего тот даже на мгновение опешил. У входа они встали в очередь

на проверку пропусков прямо за кузнецом, о котором в народе ходила очень противоречивая молва.

Минад, кузнечных дел мастер, родом с дальнего юга. Это всё, что о чернокожем мужчине знал как Борька, так и, наверное, все остальные в Борках. Наверное, он бы не смог тут выжить, если бы не пользовался сначала исключительным покровительством наместника и даже князя и если бы не был, пожалуй, одним из самых искусных кузнецов во всём селении. А когда он самостоятельно возвёл новую кузнечную печь, которая давала очень сильный жар и позволяла выплавлять уклад, то есть сталь, тогда все сомнения по поводу его законности вовсе отпали. Конечно, люди всё ещё шептались о странном кузнице, но это были уже в основном новоприбывшие и те, кто не знаком с его навыками.

— Здравствуй, Милад! — Умело скрывая опаску, поздоровался отец. Широкоплечий кузнец чрезвычайно легко повернулся и, улыбнувшись своими довольно светлыми, на фоне кожи, зубами, пожал отцовскую руку. Боря не хотел в чём либо отставать от отца, а потому также протянул руку гиганту, хотя откровенно побаивался его.

Сегодня начало рабочего дня было несколько иным, чем обычно. Сегодня дядька Всеволод, грузный широкий дьяк, что обычно вёл учёт и выдавал плату за труд, собрал всех кузнецов, сборщиков и остальных рабочих у лестницы на второй этаж мануфактуры. Он, вместе с Максимом Петровичем и ещё несколькими людьми встали на лестницу, откуда и собирались что-то вещать. Почти три сотни человек теснились в кузнечном цеху, который при обычном режиме работы уже всюду должен был пыть дымом, что отводился через трубы на улицу, пожирая уголь и руду.

— Уважаемые рабочие! — Сильным командирским голосом добился тишины Максим Петрович. Ни Борьку, ни кого-то ещё уже вовсе не удивлял его необычный, пусть и в целом понятный говор. Люди скорее даже наоборот стали перенимать некоторые слова, которые использовал их чудный наместник. — Для начала объявление для вас сделает управляющий мануфактурой. — Наместник указал на дядьку Всеволода. Он, перевалившись своей грузной тушей с ноги на ногу, раскрыл бумажный конверт, который в его руках казался уж очень маленьким и стал вещать на всё огромное помещение своим раскатистым, словно гром, голосом.

— С сегодняшнего дня всем рабочим, что работают в сборочном цеху, следует самим затачивать и доводить до нужного вида все инструменты. Для сего следует все точильные круги из кузниц переставить во второй цех. — Для Борьки это сообщение стало весьма неприятным. Если раньше вся его работа заключалась в том, чтобы лишь взять уже заточенный, скажем, колун топора и просто намертво закрепить его на собственноручно вырезанную ручку, то теперь к этому добавлялась ещё и обязанность этот топор заточить. Конечно, с использованием точильного камня с педалью дело пойдёт в разы быстрее, однако всё же добавляется новая работа. Впрочем, Борька понимал, что делается это лишь для того, чтобы ускорить работу кузнецов, которые до сегодняшнего дня попросту не поспевали за сборщиками, имея даже три десятка новых жарких горнов.

— Дабы сохранить справедливую оплату труда, плата кузнецам будет чуть снижена, поскольку теперь заточка в их работу не входит. Сборщикам же, напротив, плату за каждый инструмент повысится. — Продолжил дядька Всеволод. Народ возмущаться не стал, поскольку всё и вправду было сделано по справедливости. — На сем у меня всё, — Коротко склонил голову он, возвращая слово Максиму Петровичу.

— Также сегодня, после обеденного перерыва, все желающие рабочие приглашаются на

поле для игры в ногомяч. — На эту новость реакция была смешанной. Те, что помоложе, радостно загомонили, те же, что постарше, тихо заворчали. — Мы будем создавать команду мануфактуры по ногомячу, — Продолжил наместник. — Указом князя все мануфактуры, где работает не менее трёх сотен человек, должны иметь свою команду. Как только наберётся достаточно команд, будут проводиться игры, где рабочие смогут поболеть за команду родной мануфактуры.

— Это что же, на каждую игру надо будет в Новгород ездить? — Выкрикнул кто-то из толпы.

— Почему же? — Усмехнулся в ответ Максим Петрович. — Обустроим тут отличное поле, скамьи поставим. Ещё лучше, чем в Новгороде будет. А на игры один раз сюда приедут с соседней фактуры, в другой раз мы к ним. Так и будем играть.

— А ставки будут? — Задал кто-то вопрос уже из другого конца цеха.

— Конечно! Вы сможете сделать игру интереснее, поставив на свою команду! Кстати, рабочим места в первом ряду бесплатно! А игроки команды получают дополнительное питание и сокращённый рабочий день для тренировок! — Толпа радостно загомонила, на чем и закончилась речь наместника. Конечно, некоторые люди вовсе не представляли себе, что такое ногомяч, однако большинство рабочих, что жило тут ещё до прихода к власти нового князя, застали, как его гвардейцы увлечённо играли в эту простую, но очень интересную игру даже зимой.

Сегодняшний рабочий день до обеда Борьке напоминал предыдущие. С той лишь разницей, что пол часа в начале ушло на установку точильных кругов, а после Борису приходилось тратить раза в полтора больше времени на один инструмент только из-за того, что его приходилось затачивать. Конечно, собирая какой-нибудь молоток, дело идёт куда быстрее, однако и его нужно отшлифовать от разного рода заусенцев и прочих следов массовой выплавки. Да и плата за молоток значительно меньше, чем за тот же серп.

Но больше всего Борису хотелось начать работать с массивными плугами. Он, взяв с конвейера очередное лезвие серпа без заточки, пару раз кидал взгляды в сторону взрослых, которые, водрузив массивный плуг к точильному кругу, планомерно приходились по лезвию, иногда высекая снопы искр. Потом они наконец ставили его и прибавляли две ручки позади, чтобы направлять инструмент во время вспахивания и две оглобли с дугой спереди железного плуга, чтобы запрягать в него коня или быка. Борька видел, как плуг вспахивает землю. Легко и непринуждённо он вгрызается в почву, возделывая её так, как, пожалуй, ни одна соха на свете не сможет.

Сын ремесленника заканчивал вырезать из бруска очередной черенок для лопаты, как вдруг, откуда ни возьмись, за его спиной появился фактурный смотритель, тот самый дядька Всеволод. Борька молчаливо кивнул ему, улыбнувшись и, получив одобрительный взгляд в ответ, пошёл к конвейеру за полотном будущего инструмента, то есть за металлической частью. Дядька Всеволод же, пройдя немного дальше по сборочному цеху, стал отчитывать какого-то новичка, примерно ровесника Борьки.

— Что же ты не уразумеешь никак? Сколько раз было сказано в чистоте держать место рабочее? — Грозно раздавался голос главного дьяка.

— А что ж плохого то? — Обиженно пискнул работник. — Я, может, потом и уберу всё? — Борису было откровенно смешно слышать такие разговоры. Сам он тут же убирал всю щепу и опилки, как только те появлялись, а инструмент держал всегда на месте и в отличном состоянии. А когда им точильные камни поставили, так и вовсе все его ножовки и

молотки засверкали от хорошего к ним отношения.

— Ежели княжеским указом было велено, значит надо так! Да и работа быстрее идёт да проще, когда вся мануфактура в чистоте и порядке трудится. — Ответа не последовало, а потому Всеволод, раздражённо хмыкнув, обратился к своему помощнику, что незаметно следовал за ним с деревянной дощечкой, на которой было закреплено, один по верх другого, множество листов.

— Ерёма, выпиши-ка этому молодцу штраф в две копейки. За непослушание да нарушение фактурного устава. — Ерёма лишь коротко кивнул и стал не спеша выводить на верхнем листе что-то своим пером, иногда обмакивая его в нагрудную чернильницу-непроливайку. Когда же помощник дьяка дописал, он поставил снизу листа печать, что также хранилась при нём и одним движением вырвал этот самый листок из своего блокнота, передал Всеволоду, а тот, в свою очередь, провинившемуся работнику. Две копейки не очень большая, но всё ощутимая сумма за простой беспорядок на рабочем месте. Ведь за эти деньги, при желании, можно купить ржи на пару дней в урожайный год. Впрочем, средний работник зарабатывал столько в течение пары часов честного труда.

На первый взгляд такая схема кажется слишком простой, ведь тот, кому выписали штраф вполне может просто выбросить злосчастную бумажку и ничего не платить. Вот только копия такой же бумаги делается тут же и остаётся у дьяка. А когда же штраф будет уплачен, обе эти бумажки будут переданы штрафнику. А наказание за уклонение от уплаты штрафа не самое лёгкое: год бесплатного и весьма тяжелого труда на строительстве дорог и мостов исключительно за скромную пайку. Так что, не всё так просто в новом государстве, как может на показаться на первый взгляд.

Глава 2. «Революция и футбол»

2 июня 1506 года. Окрестности Новгорода.

По лесной дороге в сторону Новгорода шла повозка. Телега напоминала большую прямоугольную коробку, потому как со всех сторон она почти полностью закрыта и даже сверху имеет деревянную крышу, обитую с ребер железом. Только посередине, по всему периметру повозка имеет множество небольших окошек, в которые едва ли может протиснуться человеческая рука.

Две лошади мерно переставляют ноги, цокая по плотной земле стальными подковами. Тщательно смазанные оси колёс совсем не скрипят. Извозчик, сторбившись, сидит на скамье и, спрятав лицо под широкой шляпой, похоже мирно дремлет под монотонный цокот. Повозка идёт совсем неспешно, как бы растягивая дорогу до большого города через дремучий смешанный лес.

Метрах в ста впереди, по обеим сторонам дороги, в непролазных зарослях чащи, рассыпались два десятка человек. Они прижались к земле, держа подле себя своё оружие. Все имели при себе в основном небольшие клинки, реже луки. И только один из них, парень шестнадцати лет, держал подле себя небольшой, компактный арбалет, на прикладе которого красовалась резная надпись: «Боркинская самострельная мануфактура. Образец А-4. Серийный номер: 000442.» К пареньку подобрался небритый мужчина лет тридцати и зашептал ему на ухо.

— Ну что, Лаврентий, благодарствуют тебе старые помещики. — Ухмыльнулся он.

— Ты уже не помещик, — Безразлично ответил парень. — И все они — тоже.

— А это ты зря так говоришь, — Беззлобно ответил некогда владелец нескольких деревенок к северу от Новгорода. — Сейчас мы с силами соберёмся, да прогоним этого чужака с земли Новгородской. Вот только сначала деньжат возьмем на армию кой-какую. — Он оскалился, обнажая желтые зубы с многочисленными промежутками. В этот момент сзади подполз ещё один такой же бывший помещик, который после переворота был осуждён и сбежал из своего поместья.

— Ну что, братва, повозка то и вправду едет! — Хохотнул он. — Здоровая! Не подкачал малой, не подкачал. — Он по приятельски похлопал Лаврентия по плечу, поудобнее перехватывая свой лук.

— Так почему, ты говоришь, повозка с оброком без охраны идёт? — Вдруг спросил первый помещик.

— Ежели охрану выделять, то сразу ясно, что не навоз везут. — Пожал плечами он. — Да и нет сейчас у князя людей лишних на охрану. — Уверенно проговорил Лаврентий.

— Ну да, ну да, — Закивал в ответ мужик. — Так ты же и сам в его отроках служил?

— Служил, — Не стал отрицать парень. — Да только понял я, что слаб князь, да мысли его ничтожны. Вот и подался к вам, дабы честь дворянства русского восстановить. — Заученный текст отскакивал от светлых зубов и собеседники с улыбками закивали.

— Ну, щас телега уже подойдёт. — Опомнился помещик с луком на плече. — Давай, не подкачай, малой. На тебе возникший, помнишь?

— Конечно, — Отозвался парень, поудобнее перехватывая арбалет и, незаметно для своих собеседников, подтягивая поближе к себе новенькую шпагу.

В этот момент в той самой повозке раздался тихий, едва слышимый шорох. По мнению

устроившего засаду отряда в ней должно перевозиться серебро оброка с близлежащих деревень. Помещики-мятежники и не подозревали, что при новой системе налогообложения не имеет никакого смысла перевозить налоговые поступления в таких масштабах.

Шорох в повозке прекратился почти также, как начался, стоило только десяти слитным щелчкам взведенных механизмов спуска прозвучать в свете нескольких тусклых свечей. Воцарилась тишина, в которой гвардейскому десятку предстояло ожидать заветного сигнала, держа ружья наготове.

В этот же момент, в полукилометре от места засады, пятая рота Новгородского полка готовилась принять своё первое, пусть и не очень масштабное, боевое крещение. Сто двадцать человек оцепили участок, медленно смыкая кольцо вокруг того места, где с минуты на минуту должно стать очень жарко. Они шли, осторожно ступая по непролазным зарослям и держа строгий порядок цепи.

Когда лошади наконец довели повозку до места засады Лаврентий, как и предполагалось, выпустил в болт в фигуру за поводьями, от чего та пошатнулась и бесшумно завалилась на бок. Соломенное чучело, тщательно одетое и замаскированное отлично сыграло свою роль и сейчас почти весь отряд мятежников встал в полный рост и с лихим кличем бросился к повозке. Главарь банды также привстал в нескольких шагах от Лаврентия, который уже незаметно отложил свой самострел и также невзначай взялся за шпагу. Вот из маленьких окошек в бортах повозки показались еле заметные стволы ружей.

Лаврентий вскочил на ноги, вынимая шпагу из ножен и в два длинных прыжка настиг того самого главаря. Прозвучал слитный залп, окутавший борта повозки густым дымом и скосивший разом большинство людей, что к ней подбирались. Звук выстрелов заглушил удивленный возглас, который почти тут же оборвался, стоило Лаврентию проткнуть его незащитное тело острым лезвием тонкой шпаги.

Лучник, стоящий в десятке шагов правее вдруг резко обернулся и, что-то буркнув себе под нос, направил своё оружие на Лаврентия. Шпага гвардейца всё ещё находилась в теле врага, а потому парню оставалось лишь заученным приёмом потянуть её на себя, одновременно с этим подхватывая падающую тушу и прячась за ней. Тетива выпустила стрелу, которая летела не в пример медленнее арбалетного болта. Не будь у гвардейца его живого щита, острый наконечник наверняка поразил бы его. Однако сейчас стрела лишь глухо ударила в уже обмякшее тело и, глубока в нём застряв, там и осталась.

Лаврентий наконец освободил своё оружие и уверенным шагом двинулся к замешкавшемуся стрелку. Тот судорожно доставал из колчана следующую стрелу, однако времени ему явно не хватало. Пока парень стремительно преодолевал смешное расстояние, примеряясь для решительной атаки, он невольно отметил как разбегаются в страхе или поднимают руки кверху, вставая на колени, совсем недавно уверенные в себе мятежники. Из распахнутой задней дверцы массивной повозки стали организованно высаживаться гвардейцы его десятка. Действуя строго по инструкции, они планомерно наступали цепью, выставив перед собой ружья с примкнутыми штыками. Желających сдаться гвардейцы единственным выверенным ударом приклада отправляли в глубокий нокаут, а тех, кто оказывал сопротивление попросту закалывали как свиней молниеносными выпадами.

Тем временем расстояние до цели стало совсем небольшим. Лучник кое-как положил стрелу на тетиву, однако Лаврентий попросту выбил её вместе с луком одним быстрым боковым ударом. Приняв боевую стойку, гвардеец ждал, пока его противник вступит в ближний бой. Ему нужен был честный бой один на один. Ну или почти честный. Всё же

длинная шпага с широким лезвием качественно на голову превосходит ту короткую сабельку, что обнажил перед ним противник, ринувшись в слепую атаку.

Отразив пару размашистых, но не очень эффективных ударов, Лаврентий слегка рубанул по ноге мятежника, от чего тот на мгновение потерял равновесие и присел на одно колено. Гвардеец мог бы легко проткнуть его в этот самый момент, однако делать этого не стал. Поднявшись, противник вновь отчаянно ринулся в бой, однако на этот раз парень, что был раза в два младше помещика, отразив первый удар извернул кисть со шпагой и глубоко порезал правую руку оппонента. Тот перехватил саблю в левую руку и, оскалившись, попятился назад. Лаврентий уже хотел нанести финальный удар и даже отвел руку со шпагой для этого, однако в последний момент со стороны леса раздался выстрел. Гвардеец разочарованно опустил оружие, а его израненный враг рухнул на землю с пробитой навывлет пулей головой.

Гвардеец обижено зыркнул в сторону стрелявшего, что стоял, окутанный небольшим клубом дыма в пятнадцати шагах от него.

— Эй, так не честно! — По-детски воскликнул внедренный во вражеский отряд гвардеец.

— Виноват, господин гвардии-сержант! — Испуганно пискнул заученной фразой рядовой, сдерживаясь, чтобы не упасть в глубоком поклоне. Лаврентий же не ответил, а лишь, разочарованно вздохнув, вытер об одежду убитого шпагу и побрел к повозке, вокруг которой суетились бойцы из роты оцепления и организованно собирался его десяток.

К приманке стали подтягиваться солдаты роты, оцепившей участок. Они шли плотным кольцом, не давая возможности ни одному из мятежников улизнуть. Некоторые вели перед собой сдавшихся, держа их на мушке, но большинство, уже изрядно расслабившись, вышагивало весело и бодро, опустив оружие.

— Ну, господин гвардии-сержант, не зря пропала целая седмица подготовки, а? — Хохотнув, поприветствовал его весьма молодой капитан роты, бывший солдат сотника Григория, что ныне является полковником.

— Да уж, долго пришлось их мариновать, — Наконец перенял Лаврентий всеобщую радость, изобразив на лице улыбку. Гвардеец расслаблено присел на землю, облокотившись на колесо повозки. — Сколько пленных вышло? — Наконец спросил он.

— Та всего шесть рыл, — Отмахнулся капитан. — Отряд этот совсем малый, не чета тем, что месяц назад здесь орудовали.

— Да-а, обмелили совсем мятежники. — То ли с досадой, то ли с радостью проговорил Лаврентий.

— Куда их велено везти? — Поинтересовался капитан, кивнув на пол дюжины пленных, которых сейчас связанными по рукам и ногам заводили в повозку.

— Эти здоровые, значит на рудники раскидать. — Безразлично буркнул гвардеец. — Тех, что покрепче — на Карельские железные шахты, а кто послабее — на местные, серебряные.

— Эх, а ведь когда-то честными людьми были... — Капитан раздосадовано сплюнул подтолкнув одного из мятежников внутрь импровизированного автозака.

— Как князь наш любит говорить, преступник должен сидеть в тюрьме! — Гордо сказал парень, резво поднявшись и закинув арбалет себе на плечо. — А лучше не сидеть, а работать, да пользу новому свободному государству приносить.

— Вот это правильно, — Без раздумий согласился капитан, запирая на засов дверцу

повозки. — Даст бог, к концу года всех этих татей переловим.

— К концу лета их духу тут не будет, помяни мое слово.

— Хорошо бы, — Мечтательно вздохнул молодой офицер. — Гвардеец же в один прыжок занял место возничего и привычно взял в руки вожжи.

— Гвардия, по коням! — Раздалась привычная команда и вскоре гвардейцы, оседлав подведенных лошадей, выстроились привычным конвоем вокруг монструозной телеги. Сержант легко ударил двойку лошадей, набирая скорость. Отряд двинулся в Новгород, откуда пленных должны были первым же конвоем таких же преступников отправить в места, где они должны будут проработать на благо нового государства в среднем порядка пятнадцати лет, принося в казну серебро, а в вечно растущие, чадающие дымом кузницы уголь и руду.

Интерлюдия. Борки.

Звонкий свисток в руках Максима ознаменовал возобновление игры на пустыре между командами мальчишек, работавших ещё сегодня утром на мануфактуре. Сейчас же они одной сплошной, неорганизованной тучей носились по всему полю, пытаясь затолкать мяч в ворота, а наместник цепким взглядом человека из будущего подмечал в этой толпе перспективных ребят.

Команда из Новгорода, собранная пол года назад лишь из компании лихих обалдуев-энтузиастов уже давно перестала играть таким примитивным способом, как сейчас бестолково носятся по полю мальчишки и начала показывать впечатляющий уровень игры. Здесь же всё нужно было строить заново.

Благо бремя тренера на Максима упасть не грозило, потому как это роль на себя возьмёт один из игроков Новгородской команды. Вокруг крупнейшего города региона функционировало пока только шесть мануфактур, хотя стройки активно велись почти повсеместно. В черте же самого города в данный момент активно выпускали свою продукцию только две недо-фабрики. Во все эти мануфактуры и был разбросан состав сильнейшей на данный момент футбольной команды мира.

С Максимом в Борки направился капитан Новгородской команды и, пожалуй, самый сильный ее игрок — семнадцатилетний сын зажиточного Новгородского купца Андрей Оршанский. Фамилию такую(или скорее прозвище) парень имел потому, что отец его переехал в Новгород из города Орша, что в литовских землях белой руси стоит. Однако, с подачи Максима и непосредственно князя все чаще парня стали зачем-то называть «Оршавиным».

И вот вновь на небольшом пустыре, едва вмещающем в себя размеры поля для уменьшенной копии футбола, вновь началась потасовка, которая с натяжкой претендовала на игру. Команды были сбалансированы не очень удачно, а потому мяч почти всегда находился на половине слабых, а сильные уверенно вели в счете. И вот самый шустрый игрок из сильной команды умудряется каким-то образом выскочить один на один с вратарем, а тот, в свою очередь, неуверенно выходит ему навстречу. В этот же момент плотный низенький паренек из отстающей команды, который ранее преследовал мяч, по инерции продолжил своё движение и едва не забежал в свои ворота.

Максим узнал незадачливого защитника. Этот подросток, что недавно с семьей перебрался в Борки из Новгорода каждый день бьет рекорды производства среди своих ровесников. Конечно, до своего мастеровитого отца или даже до других взрослых ему еще далеко, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в ремесленном деле этот парень

наверняка далеко пойдет.

И вот сейчас этот стахановец шестнадцатого века в нерешительности остановился у линии своих ворот. Нападающий противника в этот момент пропихнул мяч мимо вратаря и, улыбнувшись комичности ситуации от всей души зарядил кожаный снаряд шагов с десяти. Мяч летел не то чтобы быстро, однако направлялся в дальний от защитника нижний угол. Тот бросил отчаянный взгляд на вратаря, что беспомощно распластался далеко от ворот. Вдруг растерянность в глазах парня сменилась слепой уверенностью и он с места нырнул в дальний от себя угол, в последний момент выбив мяч прямо с линии ворот.

От такого маневра на мгновение опешил даже сам арбитр, в свое время повидавший множество невероятных сейвов от самых именитых голкиперов будущего. Он даже в живую наблюдал за вратарским чудом одной восьмой чемпионата мира в России. Однако тут в пользу его удивления скорее сыграл эффект неожиданности.

И все же, придя в себя, Максим дал свисток, указав на точку пенальти в шести метрах от ворот. Игроки были в разной степени осведомлены о правилах игры, а потому не сразу опомнились, но все же, в большинстве своем, от чего-то стали корить парня, сделавшего все возможное и от него зависящее. Тот понуро побрел в сторону скамейки запасных, которая больше напоминала обычную некрашеную скамью у подъезда в двадцать первом столетии.

— Эй, парень! — Остановил его Макс. Тот притормозил и с недоверием обернулся.

— Да, Максим Петрович? — Испуганно, но с достоинством отозвался он.

— Как тебя звать?

— Борисом кличут. — Пожал плечами он.

— А ну, давай-ка на ворота встань, — Максим указал на неровные бревна, образующие штанги и перекладину. Старого вратаря от этих слов как ветром сдуло — он поспешил занять желанное место полевого игрока.

Тот же самый юркий форвард, что не смог переиграть Бориса в первый раз сейчас ставил мяч на шестиметровую отметку, не скрывая при этом улыбки. Вообще пенальти для местных означало гол почти наверняка. Если только, конечно, бьющий не промахнется мимо ворот. Все же вратарский уровень здесь весьма невысок, от чего матчи заканчиваются порой с непривычно большим для футбола, в своем изначальном смысле, счетом. Порой голкиперы просто боялись мяча, который далеко не всегда летел с угрожающей скоростью, от чего и возникал этот парадокс невероятно крупного счета на табло к концу матча, стоило полевым игрокам пристреляться к воротам.

Однако новоиспеченный вратарь, похоже, был настроен серьезнее некуда. Он широко расставил ноги, немного согнув их в коленях и, не мигая, стал сверлить взглядом мяч.

— Черт, а техника-то почти правильная! — Пробурчал себе под нос Максим, на что Новгородский бомбардир Оршавин лишь задумчиво хмыкнул, держа в зубах небольшую соломинку.

Наместник поселения и, по совместительству, арбитр матча дунул в свисток и бьющий, взяв небольшой разбег, от всей души лупанул по мячу, как говорится, с носка, не церемонясь. Мяч, подняв небольшую тучку пыли, на внушительной скорости полетел в правую часть ворот на средней высоте. Для молодого вратаря он летел, соответственно, влево и тот, подведя правую ногу к левой, самоотверженно прыгнул к нему навстречу.

Для Максима все как будто замедлилось и он смог в мельчайших деталях рассмотреть не очень техничный, но очень внушительный прыжок и руки, намертво фиксирующие мяч. Когда юный вратарь наконец приземлился, подняв с земли пустыря немало пыли, над всем

полю нависла секундная, почти неуловимая тишина. Нависла и тут же разорвалась десятками криков и возгласов, разочарованных и радостных. Борис же, не совсем понимая происходящее вокруг лишь медленно поднялся и, не веря своим глазам, посмотрел на кожаный мяч в своих руках. Соломинка выпала из открывшегося рта Оршавина и тот, поперхнувшись, с удивлением обернулся на Максима.

— Нам бы этого парня в Новгород. А, Максим Петрович? — С надеждой произнес он.

— Ну нет, Андрейка. — Хохотнул в ответ наместник. — Моя звезда, не отдам!

Глава 3. «Княжеские будни»

3 июня 1506 года. Новгород.

Солнце еще только-только выходило из-за горизонта, а я уже потягивался в постели, собирая все силы в кулак, чтобы встать. Рука привычно скользнула на вторую половину постели и, не найдя опоры, безвольно упала на светлую простынь. Я недовольно приоткрыл глаза и тут же почувствовал приятный запах чего-то очень аппетитного в соседней комнате. Эх, не наш менталитет, не наш. Впрочем, жаловаться тоже не на что.

Наконец, одним прыжком выскочив из под одеяла, я, глубоко зевнув, подошел к бадье со студеной водой из колодца и, набрав полный ковш, облил голову и лицо, спешно умываясь. Все же просыпаясь каждое утро с осознанием собственной важности невольно самостоятельно начинаешь отгонять от себя сон дабы как можно быстрее включиться в рабочий ритм. Да уж, страна сама себя не поднимет, а брэнное тело — тем более.

Я распахнул деревянные ставни с новенькими стеклами, в которых не было ни намека на прозрачность и выплянул в окно. С третьего этажа громадного терема открывался относительно неплохой вид на двор детинца и, частично, даже на город. Но если в главной крепости города под трубный рев и барабанный бой из длинных барачных стали выскакивать бойцы одного из батальонов, то в остальной части большого города народ мирно просыпался, потихоньку выползая на чистые, кое-где уже замощенные камнем улицы.

Уже больше месяца в Новгороде постоянно пребывает лишь один из батальонов полка. Другие два, разделившись на шесть рот, были разбросаны по всей округе в радиусе десяти верст и проводили усиленные учения в полевых условиях. Раз в неделю полки сменялись и в город входил измотанный батальон на недельную передышку, которая, впрочем, отнюдь не означала отсутствие тренировок. Каждая рота не стояла при этом на месте, а ежедневно преодолевая значительные расстояния организованным маршем, от одного селения к другому. Роты вставали на ночевки рядом с деревнями и селами, откуда получали значительную часть провианта взамен на разнообразную помощь. Солдаты, как некогда римские легионеры, занимались ремонтом и улучшением дорог, возведением мостов и переправ, мелким строительством и ремонтом по просьбе селян. В общем, не одними стрельбами и маршами был сыт полк, но еще и общественно полезными делами.

Наконец, когда батальон построился между бараками, заиграла непринужденная мелодия нескольких медных труб и строевых барабанов.

— Ну, что там у полкового оркестра на сегодня? — Задумчиво пробурчал я себе под нос, готовясь к стандартному процессу утренних упражнений. Вот небольшой, прерывистый музыкальный аккомпанемент закончился, чтобы вскоре вновь разразиться новой мелодией, а голосистый паренек с большущим рупором, которого я когда-то лично отобрал на роль исполнителя, с улыбкой начал не то запевать, не то зачитывать когда-то очень известный в моей реальности текст.

— Вдох глубокий. Руки шире. Не спешите, три-четыре! — Заливался соловьем он, а батальон все активнее выполнял отнюдь не разминочный план упражнений, при этом имея на спине по пуду веса в импровизированных рюкзаках.

— А, Владимир Семенович! — Радостно воскликнул я, также повторяя упражнения утренней гимнастики.

Через пять минут с первичным этапом зарядки было покончено и я, также как и три с

половиной сотни солдат, отправился на завтрак. Вот только три роты бойцов направились принимать пищу на открытом воздухе под навесами, а я, как и полагается мне по статусу, в уютную столовую. Я зашел как раз вовремя: Анна заканчивала накрывать на стол, где уже источала аппетитный аромат яичница в роли главного блюда.

— И что тебе не спится в такую рань? — Задал риторический вопрос я, садясь за скамью.

— Ой, да все равно не выспишься с этой твоей «гим-нас-ти-кой», — По слогам проговорила она последнее слово.

— Знаешь, — Начал я, аккуратно зачерпывая деревянной ложкой из сковороды свой завтрак. — А ведь на многие сотни километров вокруг ни одна женщина не ест за одним столом с мужчиной. Более того — они почти не видятся!

— Знаю, — Опустив глаза, буркнула она. — И все же мы уже две недели как имеем на это полное право и благословение церкви, помнишь?

— Да как тут забыть, — Хохотнул я, припоминая события полумесячной давности. А припомнить было не просто! Хотя я тогда и не собирался напиваться, вездесущий Майер на радостях напоил меня так, что я даже не помню как именно! Впрочем, к свадьбе дело шло уже очень долго и для всех наших общих знакомых это было, пожалуй, очевидно и скорее являлось вопросом времени. Зато теперь я могу подначивать Макса пойти по моим стопам и наконец забрать в Борки Светлану, сестру Ивана, капитана растущей на глазах гвардии.

— Обидно, конечно, что остальной народ не может жить также. — Грустно вздохнула она.

— Поверь мне, милая, не пройдет и десятка лет, как вся Новгородская земля изменится до неузнаваемости. Женщины будут участвовать в жизни государства почти также, как и мужчины. Посещать балы и праздники, работать на фактурах и фермах...

— Служить в армии? — Прервала она меня. Я даже опешил от столь смелого предположения. Нет, конечно я знал о либеральных наклонностях моей новоиспеченной супруги, но это уже что-то выходящее за привычные рамки.

— Это вряд-ли, — Примирительным тоном ответил я. — Может, в далеком будущем, когда ружья будут стрелять почти без дыма и почти без шума, порой сотнями пуль в минуту.

— Это невозможно, — Грустно усмехнулась она подобно маленькой мечтательнице.

— В этом мире все возможно, — Приобнял я ее за плечи. — Нужно только желание и вера в успех.

— Ты помнишь, что у тебя сегодня? — Сменила тему Анна.

— Напомни, дорогая. Мне важно, чтобы ты была в курсе всех моих важных дел.

— Сегодня у тебя встреча с крупными наместниками, богатыми купцами и горожанами, — Заглянула она в простенький блокнот с большими жесткими листами на деревянном планшете. — Герр Максим прибудет из Борок после обедни, как раз к собранию.

— Отлично. — Выдохнул я. — Значит, есть время немного отвлечься от государственных дел.

Я потянулся к ее губам и почти коснулся их своими, как вдруг в дверь настойчиво постучали.

— Кто там? — Сохраняя самообладание, спросил я. Дверь приоткрылась и в проеме показалось округлое лицо мужичка с аккуратными усами.

— Господин государь, там десяток гвардии-сержанта Лаврентия Павловича прибыл. С ними повозка с пленными. — Он виновато опустил глаза, понимая, что зашел не то чтобы

вовремя, но с места не сдвинулся.

— Хорошо, я сейчас подойду, — Выдохнул я и гонец, кивнув, юркнул за дверь. — Прости, страна зовет. — Огорченно шепнул я на ухо Анне.

— Ничего, я понимаю, — Улыбнулась она, провожая меня взглядом. — Не забудь, сегодня после обеда собрание в зале круглого стола! — Крикнула она в след мне.

— Не забуду! — Ответил я, выходя из терема.

Пройдя по утоптанному плацу, где вскоре у солдат должны начаться активные учения, я вышел к воротам, выходящим к реке, в которые как раз въезжала непривычно высокая и крепкая телега, запряженная двумя крупными лошадьми.

Через недавно восстановленный мост, который был напрочь уничтожен во время осады, телега шла легко и почти бесшумно. Слева и справа повозку конвоировал гвардейский десяток в привычных черных мундирах. Прямо под рукой, у седла каждого из молодых, но отлично обученных бойцов из кобуры выглядывал приклад ружья, а через грудь, крест накрест как влитые висели два патронташа с бумажными патронами.

За вожжами сидел сам сержант, прославивший в полку нового строя настоящим «кардиналом гвардии». Впрочем, не с проста: за последний месяц Лаврентию удалось устранить более сотни враждебно настроенных мятежников, среди которых было немало некогда очень больших людей. Впрочем, сейчас эти контрреволюционеры либо кормили червей где-то в земле, либо махали кирками на рудниках. И я даже не знаю, что из этого более предпочтительно.

Весь отряд, спешившись, организованно выстроился перед повозкой, а командир сделал шаг вперед.

— Господин государь, во вчерашней облаве нейтрализован двадцать один мятежник. Из оных шестеро взяты живьем и благополучно доставлены! — Отчитался сержант, отдавая честь ударом правой руки в грудь.

— Отлично, гвардии-сержант! — От всей души поздравил я его. — Гвардейский десяток, объявляю всем вам благодарность за верную службу!

— Служим отечеству, — Улыбаясь, рявкнул отряд.

Я распорядился выделить ребятам три дня отпуска и щедрые премиальные за очередную успешную операцию. Пленные же незамедлительно отправились в места своего дальнейшего пребывания, где они долгие годы будут работать на благо нового государства.

Я не заметил, как солнце поднялось, а время неумолимо стало склоняться к обеду. За все это время сделал я не так уж и много: отправил повозку с пленными, посетил бараки, узнав, как дела у солдат и посидел немного в недавно построенном на скорую руку здании школы, которое являлось, по сути своей, пристройкой к одному из барачков. Здесь двумя большими потоками по пол сотни человек обучались гражданские дворяне-чиновники, которые уже осенью должны были отправиться во все концы подконтрольных мне земель и стать в них наместниками, контролируя и направляя налоговые поступления. Другая же половина, более склонная к военному ремеслу, должна была стать ядром офицерского корпуса: вместо ботаники они изучали артиллерийское дело и устройство ружей, вместо механики — тактику и стратегию, а учения о металлах и рудах полностью вытеснила усиленная физическая подготовка, разбавленная простейшей физикой и картографией. В общем, кадры решают все.

И вот, я как раз проходил по не очень широкому коридору учебного корпуса, как вдруг лицом к лицу встретился с молодым дворянином с эполетами военного курсанта.

— Господин государь, — Широко раскрыв глаза, встал в ступор парень примерно моего возраста. — Здравия желаю! — Он спешно отдал честь, все также неуверенно глядя мне в глаза.

— Курсант, а ты почему не на занятии? — Задал я закономерный вопрос.

— Дык это, господин государь, — Парень на мгновение замялся. — Учитель наш, господин да Винчи, пропал куда-то. У нас с ним занятие по механике быть должно, а его все нет и нет. Все курсанты уже на месте, да и отец Никон уже тоже латынь его толковать явился, ты не сомлевайся. А я вот, видишь ли, пошел найти господина учителя. — М-да, в который раз замечаю, что приятное слуху обращение в стиле Российской империи с примитивным русским «тыканием» абсолютно не сочетается. Надо как-то пытаться внедрять официальное обращение на вы, что-ли.

— Значит так, курсант, — Подумав, начал я. — Ты возвращайся в учебный зал, я к вам сейчас пошлю гвардейца, он с вами счетом или письмом займется. То, конечно, не механика, но все лучше, чем без дела сидеть. Задача ясна?

— Так точно, господин государь! — Серьезно ответил парень.

— Выполнять! — В такт ему ответил я, а сам быстрым шагом пошел к выходу.

Отправив одного из бойцов десятка моего личного охранения, который все время находился рядом со мной, на замену легендарному художнику и ученому, я вышел из учебного корпуса и быстрым шагом двинулся на поиски итальянца. Однако искать долго не пришлось: седовласый мужчина, прямо скажем, уже не молодого возраста, стоя на крепостной стене приставлял к башне, на которую он, по всей видимости перетащил что-то до этого и к которой уже была приделана небольшая дощатая площадка, длинную лестницу, держа в одной руке значительных габаритов предмет. Сказать наверняка, что это не представлялось возможным, однако от безумного и при этом гениального человека можно ожидать чего угодно.

— Господин да Винчи! — Окликнул я его, подходя к стене. — Позвольте спросить, чем это вы решили заняться вместо обучения курсантов? — Я говорил на смеси латинского и немецкого, но, как это обычно бывало, ученый без труда меня понимал и порой даже пытался односложно изъясняться по-русски. Впрочем, нам далеко не всегда удавалось понять друг друга без помощи Генриха или епископа Никона, которые, в отличие от меня, неплохо владели латынью. Сейчас же Леонардо лишь бросил на меня быстрый взгляд и, наконец забравшись на башню, стал с пол минуты возиться со своими изобретениями, которые он зачем-то водрузил наверх.

— Узрите, господин князь! — Наконец воскликнул он по-латински, подняв над головой похожий на широкую палку предмет. Именно на широкую, а не на толстую. — Восславьте прогресс и чудо человеческой мысли, ибо они раздвигают границы мира сего! — Леонардо в несколько быстрых движений раскрыл конструкцию и моему взору предстал действительно крайне интересный аппарат. Далее итальянец водрузил на небольшую площадку перед собой крупный мешок, явно чем-то под завязку забитый и, совместив две этих вещи, со всего размаху скинул с высоченной башни крепостной стены.

По началу показалось, что конструкция просто бесформенно падает, однако, пролетев чуть меньше половины дистанции до земли, вдруг сначала стал собранно пикировать, а потом, набрав достаточно скорости, вдруг взмыл вверх и планируя, плавно опустился прямо рядом со мной. Теперь я смог получше разглядеть конструкцию: к двухметровому деревянному шесту крепились широкие «крылья», которые легко складывались к основанию

и также легко раскладывались. Общий размах крыла составляет не менее трёх метров. Подъемную тягу дельтаплану давала кожаная материя между «крылом» и «фюзеляжем». В общем, конструкция напоминала что-то вроде дельтаплана, а мешок с камнями, весом, наверное, килограммов в пятьдесят, который был привязан к нему на том месте, где должен находиться человек, недвусмысленно намекает, что конструкция получилась на редкость удачной.

Пока я с увлечением рассматривал конструкцию, Леонардо да Винчи успел с поношески легко, даже в припрыжку, спуститься со стены и с радостным лицом подбежать ко мне.

— Ну ты видел, видел! — Совсем как ребенок заверещал он, прыгая вокруг меня.

— Да, господин да Винчи, это и правда впечатляет. — Не стал скрывать я. — Вот только почему вы решили работать именно над этим проектом? — Я говорил, одновременно с этим помогая Леонардо собирать его изобретение, отцепляя мешок с камнями. — У нас ведь есть уже три воздушных шара. И скоро будет четвертый.

— Конечно, это так, государь, — Начал итальянец, принимая от меня свой громоздкий дельтаплан. — Воздушный шар — это гениально! — Не скрывая восторга, заявил он. — Однако, я подумал, что будет если вдруг один из них начнет падать? Что тогда делать вашим драгоценным людям, которые им управляют? Сидеть и молиться? — Старик рассмеялся, чуть было не выронив свою ношу из рук.

— Эх, друг мой, если бы молитвы спасали всегда и везде — я бы приказал своим людям молиться днями напролет! — Леонардо хитро улыбнулся, поудобнее перехватывая дельтаплан.

— Я человек глубоко верующий, — Спешно оправдался он, — Однако если вдруг я окажусь в корзине из досок, которая будет падать с высоты пяти пизанских башен, — Он снова хрипло хохотнул, обнажая весьма неплохо сохранившиеся зубы. — Скажу вам по секрету: молиться о спасении я бы не стал.

За разговорами мы дошли до учебного корпуса, где великий ученый позднего средневековья попрощался со мной, не забыв при этом выразить сердечную благодарность за простор для его фантазии в области всех ему подвластных наук. И вот, как бы комично это не звучало, но пятидесяти четырех летний великий инженер и художник Леонардо да Винчи отправился на урок к зеленым помещикам-курсантам, а я, простой парень из двадцать первого века в роли князя века шестнадцатого направился в зал для собраний — обсуждать важный финансовый вопрос с богатейшими людьми округа.

Глава 4. «Дела государственные»

Я толкнул массивные двери, ведущие в просторный зал с множеством застекленных окон и, словно вихрь, прошелся по нему, вдыхая приевшийся запах воска от настенных свечей. Посередине зала стоит круглый деревянный стол, который размерами на порядок превосходит тот, что стоит в Борках. По кругу к нему поставлено пол сотни абсолютно одинаковых стульев со спинками. Никакой роскоши, никаких излишеств. Лишь строгая функциональность и удобство.

Хотя сейчас этот просторный зал и пусть, вскоре в детинец начнут пребывать богатейшие купцы города и, что немаловажно, мои соратники-наместники, которые в процессе освобождения крестьян в несколько раз расширили свои владения за счет возжелавших оказать сопротивление и, в последствии безжалостно репрессированных помещиков.

Вообще само слово «помещик» я старался не употреблять, заменяя его менее рабовладельческим «наместник». Сами же крестьяне разницы особой не замечали, а вот дарованной свободе радовались несказанно. В числе бывших землепашцев оказалось немало весьма прогрессивных личностей, которые, получив возможность свободно покинуть место своего жительства, массово хлынули на мануфактуры и, особенно, в Новгород.

Впрочем, это едва ли могло ударить по сельскому хозяйству региона, ведь получившие свободу крестьяне активно превращались в самостоятельных фермеров, засеивая огромные площади рожью и полмой. А качественные железные инструменты и, в частности, плуги, которые были на порядок лучше деревянных сох, уже сейчас, в начале лета, показали свою эффективность: на тех полях, где их использовали, первые всходы стали появляться значительно раньше обычного.

Если в этом году получится увеличить производство продовольствия, то уже в следующем я стану пожинать плоды в виде гигантского скачка урбанизации. Ведь в Новгороде и под стенами, помимо ружейной и самострельной мануфактур сейчас закладываются суконная, тележная, ткацкая, мебельная, бумажная и множество других больших производств. Земля, которая совсем недавно была известна лишь как поставщик дешевого сырья и пушнины, постепенно стала превращаться в огромную кузницу, которая с каждым днем поставляет на Европейский рынок все больше товаров.

Арбалеты, инструменты, изделия из дерева и металла и многие другие товары буквально затмили рынок пушнины своей доступностью и относительной дешевизной. Богатые Европейские купцы скупали все под чистую, щедро платя серебром, а иногда и обменивая пару ящиков самострелов на целую галеру угля или руды. Вечно растущие мануфактуры, торговля, параллельно с ними набирающая обороты, грамотно налаженная система налоговых сборов и серебряные рудники, получившие громадный толчок в развитии и производстве за счет труда осужденных: вот четыре основных потока, наполняющие казну нового, во всех смыслах революционного государства.

Однако чего мне действительно сейчас не хватало, так это умных и образованных людей. Впрочем, их, наверное, нашей стране не хватало практически всегда, вне зависимости от эпохи или реальности. И сейчас только радикальные реформы и молниеносный прогресс способны хоть как-то закрыть эту дыру в бюрократическом аппарате. Учиться, учиться и еще раз учиться предстоит доселе безграмотному населению. И

учиться, в большинстве своем, не в церковно-приходских школах, а в нормальных учебных заведениях с качественными учителями, как иноземными, так и местными.

Я сидел на одном из стульев зала круглого стола и размышлял над всеми этими, прямо скажем, Наполеоновскими планами, как вдруг дверь тихонько скрипнула и в проходе мелькнул светлый, скромно подшитый красными нитками кафтан с укороченными по локоть рукавами и черная жилетка. Задавая моду дворянам, так любил самым первым стал одеваться второй(после меня) прогрессор этого мира.

— Господин государь, смотритель вотчины вашей, наместник Кузнецов, по вашему приказанию прибыл! — Раздался его веселый голос.

— Макс! — Лишь выкрикнул я, налетев на своего ближайшего соратника, едва не сбив того с места. — Ну как там, в Борках, что нового?

— Да все отлично, — Отмахнулся он, — Откопал там местного Яшина, так его Оршанский чуть не заграбастал в Новгородскую команду! Но я отвоевал. Кстати, что сегодня за собрание? По какому поводу? — Максим прямо-таки излучал энергию и оптимизм, от чего я сам получил дополнительный заряд бодрости для новых свершений.

— Есть парочка важных вопросов. Я думаю, по ходу ты разберешься. — Сказал я, подходя к двери. — Прощка! — Окликнул я слугу. Не смотря на безобидное имя, Прохор — мужик весьма внушительных размеров. Этаким амбал, шириной в три шкафа, однако исполнительный и даже довольно умный.

— Да, господин государь! — Откликнулся он.

— Тебе не кажется, что наш стол весьма пустоват? — Спросил его я. — Надо бы что-то с этим делать, все-таки важные вопросы так не обсуждаются.

— Прикажешь подать обед на всех гостей? — Уточнил он.

— Да. — Сказал я, зыркнув на Максима. — На первое у всех будет лист бумаги, на второе — перо, а на сладкое — чернила. Все понятно?

— Так точно! — По-военному отрапортовал он и побежал исполнять указ.

— Похоже, князь Новгородский что-то глобальное удумал, — Развалившись на стуле, с улыбкой протянул Максим.

— А у меня в последнее время не глобального ничего и не бывает. — Гордо парировал я. — Все, Макс, хватит уже играть в попаданцев. Пора заняться серьезным делом.

Приглашенные гости стягивались в главный зал чертовски медленно и не организованно. Если Мстислав и наместники прибыли строго в полдень, как и было сказано, то нерасторопные купцы, коих набралось аж три десятка, явно считали себя хозяевами ситуации и вовсе не торопились. Да уж, надо бы провести некоторую перестановку сил в этом городе, а то с такими баранами империю не отстроить при всем желании.

Наконец, на час позже задуманного, все собрались и уселись за круглый стол, на котором за это время разложили пол сотни местных письменных принадлежностей. Большинство осматривалось вокруг с интересом, однако были и те, кто своим взглядом выражал или полное безразличие, или вовсе ничем неприкрытую неприязнь.

— Господа, — Наконец начал я говорить, привстав со своего места. — Рад видеть вас в зале собраний или, как мы его называем, зале круглого стола.

— А почему он... круглый? — Неуверенно спросил кто-то из купцов.

— А потому, что все, кто сидят за ним, в обсуждении равное право на голос имеют. И ежели большинство с чем-то не согласится, то никто ничего поделать с тем не сможет. — Присутствующие стали одобрительно переглядываться, а на лицах некоторых даже засияла

улыбка. Да уж, если даже в Новгороде демократия воспринимается таким образом, то что же будет, если подобное попытаться внедрить в других княжествах?

— А на кой нам всем чернила да перья с бумагой? — Недовольно буркнул один из богатейших купцов, владелец роскошного особняка в черте города и множества лавок на торговой стороне, Василий Золотевский, который выделялся на фоне остальных длинной и пестрой шубой и меховой шапкой и, что самое удивительное, бородой.

— Это на случай, если кто-то из вас решит записать что-то из нашей сегодняшней встрече. Если, конечно, достопочтенные новгородские купцы владеют грамотой в должной мере. — Я одними уголками губ улыбнулся, продолжая смотреть на местного мажора, который наверняка вошел бы в Новгородскую пятерку «Форбс», если бы таковая, конечно, существовала. Тот в ответ лишь презрительно цокнул, отводя взгляд.

— Впрочем, давайте уже перейдем к делам, — Я подал знак Прохору, который до того момента грузно переваливался с ноги на ногу подле меня и он водрузил на стол серебряный слиток в десятую часть килограмма и два звенящих мешочка, один аккурат в двое больше другого.

— Господа, перед вами самые ходовые деньги в Новгороде и его окрестностях. Из такого вот слитка чеканится сотня серебряных копеек, которые также принято называть деньгой, или же в двое больше серебряных полушек. — Да уж, мои скудные знания по истории хоть и вопят о том, что до такой системы на Руси еще около тридцати лет, сейчас я вынужден заглушить этот внутренний голос и принять тот факт, что денежная реформа, похоже, случилась от чего-то значительно раньше. — Итак, это все, конечно, замечательно. — Продолжил я. — Но есть и одна проблема. Народ не может в полной мере использовать деньги и преимущественно занимается бартером.

— Чем? — За всех задал кто-то нависший вопрос.

— Бартер — это обмен без использования денег. Товар на товар. Крайне неудобный и примитивный способ. — Я заметил, что многие купцы и абсолютно все наместники принялись что-то писать на своих листах, скрипя перьями. — Так вот, чем больше народ использует деньги, тем лучше и для казны и для тех, кто народу продает свой товар. — Купцы уверенно закивали, а наместники лишь в большинстве своем задумались.

— Так это ж сколько монет на всех нужно! — Воскликнул кто-то.

— Именно! — Подтвердил я его слова. — Рудники приносят много серебра, но этого не хватает для всех людей в княжестве. Как вы считаете, что нужно, чтобы это исправить?

— Ну, может, стало быть, еще больше чеканить? — Неуверенно предложил один из молодых купцов.

— К сожалению, даже нашего серебра на это не хватит, — Печально развел руками я. — Но решение есть! — Я взял в руку небольшую копейку весом меньше грамма из мешочка и поднял ее на уровне головы. — Копейка. Она же деньга. Целиком состоит из серебра. Однако что если уменьшить ее стоимость?

— Это как же? — Вновь раздался вопрос.

— Очень просто. — Пожал плечами я. — Попросту начать добавлять вместо части серебра медь или другой дешёвый металл. — Зал на мгновение окутала тишина, а после он буквально взорвался десятками возмущенных голосов. Я же сидел на месте с невозмутимым видом. Я знал, что так произойдет и был к этому готов. Не помню точно, как по научному называется этот термин. То ли инфляция, то ли девальвация. Но это не важно. Сейчас как таковых гегемонов на валютном рынке не существует, а это значит, что можно без страха

проворачивать подобные схемы. Ведь сейчас во всем цивилизованном мире ценятся лишь серебро, а не какая-то конкретная валюта. Ну, ещё, конечно золото. Но из последнего много монет не начеканишь, потому как его уж очень мало.

Валют, в виде привычных человеку будущего долларов или евро сейчас не существует. По сути, Новгородской деньгой можно платить хоть в Китае, потому как серебро есть серебро. А если на местном рынке чуток подшаманить и ускорить темп выпуска монет? Да, ценность денег станет падать, но если проводить этот процесс в умеренном темпе, да еще и подкрепить его большим капиталом, по итогу мы получим самое платежеспособное население во всем известном сейчас мире. Бартер уйдет на второй план, а экономика за счет растущих капиталов подобно локомотиву протаранит все мыслимые и немыслимые границы. Но это будет потом, а сейчас...

— Господа! — Воскликнул я. Мой голос эхом разнесся по залу, в котором разом воцарилась тишина. — Само собой, мы не станем пускать этот процесс на самотек и уж тем более не станем скрывать его от народа. Сейчас люди доверяют власти как никогда раньше и это наш шанс вывести Новгород в новую эпоху. Если все получится, то через несколько лет вы все станете стократ богаче, потому что крестьяне станут приносить вам не просто зерно и лапти, меняя их на рубаху. Не-ет, друзья мои. Они принесут вам деньги. Много денег! — Я давил на самую чувствительную часть торгашей и, похоже, у меня получилось. Люди стали смотреть на меня уже другим, более осмысленным взглядом.

— Ну и как же мы... Кхм, начнем это дело? — Наконец спросил один из купцов.

— Для начала я предлагаю заменить одну десятую часть серебра в монетной копейке медью. Медь отлично сочетается с серебром. Такой сплав не ржавеет, он довольно прочный и хорошо куется. К тому же, у нас есть медные рудники в северных землях. От вас я прошу лишь помощи в распространении новых монет и разъяснении народу всей правды. Нам нечего скрывать от людей.

— Никак бредишь ты, князь, — Недовольно фыркнул тот самый богато одетый купец Василий, пожелавший оставить свою бороду не тронутой. Все взоры разом устремились на него, а обсуждения мигом утихли. — Ладно монеты медью портить, но кто ж об этом народу сказывать будет в здравом уме? Взбунтуется народ, только и всего! — Повисла тишина, которую я, впрочем, весьма быстро прервал.

— Народ мне верен. — Строго и коротко проговорил я и эхо, прокатившись по залу, снова стало мне поддержкой. — А ты, купец, налог на бороду свою уплатил?

— Вот еще! — Фыркнул он.

— Хочу напомнить, господа советники, — Поднял руку Максим, обращая на себя внимание. — Что бороду, по недавнему княжескому указу, беспошлинно могут носить лишь крестьяне, работающие на собственных фермах, и духовенство. Все остальные же, кто желает не сбривать бороды, должны ежемесячно выплачивать в казну налог: по двадцать пять копеек с рабочих, пятьдесят с мелких купцов и горожан, рубль — с больших торговцев. Уклонение от налогов — преступление. На первый случай вам, господин Золотевский, выписывается штраф в трехкратном размер, то есть, три рубля. — Максим легко улыбнулся и плавно вернулся на свое место.

— Штраф? Мне, Новгородскому купцу виру за бороду назначать?! — Казалось, с каждым словом он все больше свирепел и медленно поднимал свою массивную тушу с места. Гвардеец, стоящий недалеко от него вопросительно посмотрел на меня. Я же, глубоко вздохнув, еле заметно махнул рукой. Гвардеец коротко кивнул и, скинув с плеча ружье,

вместе с еще одним бойцом направился к выходящему из себя купцу.

— Вы нарушаете дисциплину, господин Золотевский. — Сделал я последнее предупреждение.

— Да будь ты проклят, князь, со своею этой «дис-ци-пли-ной»! — Я коротко кивнул незаметно подошедшему гвардейцу. — Совсем уже заигрался ты, вот увидишь, народ... — Договорить Золотевский не успел, поскольку массивный приклад ударил его в затылок, а натренированные руки подхватили обмякшее тело и понесли к выходу.

— Искренне надеюсь, что господин сможет переосмыслить свое поведение на медных рудниках в ближайшие пять лет. — Невозмутимо произнес я в ответ на всеобщий удивленный вздох. — Ему наверняка в этом поможет вся его семья, поселенная в ближайшем остроге. — Все голоса на этих словах и вовсе замолкли, а самые ретивые и те, что выглядели как меньшинство, лишь понуро опустили головы.

— Выше головы, господа! — Весело воскликнул я. — Творя историю, нужно делать это с улыбкой! Даже если идешь в самое пекло. Итак, кто готов поддержать идею новой монеты? — К потолку сначала неуверенно поднялось несколько рук, но вскоре, после некоторой игры в гляделки, желающих вложиться стало больше, а через пол минуты степень согласия составила полноценные сто процентов.

Замечательно, — Кивнул я, — Перейдем к следующей теме. Наверняка многие из вас знают, что в Новгороде и его окрестностях сейчас работают несколько мануфактур, то есть больших домов, где ремесленники совместными усилиями создают большое количество самых разных вещей. — В ответ мне все оживленно закивали, а наместники, в чьих поселениях были построены подобные предприятия, даже заулыбались. — Эти самые мануфактуры приносят отличный доход. Рабочих с каждым днем все больше, особенно в черте города. Так вот, что я вам предлагаю... — И я во всех красках расписал простейшую инвестиционную схему, в которой я давал моим средневековым инвесторам землю, а они, с моей финансовой помощью, на ней строили какое-нибудь производство по образцу тех, что сейчас уже функционируют. Как и ожидалось, с первого раза многие не поняли и мне пришлось уделить немало времени на разъяснение всех нюансов и, в особенности, на красочное описание доходов, которые смогут принести еще не построенные мануфактуры. И предложения полились нескончаемым потоком.

— Я хочу поставить обувную фактуру. — Неуверенно начал один из сравнительно небогатых купцов, впрочем, весьма молодой и одетый на новый манер. — Буду делать сапоги да башмаки, а то народ все в лаптях да в валенках ходит.

— А я у себя в селе стану бочки дубовые делать! — Уже увереннее воскликнул кто-то из бывших помещиков.

— А я пиво варить буду!

— А я — мыло!

— А я, — Авторитетно заявил Мстислав, — Вот что хочу мастерить. — Он с ловкостью матерого интриганта вынул откуда-то тот самый швейцарский нож, что я продал ему почти год назад и продемонстрировал его функционал. Все присутствующие удивленно ахнули и еще некоторое время сверлили взором заморскую игрушку.

— Как скажешь, Мстислав, — Подмигнул ему я. — Армия с удовольствием скупит у тебя первые партии под чистую.

Богатейшие люди города и крупные землевладельцы, подобно малым детям на перебой выкрикивали все новые и новые идеи, одна смелее другой. По итогу решили, что в один из

дней на неделе мы вместе с ними найдем для каждого участок земли и подсчитаем, сколько кому нужно денег на дело каждого из этих средневековых бизнесменов.

— Что дальше, государь? — Подала голос сторона наместников.

— А дальше, друзья мои, ответьте мне на важный вопрос: сколько в Новгороде людей проживает. — Все призадумались, после стали активно обсуждать поставленный вопрос и даже спорить, но вскоре, коллегиальным решением, пришли к единому мнению.

— Около четырнадцати тысяч мужей. — Прозвучал ответ.

— А женщин всего возраста сколько? — Второй вопрос поставил практически всех в зале в ступор.

— Ну так, знамо дело, немногим больше. — Неуверенно начал один из купцов. — Может пятнадцать, а может и шестнадцать тысяч. Все ж много мужей в том году в походе полегло. Ну тебе ли, княже, не знать.

— Но почему вы изначально ответ дали лишь в количестве мужчин?

Вопрос был скорее риторический, ведь все поголовно местные жители пока что не брали в расчет женщин как нечто действительно весомое. О них говорили скорее пренебрежительно, лишь иногда выражая почести и уважение женам самых статусных мужчин. Например Анне большинство горожан и, тем более, крестьян, попросту боялись в глаза смотреть. Ну как же, это ведь жена влиятельного человека, целого князя! К своим женам они редко когда могли высказать искреннее уважение. Ну нет здесь феминистических настроений и тем более стремления к уравниванию прав. Впрочем, время сейчас для них не то и с этим, пожалуй, спорить глупо. И даже если все пойдет по самому лучшему сценарию, если демократия приживется, а экономика взлетит, далеко не факт, что я успею застать то же равноправие, какое видел в России века двадцать первого.

— Поймите, господа советники, — После недолгого молчания продолжил я. — Женщинам вовсе не обязательно всю жизнь прятаться в избе, да по хозяйству хлопотать. Они могут быть умнее многих мужчин, работать на некоторых фактурах, быть лекарями и учителями. — Люди смотрели на меня по-разному: в их взглядах читалось непонимание и прозрение, задумчивость и брезгливость.

— Хочу заметить, — Пришел мне на помощь Макс. — Что в Борках девочки ходят в школу наравне с парнями и, как говорят учителя, учатся порой даже лучше. А многие жены рабочих трудятся в поле и с новыми инструментами у них это вполне неплохо получается.

— Будущее за теми странами, где женщины, как и мужчины, работают и учатся, посещают пиры и принимают решения. — Понимания в глазах моих слушателей стало явно больше, однако они по-прежнему выражали явное сомнение.

— А давайте сделаем вот как, — Решил я разрядить обстановку, — В эту субботу я жду всех вас вместе с вашими женами на пир здесь же, в этом зале! — Все удивленно ахнули, но возражений не последовало. — А если у вас есть дочери не замужние, али сыновья не женатые, но все не моложе шестнадцати годов от роду, то и их с собою берите. — Потихоньку в глазах советников(в особенности молодых), заискрились нотки интереса и они, улыбаясь, похоже, приняли мое приглашение. — Только я вас умоляю, не надевайте вы эти длиннющие шубы и большие шапки! — Опомнился я, указывая на сидевшего рядом со мной купца в классическом одеянии русской знати, — Оденьтесь, лучше, вон, как господин Кузнецов: легко, но изящно, чтобы ничего не стесняло ваши движения. — Обрадованные скорым светским мероприятием, верхушка общества легко согласилась на выдвинутые условия и даже самые старые и консервативные не стали перечить.

Мы еще долго обсуждали по несколько раз самые разные темы, перескакивая с одной на другую и лишь через час активных дебатов все приглашенные купцы и наместники с несколькими исписанными под завязку листами каждый покинули детинец, оставив нас с Максом двоих в огромном зале.

— Ну, вроде неплохо поработали, а? — Потягиваясь на стуле, спросил он.

— Пока не знаю, — Немного осипшим голосом ответил я, — Но скоро будет видно.

— Господин государь! Господин наместник! — В зал, едва не упав, ворвался взволнованный и растрепанный мужчина в легкой грязноватой рубахе и штанах, однако в весьма неплохих кожаных ботинках. В нем я узнал рабочего на моей первой мануфактуре в Борках. Мы с Максом переглянулись и вновь уставились на посыльного.

— Что стряслось, Климентий? — Наконец спросил его Максим.

— В Борках... Там это... — Мужчина явно пытался подобрать слова, но получалось у запыхавшегося рабочего не очень хорошо. — У господина Оскара, розмысла вашего, точно пуд пороха рванул, половину этажа снесло как не бывало! — Его слова эхом разнеслись по залу. Я глубоко вздохнул, глянув на Максима.

— По коням! — Уверенно сказал я, хотя еще минуту назад собирался отдохнуть.

Глава 5. «Разрушить, чтобы построить»

Мы рванули из Новгорода сразу, как пришло известие из Борок. Гонец смекалкой не отличался, а потому точно узнать, что именно произошло в моей маленькой кремниевой долине нам не удалось. Знали только, что рвануло там неслабо и, скорее всего, к этому причастен Оскар и его новообразованная группа учеников-алхимиков, поступивших к нему в качестве подмастерьев. Вообще все мастера, которые работали на государственных мануфактурах, будь то кузнецы, портные или плотники, должны были взять себе в обучение на год как минимум двоих помощников старше шестнадцати лет, а те, в свою очередь, по прошествии этого самого года должны были показать, чему смогли научиться. И если их результаты будут признаны удовлетворительными, то уже они брали себе в обучение двоих добровольцев. Такая система, по прошествии всего лишь нескольких лет должна была дать растущей не по дням, а по часам экономике то, чего ей не хватало больше всего — специалистов.

По мощеной камнем улочке мы промчались практически без задержек, лишь пару раз наткнувшись на пару разъезжающихся повозок. Небогато одетые полицейские из числа бывших воинов предателя-воеводы, что пожелали присягнуть мне на верность, услужливо отворили ворота, отложив в сторону свои короткие копья, и мы с Максмом одвуконь рванули по извилистой дороге на юго-запад.

Первый километр мы промчались галопом в хмуром молчании. Первая пара лошадей к тому моменту изрядно выдохлась и мы остановились, чтобы пересесть на сменных скакунов.

— Как думаешь, Майер успеет вернуться к банкету? — Спросил Максим, спешиваясь с тяжело дышащего гнедого коня.

— Наверняка, — Неопределенно пожал плечами я. — Ну а ты, я надеюсь, не думаешь являться туда один?

— А с кем ты предлагаешь мне идти? — Наигранно возмутился он, поднимаясь в седло сменной лошади.

— А как же капитанская сестренка? — Хитро зыркнул я на него. — Небось заскучала она в моем старом поместье порядок наводить. — Максим, словно школьник, потупил взгляд.

— Та ну не знаю, — Вздохнул он.

— Ой да брось, — Отмахнулся я. — Держишь в кулаке растущий производственный центр, но не можешь совладать с чувствами к простой девушке? — Мы стали медленно набирать скорость, переходя с шага на легкую рысь. — В общем, отговорки не принимаются, господин наместник. Чтобы с бала уезжали в одной карете! — Сказал я и мысленно поправил сам себя: карет-то как таковых мы еще не производим. Все повозки да телеги, в две смены пахущие на нужды логистики новой экономики.

Вскоре мы вновь взвинтили темп. Перейдя на галоп, мы уже не могли толком поддерживать диалог, не срываясь при этом на крик, а потому остались при своих мыслях на ближайшие пару верст скоростной скачки. Пролески кругом сменялись полянами и небольшими пространствами без деревьев. Я по старой привычке стал прикидывать, где можно поставить ферму с обширными пастбищами, где лесопилку, а где организовать военный лагерь. Впрочем, местность в округе была изъезжена мною вдоль и поперек, а потому ничего нового я для себя не нашел, скорее просто закрепив материал по топографии

этих мест.

Между Борками и Новгородом, как на важном логистическом пути, дороги содержались максимально качественном состоянии: ямы засыпаны, неровности сглажены, а извилистые участки по возможности выпрямлены. В общем, все для того, чтобы сократить путь от города до «родины революции». По мимо этого, на всем маршруте находилось немало других деревень и сел, во многих из которых были обустроены импровизированные перевалочные пункты: небольшие строения, в которых усилиями местных наемных рабочих в максимальной готовности содержались лошади, телеги и разнообразный инвентарь для ухода за ними. В одном из таких средневековых автосервисах мы и совершили следующую остановку, оставив своих лошадей отдыхать и сменив их на свежих.

— А я вот все не пойму, — Продолжил разговор Максим, разминаясь после утомительной скачки. — Откуда у тебя столько идей? Ну, ты же вроде говорил, что кроме современного флота мало в чем разбираешься. А тут финансовые планы, революция, реформы...

— Жить хочу, Макс, — Усмехнулся я. — Верить или нет, по ночам лежу и думаю, что бы еще такого сделать для новой страны.

— Да только земли у нас пока не много, города один за другим отваливаются. — Разочарованно пробубнил он.

— Знаешь, Макс, — Мечтательно вздохнул я. — Однажды Буратино потерял ногу, но вскоре Папа Карло сделал ему вместо нее колесо.

— И что тогда? — Растерянно спросил Макс.

— Ну и пошло-поехало. — Рассмеялся я, а после и Максим, наконец поняв шутку.

— А что, прям всю ночь размышляешь? — С улыбкой спросил он.

— Ну, не всю, — Задумчиво протянул я, на мгновение окунувшись в манящую негу воспоминаний. — Да и читаю я в экстремальном темпе. Наверное, за всю жизнь столько не читал, сколько за эти два месяца.

— Да тут все книги рукописные, да и те церковные. — Разочарованно вздохнул Максим.

— Кто ищет, тот всегда найдет, — Хохотнул я, проверяя сбрую на сменной лошади. — Да и с нашим обилием иностранцев появилась возможность переводить на русский многие древние работы. Раньше ведь гораздо больше толкового писали: про философию, науку, да даже про войну. А что рукописи все, это, конечно, неудобно.

— Помнится мне, Жак заикался о печатном станке. — Макс закрепил свою седельную сумку на свежем скакуне и, не сразу попав ногой в стремя, поднялся-таки в седло.

— Думаю, с помощью господина Леонардо Пьеро проблем с ним возникнуть не должно. — Я легонько пнул коня в бока и тот, недовольно фыркнув, побрел из под навеса стоила на улицу.

— До сих пор удивляюсь, это же сам Леонардо Да Винчи! — Опомившись, воскликнул мой визави. — Эх, жаль только, староват мужик.

— Зато он на пике своего гения, — Резонно заметил я. — А это нам сейчас очень важно. Честно говоря, если он сможет обучить пару десятков отроков тому, что знает сам, это перевесит всю остальную его помощь, которую он мог бы оказать.

— Кадры решают все, — Вздохнув, процитировал мое любимое высказывание Максим и мы вновь ударились в лихой галоп, не жалея скакунов под собой.

Изначальное желание побыстрее добраться до пункта назначения с каждым встреченным на пути населенным пунктом все больше сходило на нет, ведь практически в

каждой деревушке, в каждом селе, на каждой лесопилке или ферме я, махнув рукой на спешку, останавливался, дабы узнать у местных, как обстоят дела. А узнавать было о чем. Вот и сейчас, преодолев каких-то пару верст, мы встали передохнуть от скачки у новоиспеченного фермера, потому как я не могу не поинтересоваться, как ему работается с новыми инструментами и буквально революционным плугом.

К слову, как таковых фермерских хозяйств до меня толком не существовало. Основная масса продовольствия производилась в деревнях и оттуда свозилась в город. Я же принял решение полностью менять такой подход и попросту раздал значительную часть фактически простаивающих земель самым амбициозным представителям крестьянского мира. Знатные консерваторы, коих в Новгороде осталось не так уж и много, конечно, поворчали однако в конечном итоге вынуждены были согласиться. Впрочем, земли крестьянам я раздавал отнюдь не просто так.

Целина, равно как и базовый фермерский инструментарий и небольшая ссуда на строительство, доставалась землевладельцам исключительно на моих условиях. По заключенным договорам недавние холопы, а теперь имеющие собственники, были вынуждены отчислять в казну государства пять процентов своего урожая в первый год и десять процентов — в девять последующих лет. И это помимо того, что они, равно как и остальное население, точно также платили налоги, исходя из уровня обеспеченности. Всего за два месяца моего фактического правления было роздано около двухсот гектаров земли и это число продолжает расти с каждым днем едва ли не в геометрической прогрессии.

Не задерживаясь более на строящейся с нуля ферме, мы с Максом оставили довольного и бесконечно благодарного землевладельца, поспешившего вернуться к своей работе, который у него было еще много. Однако, разгоняться мы не спешили, потому как я помнил, что буквально через три сотни метров, за поворотом, на берегу небольшой речушки стояла лесопилка, опять же, нового образца. Если раньше пиломатериалы стоили колоссальных денег из-за того, что из одного бревна с трудом получали одну доску, то теперь, благодаря циркулярной пиле на приводе водяной мельницы удалось значительно повысить эффективность этого занятия. Доски дешевеют с каждым днем, чему безумно рады десятки, а то и сотни строек, начавшихся в эти два месяца по всей округе.

Наконец, когда все важные места на маршруте Новгород-Борки были посещены, мы добрались до пункта назначения. Постовые, узнав нас, спешно подняли шлагбаум и, добродушно улыбаясь, приводили взглядами. Подкованные копыта вновь зацокали по камню, которым была выложена главная улица поселка и вскоре нашему взору открылись последствия случившегося происшествия: угол второго этажа мануфактуры напрочь отсутствовал, словно его вырвал какой-то гигант. Когда мы приблизились, я заметил небольшой дымок, исходивший оттуда. Не нужно быть гением, чтобы понять, что тут явно что-то взорвалось, причем именно на том месте, где ранее находилась лаборатория Оскара.

Я не на шутку взволновался, хотя виду старался не подавать. Возле здания мануфактуры, задумчиво и в растерянности почесывая головы, толпилось несколько человек. Я узнал их, это была команда Оскара. Среди них я заметил и самого горе-химика, который с таким же недоумением глазел по сторонам. Заметив меня, Оскар обрадованно подпрыгнул и устремился навстречу.

— Господа, если вы не совершили большого открытия, я спешу сообщить вам, что вы знатно обделались! — Стараясь придать серьезности своим словам, начал я. В целом, узнав об отсутствии жертв, я не был настроен на санкции в сторону Оскара и его людей, однако

они, похоже, были готовы потерпеть наказание.

— Господин-государь, как жеш сие стряслось ты мы ж и не ведаем! — Залепетал паренек родом явно с южных рубежей некогда целой Руси. Оскар строго зыркнул в его сторону, от чего паренек виновато потупил взгляд.

— Герр государь, — Подбирая слова, начал он. — Мануфактура продолжает работать, сие... Неприятность не есть помешать работе. — Датчанин старался как можно деликатнее подобрать слова, однако я лишь положил руку ему на плечо.

— Не нужно оправданий, друг мой, — С улыбкой произнес я. — Вам удалось выяснить причину взрыва?

— Да... То есть не совсем, — Оскар явно растерялся и не мог подобрать слов.

— Да шо ж там, думать то, господин государь, — Снова влез тот парень. Нет, явно недалеко от великого княжества Литовского он родом, говор так и бьет по ушам. — Энтот немец-то ваш взял, да на добро сало бурду свою полил. А то ж грех, княже. Ну, добрую еду то портить! Вот Господь и осерчал видать. Эх, знамо не пришибло никого. — Парень достал из под рубахи крест и истово перекрестился. — Вот она, сила-то православная! — обратился он к Оскару. — Даже на вас, еретиков литинян милосердия не жалеет.

— Отставить излишнюю религиозность. — Строго произнес я, чем вызвал облегченную улыбку католика. — И вообще, при чем тут сало? — Задал я повисший вопрос.

— Ну как же щ, господин государь... — Снова запел свою монотонную песню паренек.

— Я тебя уже услышал, — Еще раз обратился я к нему. — А сейчас я хочу послушать господина Ларсена.

— Благодарю, господин государь, — Коротко поклонился он. — Однако слова моего подмастерья не лишены смысла. — Еще не до конца познавший русский язык, датчанин то и дело переходил на понятный нам обоим германский. — То, что вы называете «сало», очень интересная вещь! Видите ли, прошлой ночью было непривычно прохладно, а в погребке так и вовсе — холодно. А сегодня утром господин... Брячислав, — Оскар с трудом выговорил имя своего помощника. — Решил трапезничать прямо на месте работы, что я не раз запрещал.

— Это правда? — Уточнил я у него.

— Ой та прямо-таки и не ел я сегодня утром там, — Не поднимая глаз, стал отговариваться он. — Я ж с сальца замерзшего только верхний кусочек скovyрнул, да в сторонку отложил, ну больно противный он мне. Однако ж то на любителя. Вот например сосед мой, когда я ещё в Чернигове жил, так он и его с лихвой съедал. Правда он и вообще много чего съедал...

— Ближе к сути, Брячислав, — Недовольно выдохнул я.

— А, да, — Виновато пискнул он. — Так вот я его в сторонку отложил, а немец... — Он вдруг запнулся, глянув на Оскара. — Ну, в смысле господин Ларсен, видать перепутал чего, да жижу свою туда и ливанул... — Парень явно был готов продолжать свой рассказ во всех красках, однако я его остановил.

— Достаточно. Господин Ларсен, что вы добавили во... — Я на мгновение задумался. А во что, собственно? — Во внешнюю часть замерзшего сала, если можно так сказать.

— Селитряный кислота, господин государь. — Невозмутимо ответил он.

— А откуда вы его взяли? — Тут же спросил я.

— Это не очень простой процесс, — Вновь с трудом подбирая слова Оскар, но теперь уже не из-за плохого знания языка, а потому, что в принципе в области химии в данный момент не так много терминов. — Но я получаю ее здесь, смешивая некоторые элементы.

Ну, то есть получал.

— Хорошо, ты случайно вылил эту кислоту на сало, а что потом?

— Потом я заметил, что началась какая-то странная реакция. Не просто поедание, как обычно делает кислота, а нечто иное. — Оскар задумался, явно на мгновение уйдя в себя.

— И что же в итоге получилось? — Задал я, надеюсь, завершающий вопрос.

— Когда реакция закончилась, я заметил, что получилась какая-то новая жидкость. Как масло, однако тяжелее, без цвета и без запаха. Тогда я решил повторить опыт, но уже в большем количестве. Мне стало интересно, что же это за новое вещество. У меня получилась большая стеклянная колба в четверть пуда весом. Я стал думать, что делать дальше и уже поставил колбу на спиртовую горелку, как вдруг все, кто находился в комнате, стали плохо себя чувствовать. И я в том числе.

— И тогда вы спешно покинули лабораторию? — Не стесняясь нового слова, спросил я.

— Да, вот только мы так спешили, что забыли открыть окно, а возвращаться туда никто не хотел.

— И что же вы решили тогда?

— Мы подумали, что нужно открыть окно снаружи. — Пожал плечами Оскар. — Нашли большую палку, толкнул створки...

— Но колба находилась прямо напротив окна, — Догадался я.

— Э... Ну да. — Почесал голову датчанин. — Господин государь, вы считаете, что новая жидкость в столь небольшом количестве взорвалась так сильно, просто упав со стола, — Оскар в последней фразе перешел на шепот, дабы раньше времени не пугать впечатлительные умы.

— Знаете, Господин Ларсен. Вы, сами того не подозревая, сделали большое открытие — Улыбаясь, протянул я. — Научный прогресс, он же как дикий пес.

— То есть как? — Округлив глаза, спросил он.

— Не стоит его бояться, иначе он вас убьет. Впрочем, он может убивать и бесстрашных, если они идут против него. — Я закончил мимолетную философскую мысли и вернулся к новому открытию. — Вы знаете, на нашей с Господином Кузнецовым родине есть хороший фи... Я имею ввиду трактат. Весьма древний. В нем, представьте себе, описывается подобная жидкость и подробное ее получение именно вашим, господин Ларсен, методом.

— Неужели, — Не веря своим ушам, опешил слуга науки.

— О, да, — Поддержал меня Макс. — Я даже помню, как он называется. Что-то вроде: «Искусства мыловарения и тайн бойцовского клуба господина Финчера» — Улыбаясь во все тридцать два белоснежных зуба приговорил он.

— Вы как всегда проницательны, господин Кузнецов. — Еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться в голос, ответил я ему. — Не волнуйся, Оскар, отстроим мы тебе новую лабораторию. В отдельном здании, в два этажа. — Моей радости новому открытию не было предела, а потому я не скупился на обещания. — И помни, Ларсен, — Поднимаясь в седло, продолжил я, имея много сала можно взорвать все на свете!

Глава 6. «Через тернии к звездам»

30 июля 1506 года. Новгород.

— Исходя из вышесказанного, могу смело утверждать, — Я аккуратно положил истерзанный кусочек мела рядом с исписанной вдоль и поперек доской. — Что удача в битвах благоволит той армии, в которой конница, пехота и артиллерия действуют слаженно и вместе друг с другом.

Я прошелся из одного конца учебного кабинета в другой, с удовлетворением наблюдая, как молодые курсанты из числа бывших дворян и их детей все как один старательно выводят на грубых желтоватых листах бумаги новые для себя термины буквами нового образца.

— У кого-нибудь есть вопросы, господа курсанты? — Наконец расслабившись и присев на стул со спинкой спросил я. По началу все лишь растерянно переглянулись, однако спустя какое-то время с заднего ряда вверх неуверенно потянулась рука.

— Господин государь, — Подал голос курсант. — Вот вы нам вельми красно объясняете, как пушкари, конники да пешцы вместе должны воевать. Но ведь в полку нашем всадников то почитай что и нет. А пушек едва ли пол дюжины. — Повисла тишина. Все с любопытством глядели то на смельчака, задавшего вопрос, то на меня. Наконец, спустя несколько секунд, я сумел сформулировать в голове достойный ответ.

— Это отличное замечание, курсант, — Искренне похвалил его я. — Действительно, сейчас в составе полка лишь девять рот рядовых и офицеров. Все от пехоты. Однако эта проблема в данный момент активно решается: гвардейская сотня проводит смотр добровольцев для создания конной роты разведки, а известный вам господин Кузнецов, наместник Боркинский, вместе с господином Бернардом и господином Винчи работают над созданием новых пушек. — Весь класс возбужденно зароптал, позабыв про дисциплину. Пушки, как и в целом тема пороха вызывали неопикуемый восторг у бывших пусть и помещиков, но все же жителей преимущественно сельской местности. И если к ружьям они уже порядком привыкли, то вот более серьезный калибр все еще вызывает трепетание в их сердцах.

— Государь, а пушки новые, они будут как те, которыми турки Царьград брали? — Спросил курсант с переднего ряда.

— Дурак ты! — Окликнул его сосед сзади. — То «бом-бар-ды» были, а не пушки! Мы же это на уроках с господином Винчи по латинянским свиткам изучали.

— Курсант Мытнинский, — Припомнил я фамилию новоявленного знатока в артиллерии, — Абсолютно прав. Большие пушки, которые единственным выстрелом рушат крепкие стены, зовутся бомбардами. Вот только мы такие использовать не будем. Как думаете, почему?

— Так то вестимо, — Вздохнул тот же самый паренек. — Ежели для осады, то они может и сгодятся. А в поле такую бандуру пока зарядишь, пока наведешь, пока выстрелишь... Так и весь бой пройдет.

— Верно, — С одобрением кивнул ему я. — Лучше иметь много достаточно хорошего, надежного, хотя и небольшого оружия, чем одно отличное. На этом наше занятие предлагаю считать завершенным. — Курсанты стали нехотя, но организованно подниматься со своих мест. — Всем спасибо, завтра по утру жду вас на уроке безоружного боя. — Отдав честь, будущие офицеры стали покидать кабинет.

Я же, с уже привычной спешкой и энергией, в пятый раз за день переключил тумблер интересов в своей голове и поспешил за стену детинца, в недавно возведенный под временным навесом плавильный цех у реки, снабжающий медью монетный двор и чистым железом — ближайšie мануфактуры. Там же, вблизи печей и горнов, расположились и стекольщики Оскара, производящие кое-что ценнее плугов и лопат.

Однако даже в перерывах между многочисленными видами деятельности я практически не позволял себе расслабиться: если не работал руками — говорил, если не говорил — думал или сам учился чему-то новому. В общем, жизнь пусть и небольшого, но монарха оказалась отнюдь не расслабляющей. Впрочем, я отлично понимал, что чем больше я сделаю сегодня, тем целее я буду завтра. Вот и сейчас, на автопилоте двигаясь по прямой мощеной дорожке и уже не замечая сопровождения десятка гвардии моей личной охраны, я погрузился в глубокие размышления.

В общей суматохе последних, особенно динамичных изменений и реформ я даже не понял, как моему пребыванию здесь, в этом времени и в этой реальности, исполнился год. За год из никому неизвестного чужака до целого князя... Что ж, пожалуй, неплохой результат. Хотя, конечно, огромный вклад в мой успех внесло банальное стечение обстоятельств, которые и позволили мне возвыситься. Да и под моим контролем находилась сейчас сравнительно небольшая территория: приблизительно пол сотни верст от Новгорода во все стороны и значительно больше земель севернее, вдоль реки Волхов и западнее, вплоть до Гатчины. В общей сложности, вместе со столицей пять городов, значительно менее крупные, чем сам Новгород и более сотни сел и деревень самых разных размеров.

Остальные же земли бывшего Новгородского княжества либо решили сами отделиться и провозгласить независимость, либо сохраняли верность Москве. Впрочем, в обоих вариантах относительная стабильность сохранялась лишь в укрепленных городах. В сельской же местности крестьяне, разбуженные волной революции и свободных настроев, либо сбегали от своих помещиков в Новгород и его окрестности, где всех их без проблем принимали, либо же попросту свергали зазнававшихся хозяев и целыми селениями шли вершить правосудие. Конечно, я в этих делах не мог остаться безучастным. И хотя я не направлял больших сил им на поддержку, все же несколько наиболее опытных гвардейцев сейчас активно координировали действия этих небольших, но ежедневно растущих крестьянских армий, общей численностью чуть менее тысячи человек. А сейчас, может быть, и того больше.

Что же до внутренних дел, то тут небольшие территории даже сыграли нам на руку. Ведь для контроля меньшей территории нужно меньше средств, но при этом для развития экономики имеющихся земель вполне достаточно. Пока что достаточно.

За три месяца молодое княжество совершило небывалый скачок в развитии, огромную роль в котором сыграли мануфактуры. Они позволяли производить невиданное ранее количество товара, а большой рынок Новгорода это самый товар благополучно поглощал, спонсируя тем самым еще большее развитие производства.

А развитие это было катастрофически нужно, ведь до второго вторжения Шведов, по нашим расчетам, осталось меньше года. Да, Новгородский полк находится в состоянии крайней боеготовности, однако это всего-навсего тысяча с небольшим человек. И даже если мы обеспечим их артиллерийской и кавалерийской поддержкой, они физически не смогут выстоять, если Олаф решит привести под стены города в двадцать раз больше народу. Даже если это будут в большинстве своем крестьяне с вилами.

Из этого следует, что государству нужно больше солдат для отражения угрозы. По

нашим подсчетам, армию нужно расширить хотя бы в три раза. А для этого нужны люди и снаряжение для них. И если рекрутов мы с горем пополам соберем, то вот с оружием и амуницией для них дела обстоят пока не очень хорошо. Конечно, суконные, сапожные и ружейные фактуры работают на износ, дабы удовлетворить нужды армии, однако пока что мы смогли полностью вооружить лишь один полк, да и тот еще нуждается в пушках и хоть какой-то коннице.

Тем не менее, все не так уж и плохо: выплавка железа за три месяца выросла в четыре раза, свинца — в десять раз. Столько пороха, сколько ежедневно создается в одном только Новгороде, наверное, сейчас не производят все города под контролем Москвы вместе взятые. А уж что говорит о военной форме: простой и дешевой, но относительно качественной и постепенно обретающей популярность не только у солдат, но и среди местной полиции и даже высшего общества. Хотя, конечно, для их нужд используют другие цвета сукна. И все же мода на богатство постепенно уступает место более практичной и удобной одежде. Пока что среди не самой богатой знати, но наверняка в скором времени идею подхватят и сливки общества. Нужно было лишь показать народу, как оказывается иногда выгодно отказаться от роскоши в пользу эффективности.

— Герр, государь, — Окликнул меня знакомый голос. — Герр государь! — Оскар, сохраняя немецкое самообладание, спешил ко мне.

— Приветствую, господин Ларсен, — В привычной и приятной мне светской манере ответил поздоровался я. — Как идут дела?

— Все есть замечательно! — Оскар уже уверенно, пусть и не очень хорошо, изъяснялся по-русски. — Вчера мы отправили первую телегу с динамитом на северные рудники.

— Надеюсь, вы отправили его со своими людьми? — Спросил я.

— Конечно! — Горделиво воскликнул он. — Я отправить своих лучших учеников, они есть отлично освоить этот наш «новый порох».

— Хорошо, — Я одобрительно кивнул, проверив меха новой печи для выплавки металла. — Какие еще новости?

— Я считать, вы должны взглянуть, — Он покопался в своем наплечном вещмешке и выудил оттуда небольшой блестящий предмет. — Сегодня на стекольной фактуре один из работников суметь сделать вот это, — Он протянул мне необычную стекляшку. — Во время перерыва, из остатков стекольной шихты!

Я осмотрел безделушку. В руках у меня, отражая лучи июльского солнца, блестела то-ли большая сережка, то-ли маленькие браслет. Одно было ясно точно: особенно красивые куски мутного стекла были искусно скреплены между собой тонкой медной проволокой. Я осмотрел украшение кустарного мастера поближе. Как оказалось, острые края стекляшек были сточены, из-за чего как таковой опасности они не представляли. Проволока была слегка грубоватая, однако в целом смотрелась хоть и чуждо, но допустимо. В теории ее можно сменить на серебрянную и тогда ценность изделия значительно вырастет.

— Скажи, Оскар, а ты видел что-то подобное в Дании? Ну, может богатые дамы носили похожие украшения? — Датчанин задумался, но вскоре все же дал мне неуверенный ответ.

— Вы знать, герр Александр, — Потер он рукой редкую щетину на щеке. — Такие изделия встречаются в Европе не часто, но зачастую их делают из драгоценных камней и металлов. Те, кто есть не очень богат — носить более дешевый металл, но зато с гравировкой.

— У парня определенно талант, — Сказал я, возвращая Оскару изделие и тут же вставая

за блочный механизм для подъема ящика с инструментами на крышу.

— Да, герр государь! — Восхищенно воскликнул он, спешно возвращая украшение в сумку и пытаясь помочь мне, вращая механизм. Впрочем, у тощего химика это не очень хорошо получалось. — Вообще я заметить, — Отдышавшись, продолжил он. — Что среди русских людей очень много способных людей. Не умных. Пока что не умных. Но очень, что вы называть, способных!

— А что, в Дании их мало? — Удивился я.

— Ну, — Замялся Ларсен. — В Дании народ есть более умен, а в здесь... Здесь у людей есть, как вы это называть? — Он пощелкал в воздухе пальцами, вспоминая слово. — Смекалка! Точно, именно смекалка!

— Ну что ж, спасибо, — Усмехнулся я. — А умельцу тому выпиши премию за труды и предложи отдельное место для работы. — Датчанин согласно раскланялся и удалился обратно к своим стекольщикам.

Я еще пол часа суетился в плавильне, активно участвуя в этом нелегком занятии: работал тяжелыми мехами, загружал в печь руду и тут же, надев толстые перчатки, выплавлял из нее чистый металл. Рабочие на всех мануфактурах давно уже привыкли к тому, что я регулярно работаю наравне с ними. Поначалу я старался избегать подобного. Нет, не потому, что не любил тяжелый труд. Просто боялся, что народ не поймет. Однако, как оказалось, народ и в частности рабочие мой интерес к их делам восприняли как жест уважения и пробили внеочередной потолок моего авторитета.

Я как минимум по часу в день пропадал на разных производствах: то кроил и шил мундиры для армии, то вставал на место рядового сборщика и монотонно вкручивал пружины в спусковые механизмы будущих ружей, а то и вовсе отбрасывал всякую брезгливость и, разгрузив партию «натуральной» селитры, или попросту человеческой урины, вникал в производство из нее пороха. А делал я все это не только для того, чтобы подбодрить простых работяг, но и чтобы по-настоящему вникнуть в каждую сферу деятельности. Чтобы понять, как можно сделать лучше, качественнее, больше или быстрее. Чтобы оценить, сколько может заработать простой сборщик, самый неквалифицированный рабочий на мануфактуре и уже отталкиваясь от этого что-то менять.

И менять действительно получалось. Например, теперь сборщики получают не сдельную зарплату, как раньше, а фиксированную. А чтобы не разводилось халявщиков, желающих получать деньги просто так, сидя на месте, к каждому цеху был приставлен смотритель, который сначала предупреждал, а после и увольнял самых хитрых. Ведь желающих работать на мануфактурах с каждым днем все больше, замену найти не сложно. Впрочем, кузнечный цех, где работали уже реально умеющие ребята, под раздачу не попал. Банально потому, что кузнецов у нас до сих пор катастрофически не хватает и увольнять их направо и налево было бы невыгодно.

Я вышел из плавильни весь красный и горячий и умылся водой из бадьи. Да уж, отнюдь не легкий труд у плавильщиков. Надо бы им зарплату чуть приподнять за такое. Как раз с очередной партии арбалетов, ушедших в Европу, получилось выручить значительный капитал. С этими мыслями я стоял, попросту любуясь на стены детинца. Большим красным монолитом они возвышались над небольшими строениями, вызывая смешанные чувства ужаса и восторга. Вдруг со стороны второй стены раздался приглушенный цокот подкованных копыт о новенькую каменную дорогу. Всадник шел неспешно, с восторженной улыбкой осматриваясь по сторонам. Не узнать славного немецкого рыцаря в сверкающем на

солнце нагруднике было просто невозможно. Генрих фон Майер, шурясь от яркого летнего светила, мерно ехал в мою сторону, явно заметив меня раньше, чем я заметил его.

— Виват славному князю! — Генрих со звоном ударил по нагруднику, приветствуя меня.

— Ну здорово, шурин! — Усмехнулся я. Майер ловко слез с коня, звякнув шпорами и, бесцеремонно пожав мне руку, крепко обнял. Впрочем, я тоже не был настроен на светский прием, а потому, рассмеявшись, похлопал друга по плечу.

— А ты, я смотрю, все созидает? — Кивнул он на мой испачканный углем фартук.

— Роль творца пока не примеряю. — Отшутился я. — Ты лучше расскажи, как у тебя дела? — Мы, не замечая окружения, медленно побрели в сторону детинца. — Как все прошло?

— Все замечательно, друг мой, — С гордостью заявил Генрих, вернувшийся только сегодня с рейда по реке. — Мы с ротой бойцов по Шелони дошли до местечка Сольцы, там постреляли малость самых ретивых восставших, остальные на рудники пошли.

— А что крестьяне? — Спросил я.

— Да все как всегда. — Пожал плечами Генрих. Власть твою приняли, многие хотели с нами пойти, помещиков бить. Ну мы им как всегда все разъяснили, избрали наместника, определили подати по дворам. В общем, все тихо.

— Потерь нет? — Уточнил я, хотя ответ мне был известен.

— Да какой там, — Отмахнулся Майер. — Эти деревенщины как слитный залп лицом поймали, так и дали деру. Ну большинство, знамо дело, сдались.

— То есть, все как всегда прошло отлично?

— По-другому и не скажешь, — С гордостью заявил Майер. — Рота сейчас в городе, я их на три дня по домам отпустил.

— Правильно, — Одобрил я. — После месяца в походе можно было и побольше отдыха им дать. — Кстати, о добровольцах, — Нехотя завел разговор я.

— Все же хочешь селянам ружья выдавать? — Понимающе, но с некоторым скептицизмом протянул Генрих.

— У нас нет вариантов, — Пожал я плечами. — Нет, конечно можно из горожан еще пару тысяч набрать. Вот только кто тогда на фактурах будет работать? Дети да старики?

— И то верно, — Хмыкнул мой шурин. Селяне ведь даже право от лева не отличают.

— Это решается, друг мой, — Сказал я, вспоминая, как эту проблему решал Петр первый. — Главное, чтобы они отличали сено от соломы. — Майер явно не понял аналогии, но все же доверчиво кивнул.

— Как там Анна? — Сменил тему он.

— Все прекрасно. — Улыбнулся я. — А ты сомневаешься?

— Не я, — Разом нахмурился он, — Мама.

— Так чего она не навестит ее? — В который раз удивился я ее упрямости. — Вроде пол версты пройти всего.

— Ты же знаешь, она на Софийскую сторону носа не сунет. — Напомнил Генрих о консервативных и русофобных взглядах своей матери. — Будь ее воля, она бы осталась в Кельне.

— Нельзя строить светлое будущее, живя в темном прошлом, — Осуждающе покачал головой я.

— Прошлое уходит раньше, — С какой-то странной, почти без сожаления, интонацией

озвучил Генрих вроде бы очевидную истину.

Глава 7. «Посольство»

12 августа 1506 года. Новгород

Молодой дипломат, официальный посол и, по совместительству, барон Ливонского ордена, Иоганн фон Русдорф, сидя в своей карете, никак не мог оторваться от квадратного окошка, в котором ему открылся вид на большой город. Проживший большую часть своей жизни в Риге, убежденный католик и представить себе не мог, что где-то за пределами истинно верного, по его мнению, христианского мира, может быть нечто подобное. Конечно, архитектура города зачастую уступала своими изысками Рижским каменным строениям, однако Иогана восхитили отнюдь не приземистые русские избы посада за первой линией где-то деревянных, но в основном все же каменных стен. После грязных улочек прибалтийских городов и замков, которые дипломат знает наизусть и не менее грязных дорог Псковского княжества, через который пролегал путь всего немногочисленного посольства, Новгород прямо-таки сиял в глазах ливонского посла невиданной чистотой и убранством.

Иоганн, наконец найдя в себе силы оторваться от окна кареты, с горящими глазами прильнул к уху переводчика, чтобы тот скорее донес его вопрос до сидящего с ними в карете местного жителя, который, за некоторую плату, согласился поехать с ними, отвечая на их вопросы.

— Герр Русдорф иметь вопрос. — Непринужденно начал преклонных лет переводчик и капитан личного охранения важного посла в Новгород. — Почему в этом городе все есть так, — Он задумался, подбирая нужное слово. — Чисто? Нет запахов почему? — Коверкая до невозможного слова наконец закончил хмурый маршал ордена.

— Так что ж тут дивиться то? — Усмехнулся одетый пусть и небогато, но опрятно горожанин. — Князь ведь повелел все помои да отходы за город, на селитряницы да фермы свозить. По одной телеге на два десятка домов выделил. А ежели кто решит на улицу что выбросить, так того тут же городовые из полиции и... — Он незамысловато жестикулировал, давая понять, что ничего хорошего эти самые «городовые» не сделают, как вдруг увидел что-то за окном кареты и указал туда пальцем. — Ох ты, вона они!

Горожанин помахал рукой двум мужчинам с короткими копьями за спиной и небольшими деревянными дубинками на поясе. Кроме того, Иогана смутили ярко красные повязки на их плечах.

— Так вот они того негодя под руки возьмут, да виру большую взыщут. А ежели тот чего пострашней натворит, так и на каторгу могут сослать. — Переводчик стал неспешно, подбирая слова, разъяснять послу все, что сказал местный. Дослушав, Иоганн мечтательно улыбнулся, дернул щекой и, буркнув себе под нос что-то вроде: «Нужно доложить магистру» — Стал судорожно записывать что-то на жестком листе бумаге. Вдруг он прервался, как будто его что-то осенило. Он вновь зашептал что-то на ухо переводчику, а тот уже привычно вслушивался в его речь с нейтральной физиономией.

— И это есть, — Маршал брезгливо кивнул в сторону удаляющихся полицейских. — Воины князя Новгорода? — Горожанин издал неопределенный звук удивления, смешанного со смехом, как бы намекая на неразумность высказывания невежественного немца и снисходительно отвел глаза.

— Господин, да что ж вы мелете то? — Усмехнулся он. — Маршал с бароном переглянулись, не понимая, с чем связана такая реакция на, казалось бы, обычный вопрос. — Это ж городовые! Князь наш их из бывших полковых набрал, да из дворян и вотчинников, которые его воле противиться не стали. Они почитай что город и не покидают. То пожары заливают, то колодцы роют. Но в основном, конечно, порядок да убранство города сохраняют. За то и свой кошг от государя имеют, порой не хуже, чем фактурные рабочие.

Услышав знакомое, происходящее от латинского, слово «фактура», барон, до того внимательно рассматривающий тянущуюся к небу белоснежную православную часовню, встрепенулся и с особым интересом выслушал перевод столь же заинтригованного маршала-переводчика.

— Мы правильно понимать, — Подбирая слова и коверкая ударения, вновь заговорил помощник барона. — Что эти вот «фактуры», это есть место... Ремесла?

— Ну на вроде того, — Пожал плечами горожанин. — Я сам на обувной фактуре работаю, подошвы выделываю для сапог да башмаков. Работа вельми добрая, не пыльная, да платят по божески. — Рабочий говорил, а маршал, стараясь не подавать вида, тщательно скрывал свое изумление: как это так — в Новгороде, который всегда пушнину да мед в Европу вез, вдруг появились мануфактуры? Ведь они не во всех германских княжествах есть! Да и там, если повезет, по одной на крупный город.

— И много в Новгороде мануфактур? Мы суметь взглянуть на них до того, как явиться ко двору князя? — Отводя взгляд, как бы заинтересовавшись проезжающей мимо повозкой, до верху груженной деревянными ящиками, спросил маршал. Рабочий всерьез задумался. Он почесал лоб, стал подсчитывать что-то на пальцах и, спустя десяток секунд, наконец решился дать ответ.

— Ежели больших, на сотню и более рабочих, то пол дюжины авось и будет. А мелких разночинных фактур за второй стеной столько, сколь и не сосчитать. Токмо вы, господа, не на все взглянуть сумеете. Ежели на обувную, так то конечно. А вот на ружейную, к примеру, вас едва ли кто пропустит. Туда ведь только рабочим да государевым людям проход есть.

Вдруг спереди послышался слитный топот множества ног. Барон выглянул в окно. Навстречу им, под бой барабанов, по ровной каменной мостовой серым монолитом маршировали строевым шагом солдаты Новгородского полка. Конечно, никто в посольстве точно не знал, кто именно это такие. Всем было ясно лишь то, что профессия этих людей тесно связана с военным делом. Однако барон узнал в их оружии нечто, похожее на мушкет. Оружие, которое с каждым годом набирает популярность и к которому в Ливонии также проявляют интерес. Сам Иоганн, отдав Ганзейскому купцу пол сотни золотых гульденов, сумел обзавестись собственным образцом этого оружия.

Впрочем, оружие, которое нес с собой каждый из более чем сотни воинов, лишь общими чертами напоминало Русдорфу тот самый тяжелый и громоздкий мушкет, который остался в его замке в Ливонии. Когда солдаты проходили мимо кареты, Иоганн также подметил необычную конструкцию спуска, которая, впрочем, так и осталась для него непонятной. Вместо же пороховницы, которую обычно носят с собой мушкетеры, эти солдаты, как понял прозорливый феодал, использовали небольшие бумажные свертки, связка с которыми у каждого была перекинута через грудь.

— А это, я понимать, есть уже армия? — Не отрываясь от красиво шагающих нога в ногу бойцов спросил маршал.

— А то ж! — Горделиво, так, как будто это лично его сотня, воскликнул горожанин. —

Одна из рот полка Новгородского! Правда, они сейчас без пушек от чего-то идут. Но то мне не ведомо, от чего оно так. Обычно ведь ежели рота какая на учения идет, то свои две пушки с собой берут, да пороха с ядрами целую телегу. Я однажды в кабаке общался с одним из воев рядовых, так он говорил, дескать на учениях их порой такой дым да запах пороховой от постоянной пальбы, что дальше носа своего не видно, а сам нос от сего дыма жжет нещадно, коли дышишь им. — Разговорчивый горожанин входил во вкус и, не скупясь на эпитеты, описывал и солдат, и артиллерию и то, как эти самые «роты», неизвестные ни барону, ни маршалу, браво бьют всех татей и злых помещиков, не желающих давать свободу крестьянам.

— Так ваш князь хотеть всем дать свободу? — Не дожидаясь висящего в воздухе вопроса Иогана, спросил переводчик.

— Верно, — Без сомнения кивнул горожанин. — Раньше ж ведь как было? Коли крестьянин от помещика уйти хочет, то ему надо было Юрьева дня ждать, да пожилое платить, порой неподъемное. А помещики, хоть по правде то трогать крестьянина не могут, на деле, как бают, раньше то и дело самосуд учиняли. А государь их всех махом на рудники согнал, а вельми жестоких на месте расстреливал. Ну, ежели конечно раньше крестьян до него добирался. — И вновь оба собеседника замолчали, обдумывая услышанное и глупо хлопая глазами, а Иоганн лишь снова тихо произнес:

— Надо доложить магистру...

Барон уже набрал воздуха в грудь, чтобы спросить еще что-то, однако, заметив в окне нечто более удивительное, направил свой взор туда, едва ли не вываливаясь из небольшого окошка. Карета подъехала ко второму ряду стен. И если первый напоминал скорее сборную солянку, кое-где каменную, а где-то и вовсе земляную стену, то вторая, возвышаясь на два десятка метров вверх, угрожающе смотрела на беззащитных людей черными глазами амбразур и бойниц.

— Да-а, стену государь добро сладил. — Прочитав мысли обоих иностранцев, протянул их информатор. — Раньше ж ведь как? Токмо детинец добрый был, а другие две стены не особо защищали. А сейчас вот, и вторую стену ладить начали. — Иоганн ничего не ответил. Маршал также воздержался от вопросов, лишь наметанным глазом рассматривая затейливые оборонительные сооружения.

— Надо доложить магистру... — Буркнул барон, не отрывая взгляда от красных стен.

За второй и предпоследней линией обороны их ждал еще один, но отнюдь не последний сюрприз. Та часть города, по которой они двигались до этого хоть и была значительно чище улиц Пскова, однако по общему стилю, домам и их расположению мало от него отличалась. За второй стеной все было иначе. Улица мигом расширилась раза в два и теперь по ней, казалось бы, спокойно могут разехаться сразу четыре повозки. Кроме того, ветхие избы сменились новенькими двухэтажными домами с множеством окон, которые не имели как таковых разграничений по территории. Они словно стояли вдоль улицы сплошным монолитом, подмигивая восторженным наблюдателям красной черепицей крыш и высокими печными трубами. Сразу стало ясно, что хотя места за второй стеной города было куда меньше, чем за первой, народу здесь живет значительно больше.

Вскоре Иоганну предстали и хваленые мануфактуры. Длинные здания, хоть и имевшие два этажа, немного уступали высотой жилым. Зато из крыши многих торчали десятки дымящих труб, а из помещений отчетливо доносился смешанный шум, напоминавший звук большой кузницы.

— О, господа, мне вот здесь выходить. — Улыбнулся горожанин, кивнув в сторону

очередной, сравнительно небольшой мануфактуры. Барон окликнул извозчика и тот, немного погодя, остановился у небольшого выступа, играющего, по всей видимости, роль пешеходной дорожки. Иоганн порылся в своем кошельке и, выудив оттуда один золотой гульден, вальяжно протянул его рабочему, благодарно кивнув. Тот свою награду принял и, ловко выпрыгнув из повозки, в последний раз кивнул на прощание иностранным гостям.

— Да уж, не богато живут нынче бароны немецкие. — Усмехнулся он, небрежно бросив в карман золотую монету.

Тем временем в карете ливонского посла повисла напряженная тишина. Они приехали сюда, в земли еретиков, дабы закрепить некоторые отношения с ослабшим смутой и получившим независимость Новгородом. Однако приехали они в город, который вовсе не испытывал проблем, а скорее напротив — процветал даже на фоне Риги.

Наконец, Иоганн взял лист бумаги и трясущимися руками, стал выводить на нем слова: 'Достопочтенный Великий Магистр! Мы прибыли в Новгород, ожидая увидеть здесь глупого медвежонка, торгующего воском, предложить помощь братьев католиков и спасти еретиков от языческой угрозы с севера. Однако сейчас я могу с уверенностью заявить, что берлога сменила своего хозяина и тот наверняка может дотянуться левой лапой до Стокгольма, а правой до Риги.

С уважением, барон Иоганн фон Русдорф'

Интерлюдия. Генрих фон Майер.

Окрестности Тихвина, 180 верст к северо-востоку от Новгорода.

Шестая рота Новгородского полка гордо вышагивала по узкой дорожке, иногда останавливаясь, дабы привести ее в порядок: залатать ямы, вырубить кусты по обочинам, а порой даже выпрямить извилистую тропу. Сосновые пролески с редкими березами порой сменялись небольшими полянами, однако в общем и целом картина окружения не менялась.

Командующий экспедицией, Генрих фон Майер, как и положено офицеру новой армии, вместе с капитаном роты двигался в конце колонны, вместе с небольшим обозом из трех монструозных повозок на больших колесах. Каждую такую повозку, загруженную под завязку едва ли не тонной полезного груза, тянула двойка крупных лошадей. Телеги, несмотря на свои размеры и грузоподъемность, благодаря новому устройству двигались на удивление легко и непринужденно, без проблем поспевая за колонной солдат, растянувшейся в три линии на пол сотни метров по дороге.

За ними, уже с одной лошадей у каждой, двигались две новенькие легкие пушки, еще две недели назад отлитые в Новгороде на очередной спешно построенной мануфактуре. Артиллеристы, в кратчайшие сроки обученные казалось бы нелегкому делу, вчетвером с легкостью справлялись с маленькой, калибром менее чем в десяток сантиметров, пушкой, перезаряжая ее за смешные тридцать секунд.

Сам же Генрих фон Майер, не торопясь, верхом на своем коне, частично закованном в латные пластины, с улыбкой осматривался вокруг и наслаждался сравнительно тихим походом. Волнения Майер вовсе не испытывал. Еще бы: крупнейший город региона, Тихвин, принял новую власть без лишних вопросов и открыл ворота, стоило только стройным рядам выстроиться перед относительно низкими стенами. Сейчас в округе осталось лишь несколько небольших острогов, верность которых хоть и не подтверждена, однако опасности как таковой они для роты с двумя орудиями и большим запасом пороха не представляют. Встречая хоть какое-то сопротивление, солдаты выстраивались в боевой порядок и единым залпом буквально сметали волной свинца любого встреченного неприятеля. Впрочем,

справедливости ради, отряду Майера еще ни разу в жизни не доводилось встретить отряд, численностью хотя бы в пол сотни человек. Чаще это были небольшие группы изгнанных помещиков, мародеров или разбойников. А порой и все сразу. В основном такие сборные солянки из разношерстных преступников предпочитали ретироваться с поля битвы, а не вступать в открытое столкновение. Впрочем, свинец обогнать пока никому из них не удавалось.

Солнце клонилось к закату, когда на горизонте, из-за пригорка, показался небольшой отряд в пол дюжины гвардейцев, высланных вперед для разведки. Сместившись к обочине, они пропустили основную колонну солдат, марширующих нога в ногу под барабанный бой и, поприветствовав Генриха и капитана роты, поравнялись с ними. Командир десятка, молоденький сержант, двигался во главе отряда. В черном мундире с множеством шнурков, пуговиц и карманов, он, позвякивая шпорами, пытался совладать с ретивым скакуном, от чего тот то и дело дергался, а ружье глухо ударялось прикладом о дубовую кожу седла. Впрочем, черная, как ночь, гвардейская форма сидела на молодом сержанте как влитая, идеально подоженная под его размер десятком шнурков и ремешков. Круглая каска, немного сместившись в бок, вовсе не блестела, как и положено по уставу, а лишь отдавала серо-матовым блеклым металлом. Ведь блеск может привлечь лишнее внимание и полезен может быть разве что на параде.

— Господин капитан, — Кивнул гвардеец матерому офицеру, который еще застал Новгород во времена первой независимости. — Господин Майер. — Также кивнул он Генриху. Вообще в этой экспедиции бывший германский дворянин, а теперь — офицер революционной армии Новгорода, Генрих фон Майер, фактически был главным и мог распоряжаться как отрядом разведки, так и всей ротой, включая капитана, что был раза в два старше него по возрасту. По возрасту, но не по чину.

— Докладывай, сержант, — Улыбнулся он командиру гвардейского десятка.

— В двух верстах к северу крупный острог. Домов тридцать, не меньше. Стены добрые, река рядом. Можем там заночевать. — Гвардеец коротко кивнул, закончив свой доклад.

— Добро, — Сказал Генрих, немного подумав. — Веди, сержант.

— Так точно! — Глухо стукнул кулаком в грудь молодой сержант, ударив в бока своего коня набирая скорость.

— Господин Майер, — Неуверенно начал томным басом капитан. — В той стороне земли плохо разведаны. Может лучше в Тихвин вернемся? А по утру и тот острог проведем.

— Боишься, капитан? — Усмехнулся Генрих.

— Нисколько, господин. — Обиженно буркнул лихой вояка. — Но зачем же за зря бойцами добрыми рисковать?

— Благородные воины не страшатся невидимых врагов. — Строго проговорил в ответ командир экспедиции. — А видимых они побеждают. Ежели нам уготована стрела али сабля, то она нас и за стенами настигнет. А ежели нет, то храбростью своей мы честь и славу себе заслужим. — Потомственный дворянин, чтящий рыцарский кодекс, даже не рассматривал возможность пусть и тактического, но все же отступления.

— Как скажете, господин, — Задумчиво проговорил капитан, взглядываясь в синеющую на западе даль горизонта.

Глава 8. «Союзники...»

Железное ведро полетело в чернеющую глубину колодца, где, издав глухой всплеск, стало медленно уходить под воду. Я, малость подождав, стал не спеша поднимать его, крутя рукоять ворота. Вскоре я привычным движением водрузил полное ведро с водой на стенку колодца.

— Может все-таки помочь, господин государь? — Нетерпеливо спросил Лаврентий, топчась в паре шагов от меня.

— Да брось, лейтенант, то пустое, — Улыбнувшись, отмахнулся я.

Мы проследовали в небольшой дворик рядом с моим домом, где под охраной двоих полицейских-городовых ровным рядом стояли шесть высоких корзин, доверху наполненных самой лучшей землей. Из них, гордо протягивая листья к солнцу, вытягивались ввысь картофельные кусты. Мой второй урожай в новой жизни. Я аккуратно разлил воду по корзинам, пристально всматриваясь в землю и выискивая всевозможные изъяны. Вообще, конечно, картошка отлично прижилась бы и в простой Новгородской земле, однако я стремился добиться максимальной скорости разведения этого чудо-овоща. Все же те клубни, что есть у меня с легкостью дадут прикурить любым другим существующим сейчас сортам, поскольку они прошли множество этапов селекции и наверняка защищены от большинства болезней и дают сравнительно хороший урожай на куст. По моим расчетам лет через десять уже можно будет говорить о неплохих масштабах разведения этого «второго хлеба» не только под моим присмотром, но и в собственности крестьян. Главное, чтобы как у Петра не получилось и чтобы люди не стали вдруг по незнанию жевать ботву и выбрасывать драгоценные клубни.

Я еще несколько минут осматривал свои небольшие посадки, в то время как Лаврентий вместе с пятью гвардейцами моего дневного охранения терпеливо ждали, нисколько не смущаясь ни моего поведения, ни неизвестных им кустов, которые их князь высадил у себя под окнами. Я бросил взгляд на краснеющее закатное солнце и, дернув щекой, пошел к местному полигону, где должны были проходить испытания нового образца оружия, которое должно было еще на шаг приблизить Новгород к победе в предстоящей войне.

От трехэтажного дома, в котором живу я и все мои приближенные до местного полигона не больше сотни метров, однако, как бы я не торопился избежать ненужных встреч, меня все же догнал растерянный солдат второго батальона, который сейчас прибывал в Новгороде, но уже через два дня должен был отправиться на внеочередные полевые учения патрулирование вокруг города.

— Господин государь, разрешите доложить, — Совсем не запыхавшись, однако от растерянности все же весьма прерывистым голосом начал он.

— Докладывай, — Нетерпеливо кивнул я, замедлив шаг.

— У ворот в детинец гости иноземные стоят. Возница — любо дорого смотреть. Говорят, барон какой-то из Ливонии. От ихнего магистра, ну то бишь князя местного. — Быстро, но четко протараторил рядовой, суетливо теребя левой рукой ремешок ружья, закинутого за плечо. Я расстроено глянул на Лаврентия и, глубоко вздохнув, пожал плечами.

— Раз такие гости к нам прибыли, то тогда конечно встретить надобно. Отворяй ворота да проводи их к полигону.

— Так точно! — Рывкнул молодой боец и, развернувшись, поспешил назад.

— Так, Лаврентий, — Обратился я к своему, пожалуй, главному соглядатаю и шпиону. — Почему я о таких гостях узнаю в последний момент? — До этого хладнокровный лейтенант, словно первоклассник с двойкой в дневнике, опустил глаза.

— Виноват, — Коротко кивнул он.

— Направь своих людей на все въезды в город, да лошадей им лучших выдай. И чтобы впредь обо всех гостях мне докладывали.

— Так точно, господин государь, — Возвращая на лицо маску хладнокровия заверил меня Лаврентий. Мы быстрым шагом двинули к полигону. Я надеялся провести испытания нового оружия до того, как этот самый барон из Ливонии найдет меня. Все же это дело я откладываю уже не первый день и вот сегодня наконец собрались лучшие инженеры округи, дабы представить мне образцы своих работ.

Высокий частокол ограждал длинным прямоугольником территорию для испытания новых моделей огнестрельного оружия. Конечно, вечно держать в тайне наш технологический скачок не получится, но я все же планировал как можно дольше не выдавать всех инноваций не то что врагам, но даже потенциальным союзникам. Открыв невысокую дверцу, мы вошли на полигон, где нас уже ожидало пол дюжины разных мастеров своего дела. В числе них был и Жак Бернард и даже сам господин Да Винчи. Русских представителей гениев инженерной мысли было лишь двое.

Я поприветствовал всех присутствующих и, пройдя к длинному столу, за которым следовали деревянные мишени, осмотрел лежащие на нем образцы. Это были пистолеты. Три образца в совершенно разных исполнениях.

— Все пистолеты заряжены, государь, — Почтительно кивнув, обратился ко мне единственный русский мастер.

Я взял первый пистолет в руку. Он показался мне не слишком тяжелым, но и не очень-то легким. В руке лежал удобно, однако не был лишен привычных хорошо знакомому мне французу изысков.

— Жак, твоя работа? — Улыбнувшись, спросил я.

— Да, государь, — Певучим французским баритоном ответил округлых форм европеец.

Я отвел курок, отметив допустимую для ружья, но крайне неприятную для пистолета тяжесть взведения. В целом качество работы не оставляло сомнений, однако в пистолете явно прослеживалось французская пестрость и стремление к богатству. «Как бы это не пошло в ущерб качеству» — Подумал я и, подняв с земли немного песка, сыпанул его на ударный механизм. После чего бегло прицелился и нажал на спуск. Кремневый наконечник курка немного не дошел до железа и не высек нужной искры, от чего выстрела, как и следовало ожидать, не последовало.

— Распыляетесь на красоту, господин Бернард. — Упрекнул я французского мастера. Тот в ответ лишь поджал губы и обиженно фыркнул.

Следующим на очереди был куда более крупный образец. Длинный ствол, массивная рукоять и отсутствие всякого баланса. Прикрутить к такому агрегату приклад с цевьем и выйдет целый карабин. Я глянул на русского мастера, но тот лишь едва заметно кивнул на хладнокровно стоящего рядом Леонардо. Нет, конечно, итальянский мастер предупреждал меня, что собирается создать нечто похожее на Итальянский пистолет. Но кто же знал, что в Европе сейчас даже в роли малого огнестрела используют таких масштабов оружие. Интересно, что они этим компенсируют?

— Господин Да Винчи, — Начал я, осмотрев оружие. — Конструкция пистолета как всегда поражает. Однако я просил вас создать нечто легкое, что могло бы послужить кавалерии. А вы что сделали? Его ведь даже держать на вытянутой руке тяжело. — Легендарный Да Винчи лишь хладнокровно прикрыл глаза, выражая тем самым свое искреннее смирение.

Я же проследовал к последнему пистолету образца местного молодого мастера с ружейной мануфактуры, который осмелился принять участие в конкурсе наравне с зарубежными мастерами своего дела. Взяв со стола самый компактный из всех трех пистолетов, я сразу почувствовал его легкость и скромность. Внешне казалось, что оружие отлито едва ли не цельным куском. Открыв боковую дверцу механизма спуска, я подметил невиданную аккуратность и понятность конструкции, состоящей всего лишь из четырех основных деталей. Легко захлопнув дверцу механизма, которая тут же плотно защелкнулась на своем месте, я попробовал взвести курок. Механизм без единой запинки отработал как положено и с еле слышимым щелчком совсем без труда привел ударный кремневый наконечник в боевое положение. Я согнул в локте руку с пистолетом и плавно выпрямил ее, сопоставив мушку, целик и мишень. Указательный палец уже лег на спусковой крючок, как вдруг калитка полигона, до того бесшумно открывавшаяся, с грохотом распахнулась и ввалившийся внутрь боец, бегло оглядевшись, засеменил в мою сторону.

— Господин государь, Ливонские гости ожидают снаружи, — Рядовой услужливо кивнул, ожидая дальнейших указаний. Я же еще мгновение не отрываясь держал на мушке дощатую мишень, кое-где уже побитую ружейными выстрелами. Нет, пожалуй не стоит раньше времени шуметь. Опустив пистолет, я аккуратно положил его на стол, хотя в надежности и прочности конструкции нисколько не сомневался.

— Господа, — Обратился я к инженерам. — Ваши работы я еще изучу и вскоре дам вам окончательный ответ. А пока, прошу меня простить, но дела не ждут.

Все трое понимающе кивнули и двинулись мимо меня к выходу. Жак, проходя мимо, иронично усмехнулся, поглядывая то на свой украшенный пистолет, то на куда более скромную работу русского конкурента. Более опытный Леонардо же лишь по-отечески мне улыбнулся, как бы добровольно сдавая свою позицию молодому поколению. Когда же создатель последнего пистолета проходил мимо меня, я жестом остановил его и, подойдя ближе, еле слышно спросил:

— Как звать тебя, парень?

— Макар... То есть в крещении Макарий, господин государь. — Суетливо пролепетал он. — Но по отцову ремеслу меня Колошником все кличут.

— Скорее уж Калашников, — Задумчиво буркнул я, поглядывая на пистолет.

— Ась? — Искренне не понял он.

— Не бери в голову, — Отмахнулся я. — Колошников, значит калоши делаете что-ли? — Я задумался. Вроде как резина человечеству еще не скоро будет известна. Парень же в свою очередь смутился.

— Не знаю такого, — Искренне заявил он. — Колоша, это ж руда что в печь загружают для выплавки. Мы ж ведь раньше у медных рудников жили, на севере. А потом, значит, свеи ударили, ну мы и в Новгород отошли.

— Понятно. — Мы стали медленно продвигаться к выходу с полигона. — Я вам на разработку каждому по три рубля выделил. У тебя сколько ушло на пистолет?

— Сие не дорого вышло, государь. — Почесал он от чего-то вспотевший лоб. — Чуть

больше рубля истратил. Но ежели остаток вернуть надобно... — Он потянулся к своему кошельку, однако я вновь его остановил.

— То пустое, господин инженер, — Улыбнулся я, присваивая простому рабочему новое звание. Тот вначале даже не понял, что произошло, а когда до него все же дошло, мы уже стояли за воротами полигона.

— Да как же... Государь, я ж... — Он не мог не то что подобрать слов, но даже толком набрать воздуха в грудь.

— Всего доброго, Макарий, — Почтительно кивнул ему я, разворачиваясь в сторону богато украшенной кареты, где меня уже ждала та самая делегация из Ливонии.

Два десятка истинно средневековых католиков, какими я их себе всегда представлял. Безбородые в основной своей массе, они, впрочем, мало походили на действительно цивилизованных и чистоплотных людей. Если быть точным, на последних они не похожи абсолютно. За множеством формальных церемоний, непродолжительными фанфарами в исполнении одинокой трубы и дальнейшим представлением мне Ливонского барона Иоганна фон Русдорфа со всеми его надлежащими регалиями скрывались вполне себе обычные жители этого времени. От них разило чесноком, потом и многими другими, не менее изощренными вещами.

— Новгородский князь, — Начал одетый в латный нагрудник немолодых лет военный, который все это время переводил на ломанный русский все титулы, коими владеет достопочтенный посол. — Великий магистр Ливонии от лица всего католического мира передавать свои наилучшие пожелания христианскому другу и признавать за ним законность правления на сей земле. — Долго подбирая слова, наконец выдал он из себя столь сложное предложение.

— Я рад, что мой добрый сосед имеет благие намерения, — Я коротко кивнул обозначая свое уважение, но не покорность. — Переводчик донес мои слова до барона и тот, радостно улыбнувшись, стал диктовать свой ответ для перевода. Скопившееся вокруг гостей напряжение, до того сдерживаемое отсутствием у тех оружия, резко спало и даже на лицах гвардейцев я заметил облегченные улыбки.

— Барон Русдорф рад, что в Новгороде править столь... Благоразумный, — Нашел он нужное слово, — человек. От лица великого магистра Ливонского ордена герр Русдорф желает вести переговоры с Новгородом и создать союз против общего языческого врага. — Услышав это, все присутствующие, казалось, были готовы броситься в объятия гостей, пришедших с благими вестями. Я же радоваться не спешил. Союз значит хотят? Это, конечно, здорово. Но как бы эти господа-католики в самый важный момент белый флаг не выкинули. Были в истории случаи. Или скорее должны были быть в будущем. Впрочем, помощь нам и вправду сейчас нужна.

— Конечно, господа! — Воскликнул я, доброжелательно разведя руки и шагнув навстречу гостям. В нос тут же ударил резкий запах, от которого я уже успел изрядно отвыкнуть. — Впрочем, почему бы нам не соблюсти старую русскую традицию и не сходить в баню после дальней дороги?

Интерлюдия. Генрих фон Майер.

Окрестности Тихвина.

Артиллерист судорожно раздул фитиль и, кивнув командиру орудия, поднес его к казенной части пушки.

— Пли! — Раздалась звонкая команда и красный кончик фитиля скрылся в отверстии,

спустя мгновение подпалив заряд пороха. Орудие тяжело ухнуло и небольшое чугунное ядро, со свистом вынырнув из облака дыма, полетело в цель. Пролетев положенную сотню метров, снаряд ударил в самый верх стены из частокола и, образовав в ней брешь, полетел дальше, судя по звуку тут же встретив на своем пути очередную преграду.

Генрих стоял на пригорке в стороне от двух пушек, которые вот уже двадцать минут прицельно обстреливают бедный острог. Его бревенчатые стены уже имели во многих местах видимые бреши, а небольшие ворота лежали грудой обвалившейся башни.

— И чего они не сдаются? — Искренне недоумевая, воскликнул подошедший капитан, пригибаясь и не решаясь встать в полный рост.

— Это не важно, — Хладнокровно процедил Майер. — Они осмелились атаковать гвардейский отряд, ранили наших людей, они противятся воле праведной революции. — До сего момента спокойный Генрих вдруг стал заливаться искренней злобой. Глаза его сверкали, смотря в пустоту, а кулаки с хрустом сжимались. — Нет, на рудниках им не место. Только могила исправит этих разбойников.

— И все же, — Осторожно продолжил капитан. — Они ж ведь явно понимают, что мы их додавим. Может, подмоги ждут? — Снова глухо ударило орудие, на этот раз удачным попаданием обвалив часть стены.

— Возможно, — Не стал спорить с опытным воином Генрих. — Но гвардейцы прочесывают округу и ежели что... — Договорить он не успел. Звонкий свист прервал слова Майера. Он обернулся. Вдоль лесного массива, по узкой тропинке мчались остатки гвардейского десятка, отправленные охранять подходы с тыла. Трое бойцов из десятка сейчас лежали ранеными, а еще один, вынесенный совсем недавно под плотным обстрелом лучников мятежного острога, не смог вынести полученных ран и скоропостижно скончался.

Сейчас же шестеро уцелевших гвардейцев, активно жестикулируя, мчались в сторону наспех обустроенного осадного лагеря. Солнце все больше клонилось к закату и давать сейчас большое сражение было бы большим риском.

— Похоже, помощь к ним все же спешит, — Хмуро буркнул Генрих, срываясь с места в сторону позиций двух окопавшихся пушек.

— Рота, к бою! — Раздался громогласный бас капитана, а в глубине лагеря нараспев зазвучала труба и застучал барабан.

— Первый взвод — следите за острогом. Капитан, — Майер, уже загоревшимися адреналином глазами повернулся к ротному. — Бери оставшиеся три взвода и строй их в три линии в сторону леса, — Он указал в ту сторону, откуда со свистом продолжали нестись гвардейцы.

— Так точно! — Серьезно кивнул капитан и поспешил организовывать солдат.

— Пушкари! — Окликнул он наостривших уши артиллеристов, находящихся буквально в десятке метров от него. — Заряжай картечь и тащите орудия туда же!

— Есть! — Хором откликнулись оба сержанта — командиры орудийных расчетов.

Лагерь в тринадцать десятков душ пришел в неопишное движение, столь же быстрое, сколько слаженное и отработанное. Послышался привычный, абсолютно уверенный, мат сержантов, подгоняющих рядовых, короткие приказы и безликие, однообразные ответы «так точно!». Весь отряд стал делать то, чему солдаты и их командиры учились три месяца едва ли не к ряду, и в чем они, как в очередной раз убеждался фон Майер, сильно преуспели.

— Ну что ж, — Генрих немного выдвинул из ножен свою шпагу, всматриваясь в чарующий блеск стали. — Пусть дарует господь нам победу над предателями. — Он резким

движением задвинул шпагу обратно и поправил рукой воротник мундира, — Ибо сила наша, как государь завещал, в истине праведной, да в правде истинной.

Глава 9. «...И противники»

Ливонцы оказались ребятами на удивление неплохими. Первичная спесь и высокомерие то ли от жаркой бани по белому, то ли от крепкого пива, довольно быстро улетучились. Осталась лишь искренняя доброжелательность и даже некоторое панибратство. Все важные дела нами было решено оставить на неопределенный срок, уступив место знакомству послов с местной культурой.

До глубокой ночи мы с бароном и его свитой пировали и поднимали кружки за очень многое. Сначала пили за здоровье. Всех: от великого магистра ордена, до всех наших родичей до третьего колена. Захмелевший маршал переводил с ливонского на русский и обратно тост за тостом, пока в конечном итоге не уснул на плече одного из гвардейцев, с которым до того пытался взять на распев какую-то трактирную песню. Сам герр Русдорф, хоть и выглядел откровенно помятым, еще сохранял возможность более или менее внятно говорить. Меня же от такого состояния спасли многочисленные пропуски и моменты, когда я незаметно сливал или разбавлял содержимое своей кружки.

— Я хочу выпить, — Начал, громко икнув, на ломанном немецком, на котором на пришлось общаться после вылета в аут нашего переводчика, Иоганн, — За добрый союз Риги и Новгорода!

— Герр Русдорф, мы пили за это уже три раза! — Максимально стараясь сыграть роль поддатого человека, пролепетал я.

— Да? — Он снова икнул и, улыбнувшись, глянул в свой стакан, — Тогда за победу над шведскими язычниками! За это мы пили лишь дважды!

Наконец, после долгих уговоров продолжить славный вечер, я сумел уложить гостей спать в одной из комнат на первом этаже дома. Закрыв за ними дверь, я глубоко вздохнул и не спеша стал подниматься по лестнице на третий этаж. Я старался как можно более бесшумно, чтобы не разбудить Анну в столь поздний час, прошмыгнуть в спальню, однако усилия мои были лишены смысла. Она не спала.

— Как все прошло? — Кинулась она ко мне с пышущими интересом глазами, стоило мне приоткрыть дверь. — Ливония выступит с нами против Швеции?

— Все... — Я еще по привычке говорил на пьяный манер, но опомнившись, разом «протрезвел». — Все прошло неплохо. — Пожал плечами я. — Завтра мы проведем полевой смотр одного из батальонов, потом посмотрим игру в ногомяч, а вечером нас развлекут полковые музыканты.

— Они сыграют твои песни?! — Искренне изумилась она.

— Я же говорил, это не мои песни. — Как-то по-детски смущаясь, буркнул я. — Их написали славные менестрели из моей страны.

— А мне нравится думать, что их написал ты, — Ткнувшись носиком в мою грудь, обняв меня, сказала Анна.

Интерлюдия. Генрих фон Майер. Окрестности Тихвина.

Всматриваясь в ночную мглу, Генрих размышлял над текущим положением дел. В нос ударил уже привычный едкий запах порохового дыма, до сих пор витавшего в воздухе, от чего Майер поморщился, поправляя надоедливый шлем, который вновь предательски сполз на лоб.

— Отходить надо, командир, — Произнес неожиданно подошедший из темноты второй

в роте человек после Майера.

— Опять ты за свое, капитан, — Беззлобно ответил Генрих.

— Народу уже много на поле этом полегло, — Покачал головой старый вояка. — наших вон тоже побили — два десятка с валяются с ранами и еще десяток могилы ждет.

— Что их луки да сабли против наших ружей да штыков? — Оскалился бывший немецкий дворянин. В нем снова проснулся на мгновение задремавший рыцарь.

— Больше их, — Опираясь на свой опыт ответил капитан. — Повезло нам, что в ночь они нас застигли. А то бы и додавить могли.

— Да мы их как картечью окучили, так они деру и дали! — Возразил Генрих. — Хоть и меньше нас, но бьем ведь гадов мятежных! — Он нетерпеливо сжал в руке эфес псаги, еще больше подавшись вперед.

— Командир, боюсь на всех пороху не хватит, — Не унимался опасливый капитан. — Ежели к Тихвину отойдем, там и батальон нам подсобит. Не гоже воев добрых за горстку дворян да разбойников класть.

— Покамест стоим, — Сказал, как отрезал Генрих. — Это приказ, капитан.

Интерлюдия. Александр. Новгород. 13 августа.

Ранний подъем вновь обозначила задорная мелодия трубы, а после и остального полкового оркестра из нескольких разномастных барабанов, рожков, свистков и даже нескольких струнных подобий гитары. Я привычным образом соскочил с кровати, вновь не обнаружив своей супруги рядом. И как она успевает так рано вставать?

За окном серели густые тучи. Погода обещала быть пасмурной и, возможно, дождливой. В быстром темпе умывшись студеной водой и одевшись в повседневный расшитый красными и синими нитями армейский офицерский мундир, я, подобно заправскому акробату перескочил через лестничный поручень и оказался на лестничной площадке второго этажа. Гвардейский десяток такой оперативностью еще не обзавелся, а потому в коридоре я застал лишь малость растрепанного Лаврентия с пышущим паром стаканов в руке.

— Крепкий сбитень, государь! — Буднично протянул он мне бодрящий напиток. — Две ложки меда, взболтанный, но не смешанный!

— Благодарю, лейтенант! — Спешно кивнул я, принимая из его рук ароматный аналог кофе. Я уже собирался буднично пойти к выходу, как вдруг опомнился и резко остановился, едва не расплескав содержимое кружки. — Ах да, Лаврентий, — Окликнул я гвардейца, который уже собирался пойти поторопить своих подопечных из моего личного охранения.

— Слушаю, командир. — Вытянулся в струнку парень.

— Пистолет этого, — Я пощелкал пальцем в воздухе, вспоминая, как звали инженера, — Калашникова! — Наконец нашел я нужную, хоть и не верную фамилию в голове. — Так вот, он у тебя?

— Так точно. — Утвердительно кивнул офицер.

— Возьми с собой, может сегодня ещё спытаем.

Гости из ближнего зарубежья еще долго будут валяться в постели, мучаясь головной болью, а значит пока что можно заняться организацией нашего выезда за город, где первый батальон готовился к плановому смотру. Второй батальон сейчас располагался в самом Новгороде, поддерживая общественный порядок и тренируя полицейские части. Третий же в полном составе трех рот под командованием Генриха сейчас находился в походе на северо-восток, распространяя наше влияние на бывшие Новгородские земли.

Четыре сотни человек, подобно муравьям, организованно выбежали из казарм и под

веселую мелодию стали проводить уже ставшую обыденностью утреннюю зарядку. Вообще сама армия, которую мне удалось слепить из добровольцев в короткий срок чем-то напоминала летний лагерь. Если, конечно, принять тот факт, что здесь молодые солдаты учились в основном одному — искусству убивать. Причем убивать не столько в ближнем, сколько в дальнем бою. Не столько грубой силой, сколько хитростью, меткостью и тактикой. Да и нельзя сказать, что бывшие зеленые новобранцы, а сейчас — обученные солдаты коротали дни лишь за тренировками и стройкой дорог и мостов. Каждый день по два-три часа даже последний рядовой(а офицеры и подавно) проводил в учебном кабинете, изучая вначале новое чтение и письмо, а после — устройство оружия и, что самое главное, идею новой военной доктрины. Ведь во многом в понимании простых солдат того, что и зачем они делают закладывается фундамент для будущих побед.

Не успел я допить свой стандартный утренний взбодритель и поудобнее усесться на стуле, готовясь к стандартной утренней процедуре приема всех желающих, как ко мне в кабинет с докладами, просьбами и предложениями полетели вестовые и посыльные самых разных сфер и направлений. Впрочем, так было практически всегда.

— Государь, возле Гатчины нашли самородки золотые! — Доложил запыхавшийся гонец.

— Направьте с ближайших рудников каторжников, пусть под надзором местных городских начинают копать. — Почти не задумываясь ответил я.

— Вгрыземся в землю глубоко и жадно, господин. — Щуплый гонец уважительно кивнул, раскланялся и спешно удалился.

— Господин государь, — Неспешно начал прощмыгнувший ко мне старичок. — Слышал я, что в имении твоём, в Борках, дома для пчел ставить стали. — Вот же ироды: и тут ничего в тайне не удержали! Мы ведь пока лишь экспериментировали с первыми в России ульями и только-только пришли к хорошим результатам, а об этом уже последний крестьянин наслышан!

— Допустим, — Неопределенно буркнул я.

— Мы ж ведь бортничеством промышляем, — Сказал он и тут же прикусил язык. Так, как будто это было что-то незаконное. — Но закон чтим и подати, наместником твоим назначенные, платим справно!

— Верю, — Строго кивнул я. — А про ульи зачем спрашиваешь?

— Ну дык ясно дело, государь, — Стушевался старичок, заерзав на ранее удобном стуле. — Ежели ульи совсем рядом будут, то и мед да воск легче будет добывать. Мы вот и подумали, что хорошо было бы общиной понемногу собрать деньжат, да купить у тебя те дома пчелиные. — Эх, а ведь только технологию отработали, только на поток решили ставить, а придется рассекречивать.

— Хорошо, — Хладнокровно кивнул я. — Отправляйся в Борки и сообщи обо всем наместнику тамошнему. Он тебе выпишет грамотку на покупку ульев. По весне отправите человека с деньгами, да купите, сколько вам надобно.

За бесчисленным множеством людей, что шли ко мне по самым разным поводам, приемный час пролетел незаметно. Да уж, надо бы еще больше разных структур наплодить, чтобы всей этой волокитой не только лишь я занимался. Удивительно: вот вроде всю жизнь презирал бюрократов, но лишь оказавшись в их шкуре понял всю необходимость этого аппарата управления.

Почтенные гости провалялись в постели значительно дольше меня и сейчас, неспешно

умываясь и одеваясь, готовились к насыщенному дню, который я для них подготовил. Первым пунктом на повестке дня было посещение планового смотра учений, а потому все стали готовиться к конной прогулке за город. Ливонцы снаряжали лошадей, с улыбкой вспоминая вчерашний вечер. Помня о том, что с неба в любой момент может полить как из ведра, все мы надели плащи из плотной парусины, которые отлично спасали от дождя и отражали значительную часть влаги.

Однако, по видимому, не суждено сложной системе, которую я построил, пока не суждено функционировать хотя бы один день без моего присутствия. Только мы собрались выезжать, как к Лаврентию с докладом прискакал его подопечный из числа тех, кого он назначил докладывать обо всех необычных гостях города.

— Господин лейтенант, господин государь. — Почтенно склонил голову невысокий парнишка, сын одного из моих сподвижников — бывшего дворянина, который добровольно отказался от помещичьих нег в пользу дела революции.

— Докладывай, рядовой. — Вздохнув, сказал я молодому гвардейцу.

— В Новгород прибыли люди из Москвы, — Он испуганно забегал глазами, отлично понимая, что это может означать. И я это тоже прекрасно осознаю. Ведь Москва сейчас хоть и слаба, но все же имеет возможность претендовать на все земли ранее единого государства. А значит, и на наши земли тоже. Впрочем, кто сказал, что я им эти земли отдам? А уж народ, почувывший свободу, совершенно точно не захочет с ней расставаться.

— Много их? — Буркнул я, нервно дернув щекой.

— Пара дюжин всего. — Быстро ответил рядовой. — Но, судя по виду, какой-то боярин пожаловал. — Я заметил, что маршал-переводчик что-то зашептал на ухо барону Русдорфу, явно переводя наш диалог.

— Хорошо. — Кивнул я юному гвардейцу. — Вольно, рядовой.

— Герр государь, — Осторожно начал ливонский маршал. — Барон Русдорф желать выразить свою поддержку и... — Он замялся, подбирая слова. — Как-то... Закрепить вольность Новгородской земли. — Что ж, помощь такой силы, как Ливонский орден, во многом представляющий интересы католического мира, в противостоянии с Москвой действительно может сыграть важную роль.

— Хорошо, господа. Новгород принимает вашу благородную помощь. — Искренне поблагодарил я Иогана и его свиту.

— Только мы хотеть говорить с московскими боярами при своем оружии, — Хитро ухмыльнулся маршал. — Как и полагает благородным воинам Христа, разумеется. — Это они ловко. Ну конечно, ведь их оружие, как и полагается, на въезде в детинец у них временно конфисковали. Таков порядок, что уж тут.

— Добро, — Согласился я.

Когда свите барона выдавали их же оружие, я заметил, что помимо множества смертоносных клинков доблестные рыцари крепко сжимали в своих руках единообразные арбалеты с выгравированной на деревянном прикладе надписью, которую я не спутаю ни с чем: «Боркинская самострельная мануфактура». Вот вроде мелочь, а приятно осознавать, что на ближнем зарубежье так распространилось оружие, производимое здесь, в Новгороде.

Мы вышли за ворота укрепленного детинца, который за последний месяц ошетинился новыми пушками по всему периметру и сейчас представлял из себя грозную цитадель с высокими и толстыми стенами. Два десятка человек ливонцев, десяток моего личного охранения во главе с Лаврентием и я. Всего три десятка человек стояло под пасмурным

небом, с которого вот-вот должен был ударить ливень. Все молча всматривались в сторону ворот второй стены, откуда с минуты на минуту должны были показаться незваные гости. Дождевики, сшитые, опять же, здесь, в Новгороде, из черного сукна и парусины делали из нашей компании самую настоящую черную тучу, которая явно контрастировала на фоне красных стен детинца.

Вскоре все же показали две кареты с двумя десятками всадников личной охраны. Да уж, помощь Русдорфа явно должна сыграть большую роль хотя бы потому, что благодаря ему я получил в этих переговорах численное превосходство. Всадники напоминали тех, которые сопровождали в прошлом году покойного царя: в длинных кафтанах по колени с высокими воротниками и меховыми шапками на головах. Вот только на сей раз эти представители поместного войска смотрели по сторонам не буднично и нейтрально, а скорее с подозрением и презрением. Так, как будто злой начальник заглянул к своему подопечному на запущенное рабочее место и вот-вот уволит того, брызжа во все стороны слюной и оскорблениями. По капюшонам плащей ударили первые мелкие капли дождя, а где-то вдалеке сверкнула молния. Да уж, разговор на вряд-ли пройдет в дружеской обстановке.

Интерлюдия. Генрих фон Майер. Окрестности Тихвина.

Вороны слетались со всех сторон на развернувшееся застолье из многочисленных трупов лошадей и людей, которые с трех сторон окружили квадратный редут, наскоро выкопанный поредевшей ротой за пасмурное утро. Дабы не намочить драгоценный порох, которого и без того осталось не так много, над окопами и брустверами бойцы соорудили навесы из парусины повозок, накрыв ими все припасы и даже два орудия, которые установили в двух противоположных углах редута и которые сейчас отдыхали после долгой пальбы.

Отдыхала и сама рота. Еще не было и полудня, а они уже отбили две крупные атаки мятежников, щедро накормив неумных всадников свинцом, а однажды, когда те прорвались-таки на позиции — даже сталью штыков. Однако сейчас выдалось затишье. Дождь прошел, оставив за собой грязную, непригодную для атаки землю, усеянную трупами и странный запах, смешавший в себе кровь, пот, порох и много чего еще.

Вдруг из санитарной палатки, которую установили под прикрытием двух телег, ковыляя на одной здоровой ноге и волоча за собой перебитую в последней стычке вторую, вышел один из ротных музыкантов, осторожно неся в одной руке струнный инструмент, а другой опираясь на самодельный костыль.

— А ну-ка, служивые, чего носы повесили! — Улыбаясь, пророкотал он, с разбегу ворвавшись в окоп и усевшись по житейски на пустой бочонок из под пороха, который артиллеристы совсем недавно растащили на новые заряды для своих орудий. Генрих узнал этого музыканта. Когда они отдыхали в Новгороде в последний раз, этот мужичок сильно увлекся музыкой, которую играл полковой оркестр. А то как же не увлечься — с ним ведь сам государь работал! А от герр Александра Майер не мог ожидать плохого музыкального вкуса. Он не раз слышал, как его государь играет на этом струнном инструменте, названном им же «гитарой», и каждый раз Генрих убеждался в его музыкальном слухе.

— О, господин скомо... — Один из сержантов осекся на полуслове, прикусив губу. — В смысле му-зы-кант. — Проговорил он по слогам новое слово. — А ну, сыграешь нам какую песнь бравую? — Все бойцы и вправду обрадовались появлению на позициях человека с гитарой и стали спешно стягиваться к нему. На постах остались лишь смотровые, но и те приподняли головы, готовясь слушать.

— Ну, значит, государева песня, — Честно признался ротный музыкант, когда первичная суeta улеглась. — Называется уж очень красно: «Батальон уходит в бой!» — Услышав название, бойцы одобрительно загудели закивали, презрительно сверкая взглядами в сторону непокорного острога.

Вот усатый музыкант в первый раз ударил по струнам и все голоса вмиг стихли.

— Бросил клич наш воевода: По мужчине, мол, от рода. Он поднял нас по тревоге— Войско шведов на пороге. Вся Россия вновь пылает, И крестьяне вновь страдают, В бой дворяне нас бросали Люди воли не видали! В бой со шведом мы во и мраке Шли вперед, не зная страха За царя мы все сражались: Прямо в пекло мы бросались

Вот походный марш играет Меч свой Майер опускает Хриплый бас, команда «Вольно!» Спи, Россия, ты спокойно!

До последних сил сражались Словно львы мы в бой бросались Вот беда — царя не сталс Смерть иль новое начало? Пришла весть: мы победили! Еще пушки не остыли Но в полку нас вдруг предали, Черт побрал бы вас, дворяне! Вновь беспокойно в городах— Воздух предательством пропах Падет страна, не ровен час, Но революция за нас! Средь лесов мы вас искали Где мы только не бывали Но опять сигнал «тревога!» Шведы снова у порога! В дальних северных высотах, В темных дебрях и болотах, Мощью всей свободной длани Мы раздавим вас, бояре! Горят деревни, города И революции звезда! Мятежники все прут на нас Но мы не дрогнем, не сейчас! Плечом к плечу мы рвем врагов Ножом, прикладом, кулаком Живыми бы прийти домой Но батальон уходит в бой... Пламя снова возгорится Вновь Россия возродится Ужас в вас вселит тревога Мы у вашего порога! Плечом к плечу мы прем вперед Фон Майер гибель вам несет Живыми бы, прийти домой Но батальон уходит в бой!

Стоило музыканту в последний раз ударить по струнам, как бойцы разразились радостными овациями и ликованием. Шум толпы прервал выстрел с дальнего конца редута.

— Рота к бою! — Прокричал офицер на другой стороне и бойцы, похватав на мгновение отложенное оружие, вновь поспешили к своим позициям.

Глава 10. «Рэкет по-боярски»

Дверца кареты с шумом распахнулась и наружу, грузно переваливаясь с ноги на ногу, вывалился немолодой мужчина в длинном, богатом кафтане, до неприличия громадной шапке, которая едва не задевала потолок его повозки и в высоких сапогах. Но самой главной отличительной чертой была борода. Нет, бороды носили все поголовно охранники и даже кучер, но вот у боярина она была особенной. Длинная и пышная, она закрывала значительную часть его широкой груди и обрывалась лишь дойдя до округлого живота. В руке боярин сжимал метровый позолоченный жезл, украшенный драгоценными камнями.

Образец русской аристократии брезгливо огляделся, прошелся вдоль кареты, дернул за собой подол своего кафтана, который малость отстал от его движений и, поджав губы, сделал несколько шагов по направлению к нам. Ему подвели коня, на которого он сумел забраться лишь с посторонней помощью и вся кавалькада наконец двинулась к нам. Они шли неспешно, стреляя порой цепкими, презрительными взглядами по сторонам и на нас. Шли, полностью уверенные в своей правде и господстве. Гордо выпячивая грудь и не менее гордо выдвигая вперед подбородки, демонстрируя свое безразличие к окружению.

— Смотри-ка, пол сотни метров между нами, так он их решил как герой, верхом пройти, — Усмехнулся я, оглядев своих соратников. Маршал что-то зашептал на ухо барону, после чего тот, не сдержавшись, по-юношески хохотнул.

— Славьте, люди Новгородские, славного Московского боярина Алексея Трубецкого! — Томным басом прокричал один из ближайших к боярину всадников, который походил не столько на охранника, сколько на малую копию тщеславного аристократа, который сейчас, задрав нос, ожидал здравниц в свою честь. Однако ответа не последовало. Ливонцы молчали — ждали меня. Гвардия молчала — приказа не было. Горожане, что стали собираться посмотреть на необычную картину, не проронили ни слова — для них ни громкая фамилия, ни титул совершенно ни о чем не говорили. Боярин от изумления распахнул глаза так, что казалось, будто они вот-вот выйдут из орбит. Он растерянно огляделся по сторонам, раздраженно кривя губы. Его свита также находилась в полном замешательстве.

Все мы пристально наблюдали за медленным продвижением к нам непрошенных гостей, как вдруг ко мне протиснулся запыхавшийся молодой капитан одной из рот, что сейчас базировалась в крепости.

— Государь, — Начал он доклад, вытянувшись в струнку, — Первая рота полностью оружна и готова к бою. Вторая и третья сейчас в городе, патрулируют улицы. — Отчитался капитан, которого я самолично не так давно повысил из лейтенанта за его успехи в роли командира взвода.

— Ждите сигнала. — Кивнул я, не отводя взгляд от медленно приближающейся группе всадников.

— Ну здравствуй, боярин. — Шагнув вперед, громогласно сказал я, при этом не сделав ни единого жеста уважения в его сторону. — Ты бы с лошади спешил, коль обидеть никого ненароком не хочешь.

— А ежели и хочу, то что с того?! — Гордо вскинув голову ответил он. Я краем глаза скользнул по моему окружению. Ливонцы, отбросив назад плащи дождевиков, поудобнее перехватывали заряженные арбалеты, в то время как стоящие перед ними гвардейцы все как один вросли в землю монолитной стеной, держа при себе ружья, не показывая их лишней

раз из под широких дождевиков.

— Не хорошо, господин Трубецкой, — Стальным голосом отрезал я, нахмурившись.

— Наслышан я про тебя. — Прищурившись, процедил боярин. — Ты, самозванец, смел власть в Новгороде к рукам прибрать, пока по стране смута шагала!

— А она и не заканчивалась! — Прервал его я. — Или что, в Москве наследник из Рюриковичей появился?

— Боярский из совет из восьми родов, покамест престол русский пустует, власть в руки свои взял. — «Восьмибоярщина, что-ли, какая-то?» — Подумал я про себя.

— Ну вот и кто после этого самозванец, а? — Я сорвался на крик, пройдя взглядом по собравшейся за гостями толпе зевак. — Власть моя дана мне народом! Я люблю землю русскую, я люблю республику. И коль народ того пожелает, я сниму с себя вверенный мне титул, когда смута минует! — От такого заявления, прозвучавшего словно гром среди не очень то ясного, но все же неба, глаза выпучил даже до того нахальный боярин.

— Как смеешь ты, ирод, так с твоим хозяином говорить?! — Толстый аристократ весь покраснел, заерзал в седле, крепко сжимая свой скипетр. — Тебе Московские бояре такую милость оказали — решили тебя не вешать, а ты вольницы захотел!

— Я просить прекратить сие, герр боярин! — Строгим басом рывкнул маршал ливонцев, до того о чем-то шепотом говоривший со своим бароном. — Магистр Ливонского ордена выразил свое признание соседу-правителю, князю Александру. Новгород под защитой Ливонии, а значит под защитой всего католического мира!

— И Польши тоже, — Ехидно ухмыльнувшись, добавил я. Не так давно пришли вести с нестабильности на западных рубежах Московского княжества, а значит для бояр, чье государство переживает не самые лучшие времена, эта тема должна быть особенно болезненной.

— Ты еще и с латинянами якшаешься, — Презрительно сощурившись, процедил он. — А мы то думали тебе за ладное управление поместье под Москвой пожаловать. Но раз ты так...

— А я тебе, боярин, предлагаю деревню в Карелии. Там как раз помещика недавно расстреляли, должность наместника свободна. — Я улыбнулся во все свои тридцать два, в то время как боярин, еще больше покраснев, оскалился более редким рядом зубов.

— Да как смеешь ты... — Тот самый верный пес Московской шишки, лихо вынув из ножен саблю, рванул в нашу сторону, занося свое оружие над головой. Однако договорить свою, безусловно, очень обидную фразу, как и приблизиться к нам ближе, чем на пять шагов, он не успел. Лаврентий, стоящий рядом со мной, еле заметно шевельнулся, раздался характерный щелчок и из под его плаща вырвался поток огня, дыма и громкий хлопок. Особо ретивый москвит глухо хекнул, уронил саблю на плотную землю с редкой травой и сам завалился назад с краснеющим на груди красным пятном. Я спокойно перевел взгляд на офицера своей службы безопасности. Из прорези дождевика скромно выглядывал все еще дымящийся металлический ствол пистолета. Того самого, который я попросил его сегодня утром взять с собой и который сконструировал тот юный русский инженер, уделавший легендарного Давинчи.

Повисла гнетущая тишина. Все первые вздохи, охи, ржание испуганных и неприученных к стрельбе лошадей, все это очень быстро стихло. На влажную землю упало безжизненное тело, а его скакун, не зная, куда деваться, почему-то вернулся к карете. Я посмотрел в глаза боярину. В них уже не было той спеси и тщеславия. Кажется, он своим средневековым

мышлением все же понял, что их авторитет в Москве, которым они так яро пытались меня задавить, здесь — не более, чем пшик.

Ворота детинца быстро распахнулись и под короткие команды из крепости организованно выбежала первая рота, повзводно занимая позиции полукругом, окружая потенциальных противников, и в два ряда выставляя более сотни стволов в направлении гостей из Москвы. Первый ряд присел на колени, от чего создавалось впечатление сплошной стены из штыков, которая готова была в любой момент причесать небольшой отряд всадников свинцом, не оставив им ни единого шанса.

— Господин государь, — Подбежал ко мне командир роты, бросая робкий взгляд в сторону неподвижно лежащего, еще недавно очень смелого воина, которого кольчуга не спасла от свинца. — Мы услышали выстрел и приняли его за сигнал.

— Хвалю за бдительность, — Благодарно кивнул я капитану. — Огонь не открывать ни при каких обстоятельствах. — Уже на ухо шепнул ему я. Не хватало нам еще политического скандала. Внешне можно как угодно выражать отсутствие всякого уважения к незванным гостям, которые считают себя хозяевами, однако в преддверии большого конфликта со Швецией провоцировать на конфликт пусть и ослабевшую, но все же достаточно большую Москву в мои планы не входит. Припугнем этих фанатов феодального строя, отправим домой, а через пару лет и на юг можно взор обратить.

— Как видите, господа, вам здесь не очень-то рады. — Я шагнул вперед, оглядывая своих солдат, хмурых и хладнокровных. — Однако я благородно предлагаю Московскому боярству заключить договор о ненападении. А тебе, Алексей, предлагаю место при моем дворе. — Второе предложение выступило неким противовесом первому. Я отлично понимаю, что народ в Москве сейчас волнуется из-за плохих урожаев, вызванных массовым ростом преступности и бессилием властей. И если Трубецкой сейчас пошлет меня с моими предложениями, то народ, не желающий терпеть тяготы войны, явно не обрадуется такому решению представителя не очень легитимной власти.

— Да вот шиш тебе, латинянин! — Испуганно осматриваясь по сторонам, но не находя народной поддержки в глазах собравшейся толпы, прокричал он. Аргумент откровенно слабоват. Ведь хотя я и веду активные дела с иностранцами, которые во многом принадлежат к католической церкви, сам при этом исправно посещаю православную. Пришлось, конечно, малость забить голову молитвами и обрядами, однако репутация явно того стоит.

— Что ж, раз так, то я даю вам час, чтобы покинуть черту города. В противном случае вам все же представится возможность поработать на благо нашей страны. Правда, уже с киркой в руках и в кандалах. — Я оглядел повеселевший народ. Да уж, день, когда их князь дал такую болезненную пощечину Московскому боярину надолго останется в их умах.

— Ты еще пожалеешь, самозванец! — Постарался восстановить свои позиции Трубецкой. — Москва — третий Рим! Все русские земли должны ей подчиняться.

— Два Рима уже пали. — Грозно выступил я вперед, исподлобья глядя на своего оппонента. — А третий уже на пороге кончины. Выбить последнюю опору и рухнет весь ваш уклад. А Новгород будет стоять, доколе стоит на ногах хоть один его житель. Так что подумай, боярин, мое предложение о работе все еще в силе. Республике нужны умные люди.

— Гусь свинье не товарищ! — Огрызнулся он, брызжа слюной и пытаюсь совладать с лошадью.

— Ну, тогда я полетел. — Ухмыльнулся я в ответ. — У вас есть час.

Я развернулся и проследовал к своим людям. Подойдя к капитану, наклонился над его ухом.

— Проводите их до ворот и выставите к чертовой матери. Если через час не уйдут — открывайте огонь на поражение.

— Так точно! — Капитан ударил кулаком в грудь, отдавая честь, и жестами указал командирам взводов подойти к нему.

Мы с почтенными Ливонскими гостями поспешили вернуться в детинец. Полагаю, войсковой смотр можно отложить на потом — и так уж очень много экшена за сегодня. А вот матч между Боркинской и Новгородской мануфактурами, билеты на который были раскуплены в считанные часы, можно и посетить.

Я старался как можно быстрее выбросить из головы сам факт существования людей, которые пришли ко мне, буквально требуя отказаться от всего того, что я имел. Внешняя моя хладнокровность контрастировала со внутренним пожаром. Мне искренне хотелось отдать приказ перестрелять всю эту напыщенную знать, покусившуюся на тот мир, который я отстроил.

Не успел я шагнуть за ворота детинца, как Иоганн, вместе с маршалом-переводчиком подскочили ко мне, едва поспевая за моим быстрым шагом.

— Что вы думать, герр князь? — Хмуро спросил Ливонский командир.

— Что я думаю? — Раздраженно повторил я. — Они, свиньи, отъевшие себе каждый пс пузу за счет крестьян, заявляют права на Новгород!

— И что вы планировать? — С интересом спросил он, испуганно глянув на меня.

— Обед у нас будет в Стокгольме, — Я не глядя поставил ногу в стремя, одним легким движением вскочив в седло. — А ужин — в Москве.

Интерлюдия. Борис.

Сын ремесленника уже давно не выходил на полноценную смену рабочего фактуры. Вместо этого Борька уделял значительную часть своего времени тренировкам. Порой под руководством самого наместника Максима, который, к его удивлению, многое понимал в игре, придуманной, по слухам, самим государем.

Такой образ жизни Борису, в общем-то, нравится. Наместник прилагает немалые усилия, чтобы команда местной мануфактуры стала сильнее: каждый день он самолично присутствует на тренировках, обучает ребят разным хитростям и приемам, разбирает с ними их ошибки. Самому Борису Максим Петрович уделяет особое внимание. Борька поначалу искренне не понимал, с чем это связано, ведь в команде их хоть и царила довольно дружелюбная атмосфера, однако позиция вратаря, на которой он уверенно закрепился, по-прежнему оставалась крайне нежелательной и играть на ней кроме Бориса никто не хотел. Всем нравилось бегать по полю, толкаться, бороться за мяч. Ну и забивать, конечно. Борька же, хоть и не мог понять, почему господин наместник так много времени уделяет именно ему, свою роль на поле полюбил и с неописуемым восторгом, подобно коту, прыгал из угла в угол, в последний момент прерывая один победоносный полет мяча за другим.

Сейчас же их команда, подобно небольшому купеческому каравану, двигалась в Новгород, где они должны были провести свой первый серьезный матч. По бортам двух широких повозок, на скамьях, скинув в середину свои вещи, ребята с довольными улыбками на лицах озирались по сторонам.

— И все же не возьму я в толк, — Беззлобно протянул возничий, легонько ударив вожжами пару резвых лошадок, прибавляя ходу. — Ну чем вам нашенское названье то не

угодило? Ногомяч! И государь наш так его обозвал по началу, да и проще в толк брать, в чем его суть.

— Да нет, Федот, ногомяч не звучит! — Сказал, как отрезал низкорослый и широкоплечий защитник, самый старший в команде, превосходящий габаритами даже очень плотного Борьку. — Вот как господин наместник говорит, вот то сразу в ум западает. Футбол! — Он мечтательно протянул новое для себя слово и мечтательно взглянул на серое, но все же довольно красивое небо. — Вон, Максим Петрович, только так его и называет. А он, бают, близкий друг княжий!

— Так то и не секрет, — Отмахнулся возникший. — Уж сколько раз видел, как они с ним все сообща да вместе делают. То думу думают, то работу работают. — Пожилой кучер усмехнулся собственному остроумию, а ребята в повозке звонко рассмеялись. Не много нужно им для веселья и еще меньше — для счастья.

У отроков, в отличие от взрослых, не было каких-то проблем с множеством новых слов, которые привнесли с собой бесчисленные изменения в привычном жизненном укладе. Чего стоит только ногомяч, который ребята все чаще называют на новый манер футболом и который в короткие сроки закрепился не только в жизни горожан, но и многих сельских жителей.

И это только футбол. А чего стоят армейские «штык», «ружье» и «дисциплина»? Понятные всем «мануфактура», «цех» и желанная «зарплата», которая до прихода новой власти мало где имела место быть даже под другим названием. Ребята с интересом знакомились с понятиями «воздушный шар», «ракета», «динамит», хотя все эти слова они слышали лишь от немногочисленных рабочих, которым посчастливилось с ними работать. Ну и конечно всем в округе уже было знакомо слово «революция». Оно настолько приелось, что называть им стали все новое, непонятное и прогрессивное, но при этом радикальное и стремительное. Помещика в дальнем селе вздернули? Это революция. Пахари урожай большой обещают? Так они ж поля свои новыми плугами по весне вспахивали. Значит, тоже революция. На фактуре мельница водяная десятипудовый молот без натуги поднимает? Так кого ж этим удивишь, они почитай что на каждом производстве стоят. Лекари больных на ноги ставят, улицы от смрада очищаются, воины, что зовутся теперь солдатами, стройными рядами идут вместе с легкими пушками под барабанный бой, в воздухе все чаще поднимаются громадные воздушные шары, в школах учат не по церковным рукописям, а по печатным букварям с красивыми картинками, а на шахтах, расчищая путь рабочим, гремит динамит. Все это для молодого поколения ребят стало зваться одним громким, кипящим кровью словом «Революция».

Глава 11. «Слабоумие или отвага?»

В торговой столице некогда единых русских земель проходил большой праздник. Гостям из ближнего зарубежья решили показать, как далеко шагнуло молодое государство не только в военной и экономической, но и культурой сфере. На торговой площади этим сырым вечером играли музыканты, в трактирах разливали пиво по большим скидкам, а всем нуждающимся, коих, по правде говоря, оказалось не так много, раздавали хлеб.

Однако Иоганна в этом дне «хлеба и зрелищ» больше впечатлило именно второе слова. Ведь зрелища местный князь, как понял Ливонский барон, любил не меньше, чем военное дело, в котором был если не мастером, то как минимум очень знающим человеком. Сразу после случившегося днем конфликта с представителями когда-то верховного Московского княжества герр Александр повел всю делегацию посольства на большой стадион. Он чем-то напомнил Иоганну Римский Колизей, только уменьшенный во много раз. И хотя в вечном городе ливонец никогда не бывал, рассказы купцов позволяли ему сопоставить общую задумку обеих построек: сосредоточить внимание зрителей по кругу на происходящем в середине.

А происходили там действительно необычные вещи. Маршал долго и усердно переводил для барона с русского языка правила необычной игры, но барон все никак не вникал. Однако когда свисток судьи прервал нудный бубнёж его переводчика, Иоганн будто бы утонул в динамике вроде бы незнакомой, но такой азартной игры. До того внешне хладнокровный Русдорф сам не понял, как за просмотром увлекательного матча стал вести себя абсолютно также, как простые рабочие на скамьях-трибунах внизу. Он не раз вскакивал со своего места, подбегал к балкону, дабы не упустить ни один игровой момент. Он словно снова стал ребёнком, забыв и о знатности своего рода и о своей важной дипломатической миссии.

Одна команда яростно давила вторую, но та всякий раз на протяжении всего матча отбивалась. Иоганн едва не срывался на восторженно-разочарованный крик, когда вратарь заведомо слабой команды, едва дотянувшись ногой до нижнего угла, выбил мяч с самой линии ворот. Раз за разом местная, Новгородская команда, поливала градом пушечных ударов ворота соперников, однако тот самый приземистый паренек отлично справлялся со своей работой. Трибуны то восторженно ревели, то ожидающе затихали. Атмосфера на этом самом «стадионе» царил такая, что неизбалованному подобными новинками средневековому вельможе хотелось остаться там навсегда.

После матча, когда кошельки Иоганна и многих его сподвижников изрядно полегчали благодаря крупным, бездумным ставкам, они вместе с энергичным князем отправились в не менее странное и необычное место под названием «аэродром». И как бы маршал не пытался узнать у этого ушедшего русского, что именно значит это, явно латинское, слово, тот своей тайны не выдавал. Зато когда они все же добрались до большого пустыря на окраине Новгорода, одни вопросы стали один за другим исчезать, освобождая место для других.

Здесь, за высоким забором, их встретила чудная конструкция из большой дощатой корзины и прикрепленной к ней тросами и верёвками груде парусины. Александр кивнул двум мужчинам в одинаковых коричневых комбинезонах и странных очках, плотно прилегавших к голове и те, словно единый механизм стали чудесным образом превращать груду парусины в стремительно растущий вверх шар. В корзине коптилась небольшая печь, соединенная дымоходом с шаром и он, наполняемый горячим воздухом за пару минут обрёл

округлую форму и вытянулся над корзиной, силясь оторвать её от земли. И только громадный якорь мешал всей конструкции взмыть в небо в мгновение ока.

— Эта вещь... — Восторженно прошептал Маршал. — Она уметь...

— Летать. — Без тени сомнения подтвердил князь. — Высоко, далеко и долго. Не желаете попробовать, господин Русдорф? Наши пилоты поднимут вас на пол версты над землёй, вы сможете осмотреть едва ли не весь город!

— О, нет, нет, что вы!.. — Иоганн даже испуганно отшагнул назад от копящего и шипящего котла, в который один из «пилотов» небольшими мехами нагнал жару, от чего тяжёлый якорь слегка приподнялся, но все же удержал шар от взлёта.

Наконец, когда все приготовления были закончены, экипаж воздушного шара закрыл откидную дверцу корзины и отвязал веревку с балластом. Шар тут же стал быстро поднимать вверх и уже через десяток ударов сердца взмыл значительно выше крепостной стены. В голове Иоганна разом промелькнуло бесчисленное множество мыслей о том, как можно применять эти самые шары в ближайшей войне.

Наконец, когда солнце стало клониться к закату, вся делегация вернулась в детинец. Но на этом насыщенный день для Ливонского посольства не закончился. Оказалось, что и вечернюю программу вездесущий князь для них продумал. Да уж, такого темпа жизни, пожалуй, даже в Риге не встретишь.

Их рассадили полукругом лицом к широкой сцене. Конечно, католическая церковь не поощряла театра и всего того, что было популярным в античности. Хотя она, по правде говоря, и всякие соревнования не признавала, но ведь этот необычный ногомяч понравился всем. «Может, христианству все же нужны реформы» — Промелькнула идея в голове молодого барона.

Когда четыре сотни зрителей все же расселись в десять рядов перед сценой, занавес распахнулся и мало что понимающим зрителям открылась необычная картина: на сцене стояли не актеры, а... Музыканты! Установка из нескольких барабанов и тарелок, две длинные лютни необычной формы и размеров, скрипка... Но не сами необычные инструменты удивили Иоганна: Ганзейские купцы, торгующие через Италию с диким Крымом и не такое рассказывали. А удивил его внешний вид музыкантов. Это были не галантные французские барды и не оборванцы-скоморохи из Пскова. Нет, они были одеты как-то по особенному. Не бедно, но и не богато. В плотных облегающих штанах с множеством карманов, в черных жилетах. А один, тот, что стоял посередине без инструментов и вовсе стоял с оголенным торсом и со странной прической.

— Кто это? — Задал, казалось бы, самый необычный, но волнующие его вопрос маршал.

— Музыканты. — Улыбнулся герр Александр. — Простые ребята, которые в ладах с музыкой и песнями. Разве только вон тот, со светлыми волосами, не из простых. Отрок бывшего князя, которого мятежники клятые закололи.

— А вон тот, герр Александр? — Спросил маршал, указывая на парня без инструментов, который, по правде говоря, и без них выглядел очень органично на фоне всей группы.

— Да так, сын мелкого гончара, что до открытия гончарной мануфактуры разве что горшки лепил. — Пожал плечами он.

— И что, они вот всё сами играют и сочиняют? — Усомнился, почесав затылок, Иоганн.

— Ну, слова я им иногда подсказываю, выписал скрипача из Польши, пару бардов из Дании, чтобы помогали с музыкой. Но в остальном, конечно, всё сами. — Александр как-то хитро улыбнулся, но у Иоганна, почему-то, его слова не вызвали подозрений.

Их разговор прервал небыстрый, но ритмичный бой барабана. Потом к нему присоединилась одна из лютен, которую здесь, вроде как, зовут «гитарой», потом другая, уже с заметно другим звуком. И вот, когда все инструменты слились в единую мелодию, а ведущую роль так неожиданно взяла на себя скрипка, тот самый парень с голым торсом откуда-то взял небольшой рупор и, на очередной барабанной сбивке, наконец подал голос:

— В тёмных сосен дальний бор,
Я, тихонько, словно вор,
Пробираюсь не спеша,
Дабы не спугнуть...
Интерлюдия. Генрих фон Майер.

Поредевшая рота продолжала держать отчаянную оборону, даже лишившись трети личного состава. Противник уже трижды прорывался через линию обороны редута и каждый раз, разменивая своих бойцов по курсу три к одному, спешно отступал. Уставшие солдаты, сидели в траншеях, когда послышался очередной сигнал трубы и все бойцы, как один, открыв сомкнутые в полудреме глаза и привстали, направили свои ружья в сторону вероятного противника и, прищулив один глаз, стали выцеливать надоедливых всадников.

Казалось, мятежникам нет конца и края. Пороха осталось уже совсем немного, буквально на пару залпов. Пушки же молчали уже давно, исчерпав свои запасы зарядов.

— Пали! — Отдал громогласную команду раненный в ногу капитан, который был вынужден отсиживаться в окопе. Восемь десятков стволов дали не очень слитный, но все же весьма ощутимый залп, от чего многие всадники замертво свалились с лошадей, порою придавленные мертвыми скакунами, а большинство выживших, спешно развернувшись, на радость своих лошадей помчались прочь. Однако около десятка самых богато одетых воинов, судя по всему дворян, лишь на мгновение замаялись, после чего продолжили свое наступление. Они вынули из ножен сабли и с громогласным кличем рванули на редут.

— Рота, слушай мою команду! — Поправив грязный, весь избитый нагрудник, начал Генрих. Он шагнул из траншеи, подавая пример солдатам. — В две линии, перед окопом, по направлению к противнику становись! — Солдаты, подхваченные волной вернувшейся после недолгого перерыва энергии стали спешно выполнять приказ и, когда до всадников, набравших скорость, осталось едва ли два десятка шагов, все восемьдесят штыков, выставленные вперед на манер пики, единой стеной преградили путь отважным всадникам. Лошади, не желающие умирать также безвестно, как их хозяева, затормозили в нескольких шагах от сплошной стены смертоносной стали. Дворяне старались вернуть животным боевой запал, однако те, еще не до конца отошедшие от звуков пальбы, наотрез отказались идти вперед.

— В штыковую атаку, вперед шагом марш! — Прозвучала, перекрикивая лошадиное ржание, новая команда. Хотя солдаты неимоверно устали, они не предали вбитые в них основы дисциплины и навыки строевого боя. Рота почти синхронно сделала длинный шаг вперед, длинными уколами поражая как всадников, так и их лошадей. Исход короткой стычки был очевиден. Лишь четверо мятежников смогли ускользнуть от штыков и отступить назад, в громадный лагерь в полукилометре от позиций редута.

Бойцы вернулись на свои позиции и, пока появилось немного времени, вновь устало облокотились на о стены окопа. Никто не желал стоять на ногах, лишней раз подставляясь под шальную стрелу мятежников.

— Ну, Всеволод, здорово ты того заколол! А ты, Степан, в следующий раз бей

уверенней, чтобы наверняка! — Фон Майер, нисколько не пригибаясь, вихрем промчался по сырым траншеям, подбадривая практически обессиленных бойцов.

— Господин командир! — Окликнул Генриха постовой, наблюдающий за лагерем противника. — Глянь-ка, вона сколько гадов собирается! Строятся, похоже, снова в атаку хотят идти.

Майер бросил быстрый взгляд в указанном направлении. Действительно, в полукилометре от них толпа, наверное, в пол тысячи человек собиралась в подобие организованного построения. В основном, конечно, все они были пехотинцами и, скорее всего, не очень хорошими, скорее даже ужасными. Однако их численность заставляла задуматься даже заряженного адреналином Генриха. Пожалуй, сейчас здесь собрались все силы мятежников, разбойников и просто противников революции во всей округе на много десятков верст.

— Командир, — Хриплым голосом обратился к Майеру капитан роты, привстав на здоровой ноге, оглядывая опытным взглядом силы ещё врага. — У ребят патронов на один-два залпа. Боюсь, не сдюжим мы такую ораву.

Генрих задумался. Он ещё раз посмотрел на приближающуюся людскую лавину, потом на своих уставших солдат с глазами, полными решимости. Оглядел усеянное телами поле боя, поправил шпагу на поясе, прошелся в глубокой задумчивости из одного конца траншеи в другой и, наконец остановившись, решительно глянул на серое небо.

— Рота, слушай мою команду! Собрать раненых и оружие, пушки к телегам. Отходим к реке. Мы не отступаем — мы атакуем в другом направлении! — Солдаты начали организованно собираться, как будто не было многочасовых боев и рукопашных схваток. Они словно зарядились энергией и желанием жить.

Покинув редут, две повозки с ранеными и зацепленными за собой орудиями вместе с колонной пехотинцев двинулись вдоль дымящихся руин непокорного острога в сторону полноводной реки. Пройти через бурный поток в брод практически невозможно, а потому пришлось положиться на один-единственный хлипкий мост, перекинутый через реку. Широкие телеги с трудом преодолели столь узкое препятствие и, переправившись на другой берег, подгоняемые кучерами рванули по дороге вдоль реки в направлении Тихвина, увозя подальше раненых и ставшие бесполезными пушки.

Однако окончательно уйти от столкновения поредевшей роте не удалось: когда последний десяток вместе с Генрихом переправлялся через мост, на позиции пустого редута ворвалось несколько десятков всадников в кольчугах и длинных кафтанах. Они растерянно переглянулись, пытаясь разобраться, куда подевались ещё недавно огрызавшаяся горстка солдат. Наконец, сообразив, в чем дело, небольшой отряд кавалерии устремился вниз с холма, стремительно сокращая расстояние. Десятки, которые первыми пересекли мост, уже выстроились в линию по обеим сторонам переправы и вскинули свои ружья, готовясь дать залп. Генрих, сидя в седле, до последнего оставался на мосту, подгоняя отстающих солдат.

Вскоре из-за холма показалась и пехота. Как и ожидалось, это были в основном оборванцы с топорами и копьями, однако их количество не оставляло сомнений в том, какая судьба ждала роту, если бы она практически без боеприпасов осталась на своих позициях. Тем временем те солдаты, у которых ещё остались патроны, дали разрозненный залп, в очередной раз собирая смертоносный урожай из лошадей и всадников, превращая плотный строй в кашу, в которой убитые перемешивались с живыми, свалившимися из сёдел в результате давки.

Поднялась пыль и, казалось, что в круговерти тел и болезненных криков захлебнется вся атака самоуверенных, живущих прошлым помещиков. Однако из бесформенной толпы, немного погодя, все же вырвались два всадника. Первым мчался среднего уровня оснащения молодой парень с копьём на перевес, в меховой шапке и красном кафтане. Следом за ним, подгоняя шпорами крупного коня, мчался тяжеловооруженный воин: бородатый, в кольчуге почти на все тело и в шлеме с наносником, в одной руке он держал большой каплевидный щит, а в другой богато украшенную саблю. Они вдвоем, единственные из всего отряда помещичьей конницы, кто может продолжать бой, сейчас мчались в сторону Генриха, стоящего на мосту и преградившего им дорогу.

Майер не сомневался ни секунды. Он, славный германский рыцарь, присягнувший на верность великому воину, полководцу и правителю попросту не мог усомниться в своём решении. Не отрывая взгляда от противника, он развернул коня лицом к врагу. Скакун, качнул головой, закованной в латы и, глубоко вздохнув, хладнокровно фыркнул, ударив по деревянному мосту подкованным копытом. Генрих достал небольшое полтораметровое копьё, прикрепленное к седлу, перехватил его хватом для удара и, легонько ударив шпорами своего коня, стал набирать скорость. Он не слышал ничего, что происходило вокруг. Ни пронзительных кличей мятежников, ни коротких команд сержантов и лейтенантов, которые в быстром темпе строили рядовых в оборону. Даже стук копыт его собственного коня для него приглушился и стал лишь монотонным сопровождением.

Мчавшийся впереди всадник оторвался достаточно далеко от второго, которого, вероятно, замедляла его экипировка. Он надеялся на проходе атаковать Майера копьём и даже уже отвел его в замахе назад. Однако Генрих, наученный десятками и сотнями тренировок с княжеской гвардией не намеревался вступать с первыми противником в ближний бой. Он одним молниеносным движением перехватил короткое копьё верхним хватом и, взяв глубокий замах, метнул его в направлении разъяренного мятежника. Непонятно почему, но глухой звук с каким сталь проникает в плоть, Генрих услышал отчетливо, несмотря на множество посторонних звуков. Всадник, скорчив удивленную и даже испуганную гримасу, буквально вылетел из седла и остался неподвижно лежать у края моста.

Второй, явно более опытный боец, не стал подгонять своего коня ещё сильнее, а напротив — замедлил ход, выходя на дощатый мост, как боксёр на ринг. Майер, не тратя ни секунды вынул из ножен шпагу и хладнокровным взглядом исподлобья стал буравить своего противника. Все в округе и в самом деле стихло. С обеих сторон люди не решались издать хоть звук. Но если от обученных тремя месяцами походов солдат этого можно было ожидать, то отребье, вставшее на другом берегу с открытыми ртами, непривычно для себя молчало и наблюдало за развернувшимся поединком.

На середине моста они встретились и, обменявшись парой ложных замахов, наконец зазвенели клинками в смертельном танце. Они закружились по кругу, обрушивая друг на друга град ударов. Сталь звенела, иногда высекала мелкие искры. Генрих, в отличие от помещика, наносил помимо рубящих ещё и колющие удары, из-за чего второму приходилось прерывать часть своих атак, с трудом отражая молниеносные уколы. Вскоре оба оппонента выдохлись и взаимно разорвали дистанцию, не спуская друг с друга пристальных взглядов и пытаясь найти слабое место в обороне.

Через несколько секунд передышки Генрих с помещиком вновь направили своих лошадей навстречу друг другу. Майер уже придумал, что будет делать: во время первой

рубки наметанный глаз заметил появившиеся рубцы на сабле врага, вероятно сделанной из не самого качественного железа. Он также отметил и весьма простую схему, по которой проводил атаки поместный воин: две легкие атаки с одной стороны и одна сильная, опасная даже для закованного в неполную броню немецкого рыцаря. Составив в голове план следующего столкновения, Генрих предусмотрительно опустил шпагу ниже обычного, как бы предлагая бородатому мятежнику первому продолжить рубку.

И план сработал. Стоило им сойтись на дистанцию удара, как соперник Майера после короткого замаха нанес первый удар. Генрих едва успел поднять шпагу, отведя смертоносную сталь в сторону. Следом последовал вполне ожидаемый второй удар, который опытный немец отразил уже без проблем. И вот, когда помещик замахнулся для тяжелого рубящего удара, Генрих, вместо того, чтобы выставить простой блок, отвел шпагу немного назад, взял размах и ударил в противоход прямо по слабому месту вражеского клинка. Тот со звоном раскололся и обломок улетел в синюю глубину реки.

Так неожиданно обезоруженный помещик растерянно осмотрелся, пытаясь сообразить, что произошло. Эта секунда промедления стала для него роковой. Майер, не тратя ни мгновения лишнего времени коротким и быстрым уколом вогнал шпагу глубоко в грудь. Старого воина. Острие клинка без особых проблем разрушило звенья кольчуги и пронзило мягкую плоть. И только сейчас Генрих понял, что перестарался. Он попытался выдернуть свое оружие из обреченного на скорую гибель тела, но то не собиралось отдавать шпагу назад. Майер чувствовал, как скребется его клинок о ребра, сковавшие тонкое лезвие.

Он уже собирался попрощаться со своей любимейшей шпагой, которую ему подарил сам государь, как вдруг казавшийся безнадежным трупом помещик схватил его мертвой хваткой за руку. Он смотрел на него ненавистным взглядом, харкал кровью и бессвязно хрипел, но руку не отпускал. Дистанция между ними сократилась ещё сильнее, а шпага по самую рукоятку вошла в тело, натянув кольчугу на спине воина.

— Ты... Умрешь... Со мной... — Прохрипел он и завалился на бок, падая с моста в бурный речной поток и утаскивая за собой Генриха. Раздался громкий всплеск и оба тела, сплетясь подобно двум змеям, скрылись под водой.

По обоим берегам солдаты ещё какое-то время смотрели друг на друга. Одни ждали атаки, а другие, по всей видимости, не решались эту самую атаку начинать. Наконец, бандиты и оборванцы, имеющие несомненный численный перевес, стали переглядываться и потеряли былой запал. Испуганно поглядывая на груды тел, человеческих и лошадиных, который распластались перед мостом, они в полной тишине стали подниматься обратно на холм и вскоре скрылись из виду роты.

— Вот так, — Тихо прохрипел капитан, снимая шлем. — Покойся с миром, командир. Не знал я воинов лучше тебя. — Рота в траурном молчании развернулась, построилась в походную колонну и под тихий барабанный бой двинулась по вечерней дороге к Тихвину.

Глава 12. «Радикальные меры»

1 сентября 1506 года. Новгород.

На шумном Новгородском рынке, живущем в своем привычном, невероятно быстром темпе, как всегда бурлила торговая жизнь. На крышах домов солому меняли на новенькую черепицу, повозки, образуя небольшие заторы, спешили разгрузиться в порту и у крупных торговых точек, а городовые с яркими повязками пристально наблюдали за сохранением общественного порядка. Шум галдящей базарной толпы прервало одно только появление группы всадников в черных мундирах.

— Гвардия... Гвардейцы... Князьки ближние... — Загомонила толпа, сосредоточив свои взгляды на молодых ребятах, на которых, во многом, опирается власть и которые зачастую действуют от лица правительства.

Слух о «чёрных мундирах», подобно вирусу, очень быстро разошёлся по толпе. Тем временем гвардейцы выехали на середину улицы и один из них, спешившись, встал на деревянный помост, возвысившись над всеми людьми.

— Слушай, народ честной! — Громогласно начал он. — Князьким указом, от сего дня год новый отчислять не с первого осеннего дня, а с первого января! А летоисчисление всем велено вести не от сотворения мира, а от Рождества Христова! А по сему, — Гвардеец оглядел взволнованную, но заинтересованную толпу зевак. — Заключаю для вас, народ Новгородский, что сегодня первое сентября одна тысяча пятьсот шестого года, а новый, одна тысяча пятьсот седьмой наступит первого января. В этот день князь наш устроит для всего честного люда праздник, большую ярмарку и многое другое!

Люди зароптали, стали что-то бурно обсуждать, кто-то даже стал громко спорить между собой. Однако гвардейцы свою работу сделали. Они, как и многие другие такие же вестовые отряды, известили народ об очередном княжеском указе и сейчас собирались ехать на другое место, дабы проинформировать людей уже там. Но тут с крепостной стены послышался одиночный пушечный выстрел. Народ поначалу вздрогнул, однако панике не поддался. Раздался ещё один далёкий выстрел. Все понимали, что это означает. В город возвращался батальон, в начале месяца отправившийся в очередной поход. Каждый выстрел извещал город о гибели простого солдата в борьбе с мятежниками, разбойниками и прочими врагами государства и честного народа.

Гвардейцы сняли шлемы, а мужчины на площади стянули с себя свои шапки. Все вслушивались в далёкие пушечные аккорды и считали. Четырнадцать одиночных выстрелов прозвучало за пол минуты. Далее начались сдвоенные залпы, которыми поминали сложивших голову сержантов. Число погибших увеличилось до семнадцати. Далее последовал громогласный залп трёх орудий, известивший всех о смерти офицера, скорее всего лейтенанта. Народ всё больше грустнел. Люди вспоминали недавно ушедший батальон, который должен был очистить от разного сброда окрестности покорившегося Тихвина.

И вот, когда, казалось бы, траурная церемония окончена, со всех сторон кольца крепостной стены десятки новеньких, недавно установленных к бойницам пушек изверглись десятками холостых залпов. Громогласный рёв скорби и памяти сообщил затихшему на мгновение городу об уходе какого-то очень важного для страны человека.

Интерлюдия. Александр. Окрестности Новгорода.

Я вострепнулся, услышав вдалеке раскатистый гром пушечных выстрелов.

Облокотившись о ствол могучей сосны, я присел на землю. Меланхолия и сонливость, окутавшие меня и не отпускавшие моё сознание на протяжении, наверняка, очень долгого времени, разом испарились, сменившись порывом тревоги.

— Ну вот, — сказал я самому себе, — И до Новгорода весть дошла.

Мне сообщили о потерях экспедиционного корпуса ещё вчера, за сутки до того, как он прибыл в город. Как сейчас помню: вчитываюсь в список потерь, переданных необычно напряжённым гонцом и постепенно прихожу в траурное состояние. Впрочем, оно одолевало меня всякий раз, когда мне сообщали о боевых потерях моей маленькой, но пока что очень эффективной армии. Однако в тот день всё было не как всегда. Мой взгляд скользнул на последнюю, выведенную с особой аккуратностью строку списка и я замер в немом изумлении. В ушах зазвенело, а разум помутнел. Генрих остался там. Я не стал выяснять обстоятельства его гибели, меня это волновало не так сильно. В тот момент, как и сейчас, в моей голове поселилась одна гнетущая мысль. Я просто не верил в то, что потерял его. Первого своего сподвижника, своего друга...

Сразу после получения донесения от гонца, я собрался и, никому ничего не говоря, выехал из города. Без охраны, с одним только ружьём и парой патронов, без сменных лошадей. Мне не хотелось видеть никого, ни с кем не хотелось говорить. Весь оставшийся день я просто блуждал по хвойному лесу, избегая дорог и деревень. Местность мне хорошо знакома, так что заблудиться я не боялся. Я вообще ничего не опасался тогда и не чувствую страха сейчас. Внутри будто бы пустота, которую не в силах заполнить даже набирающий силу инстинкт самосохранения.

Вдруг в кустах позади меня послышался странный шум. Треск веток, шорох опавшей хвои, тихое пыхтение — всё слилось в едином звуке. Как будто какой-то зверь пробирался сквозь непролазные дебри. Я скинул с плеча ружьё, не глядя взвёл курок и прижал приклад к плечу. Указательный палец лёг на спусковой крючок, а левая кисть напряжённо сжала цевьё. Я медленно вдохнул, фокусируясь на мушке, и уже готовился выстрелить на выдохе, как вдруг ветви бурелома раздвинулись и в нескольких шагах от меня упал на колени человек в светлой, но грязной рубахе. Я поднял голову от приклада и, взглядевшись в бледное лицо человека, сам чуть было не рухнул на колени.

— Твою ж мать... — Прошептал я. Руки перестали слушаться и ружьё беспомощно упало на землю, глухо ударившись прикладом о желтоватую хвою.

Интерлюдия. 1 октября 1506 года.

На большой, недавно отстроенной на пустой опушке в хвойно-лиственной чаще, пильной мельнице работа кипела даже в такой пасмурный день. Тучи изредка выжимали на землю порции дождя, иногда прерываясь, чтобы показать тусклое осеннее солнце. Удачно протекающая прямо посередине река приводила в движение три больших пилы и те в быстром темпе распиливали массивные брёвна на аккуратные доски. Два десятка рабочих выполняли работу, которую ещё год назад едва ли могла осилить целая сотня человек. Всё потому, что раньше доски нужно было выстругивать топорами. Они получались не всегда качественными, а из одного бревна едва ли получалось выжать две драгоценные доски. Сейчас же скорость и качество работы выросли в разы и цена на такой полезный стройматериал заметно снизилась. Впрочем, из-за многочисленных строек вырос и спрос, стимулирующий производство пиломатериалов и делаая их всё более доступными.

Рабочие были так заняты своим привычным делом, что даже не заметили, как по дороге из леса к ним приблизилась тройка всадников. Двое из них, одетые во всем известные

чёрные мундиры, внушали простым рабочим не то страх, не то уважение. Третий же, ехавший посередине, своим видом не сильно отличался от простого гражданина: в красной рубаше с широким воротником, в широких коричневых штанах с кожаным ремнём и в высоких чёрных сапогах. И лишь небольшой медный значок на груди мужчины заставлял и без того напряжённым видом гвардейцев пыльщиков затаить дыхание и отвести взгляд.

— Это что ж? — Шёпотом проговорил молодой паренёк. — Никак княжий приказчик?

— Комиссарами их сейчас кличут. — Ответил также тихо ему другой. — Только чего ж они у нас забыли?

— А чего ж гадать? За нашим наместником явился, не иначе.

Тем временем трое гостей спешили и, осмотревшись, двинулись в сторону одинокой кибитки, где почти весь день заседал единственный обученный грамоте человек, который вёл учёт полученному и отправленному товару. Гвардейцы как-бы невзначай скинули с плеч ружья, взяв их в руки. Комиссар оглядел непривычно аккуратный домик снаружи. В кибитке три на три едва могла поместиться чугунная печка, кровать и стол со стулом. Однако носитель медного значка в форме пятиконечной звезды всё же постучал в дверь. Послышалось негромкое ворчание, пара глухих шагов и дверь со скрипом открылась. Невысокий мужичок с короткой бородкой, едва ли не попадающей под налог, поднял вопросительный взгляд на комиссара. Заметив значок на груди, наместник непроизвольно вздрогнул и вытянулся в струнку.

— Здравия желаю, господин комиссар! — Рывкнул дрожащим голосом он. — Какими судьбами к нам?

— Здравствуйте, господин наместник. — Холодным басом пророкотал в ответ служитель закона. — А вот ответьте мне, пожалуйста, как так получилось, что на прошлой неделе вам лесорубы сплавили по реке две сотни брёвен, а отчитались вы всего о четырёх сотнях досок? — Повисла гробовая тишина. По лбу наместника скатилась капелька пота, которую он тут же вытер белым платком.

— Так не успели ещё перепилить всё. — Спешно оправдался он.

— Странно. — Протянул комиссар, не глядя залезая в свою полевую сумку, висящую на плече. — А по бумагам вы весь материал освоили. Ла ещё и по всем нормам: «По четыре доски с бревна». Вот только вопрос остаётся: куда делись две сотни досок?

— Так ведь... Я... Мы... — Разволновавшись, залепетал в ответ хозяин мельничной пильни.

— Вы обвиняетесь в краже государева имущества в вельми крупном размере, а также в противоборстве праведной революции. — Услышав второе обвинение, наместник округлил глаза. Отолично понимал, что с недавних пор грозит за противоборство этой самой революции.

— А второе то каким боком? — Уже совсем сирым голосом спросил он, когда гвардейцы брали его под руки.

— Доски с вашей пильни шли на пристройку к печатной фактуре. А там, по новому князьему указу, половину станков печатных на перевели на плакаты да листовки. — Комиссар буднично достал из своей сумки лист бумаги, на котором яркой краской была выведена надпись: «Мы славно поработали...» — И печатный рисунок, изображающий работу пильщика. «...и славно отдохнём!» — И такой же рисунок, но уже изображающий безликого рабочего сидящим за кружкой пива. Цвета на плакате хоть и не пестрили яркими тонами и контрастом, однако были подобраны весьма удачно.

Тем временем вяло сопротивлявшегося наместника, уже фактически потерявшего свой статус, отвели подальше и резко бросили вперёд. Тот безвольно упал на колени, не смея поднять головы.

— От имени княжеской власти, — Начал речитативом проговаривать комиссар. — И от всего честного, свободного народа новгородской земли. — Он вынул из-за пояса новенький пистоль, недавно поступивший на вооружение. — Я, княжий революционный комиссар, — Курок, взведённый почти бесшумно, установил тишину в округе. — Приговариваю этого преступника, — Эхо разлетелось по опушке, а ствол пистолета беспощадно указал на голову склонившегося в поклоне мужчины. — К расстрелу на месте, без суда и разбирательств. — Короткое движение указательного пальца запустило механизм от спускового крючка до курка и тот, ударив кремнем по железу, высек искру, моментально разряжая оружие в цель. Короткие хлопок выстрела распугал птиц в округе и те поспешили покинуть насиженные места.

Интерлюдия. Безымянная деревня на окраине Новгородской земли.

Повседневная тишина сельской глуши в мгновение ока сменилась суетой, вызванной внезапно появившейся крытой повозкой, которую вели аж три крупные лошади. Она ворвалась на сельскую дорогу из густого ельника, остановилась у барского дома, в котором совсем недавно поселился со своей семьёй назначенный князем наместник. Возничий пугал местных жителей не меньше странной, с высокими деревянными бортами и кормой, повозки. Весь облаченный в чёрное, в шлеме с застегнутом на подбородке ремешком, в странной маске на лице и с необычным, с массивными керамическими вставками, одеянием, идущем, подобно кафтану, чуть ли не до колен. Он положил поводья, привстал и три раза постучал по крыше повозки. Ещё мгновение ничего не происходило. Как вдруг корма чудотелеги с шумом распахнулась, подобно аппарели десантного катера и из неё высыпался десяток, один в один похожий на возничего. Тот оперативно присоединился к десятку, подхватив лежащее до того у него в ногах ружьё.

— Штурмовая группа, рассредоточиться, подготовиться к штурму! — Раздалась команда и солдаты, практически не ощущая веса своей тёмной брони из керамических плиток, стали выгружать из повозки разнообразный инвентарь. Они доставали из ящиков небольшие шары с фитилями, вдвоём подносили к калитке самодельный таран — железную трубу с ручками по бокам для четырех рук, ставили к забору небольшие лестницы. Не все они были вооружены ружьями: кто-то готовился к штурму с короткой шпагой и небольшим круглым щитком на предплечье, кто-то с кремневым пистолетом, а кто-то с большим прямоугольным щитом, а котором были проделаны небольшие отверстия для обзора.

Но всех их объединяло одно — слаженность действий. Небольшая группа работала как единый механизм и уже через минуту все находились на своих позициях. Открытым участком на их лицах были лишь глаза, смотрящие сквозь чёрные маски, особенно уплотнённые в районе рта и носа.

— Штурм! — Звучит долгожданная команда. По лестницам четверо бойцов легко пересекают высокий забор и тут же, выбивая деревянные оконные ставни, посылают внутрь те самые шары, не поджигая, а вырывая резким движением фитили. Гранаты не взрывались, но лёгким шипением постепенно наполняли помещение опасным удушающим газом. Тем временем таран в два удара выбил хлипкую калитку, а потом и дверь в дом. В здание полетело ещё несколько шипящих шаров, заполняющих его бесцветным туманом.

— Всем лежать, работает гвардия! — Раздался командирский голос и десяток начал

штурм поместья.

Интерлюдия. Александр. Новгород.

Дверь в мой кабинет бесшумно распахнулась и через порог, уставившись в небольшую стопку бумаг, не глядя перешагнул Максим.

— Нет, ну это ни в какие ворота! — Раздражённо пробубнил он.

— Что там ещё? — Безучастно пробубнил я, глядя в окно.

— Горожане протестуют, южные княжества ненавидят нас. Священники? Чем мы насолили священникам? — Макс перебирал листы, вчитываясь в послания и челобитные. — Магистр Ливонского ордена! Стоп... Это письмо хвалебное. — Искренне удивился он.

— Ну вот, не всё же так плохо. — Заявил я, не отрывая взгляда от окна.

— А мне кажется, пора заканчивать игру в усатого диктатора.

— В какого из? — Попытался я отшутиться.

— Да ты в обоих сразу играешь! — Воскликнул он в ответ. — За месяц расстреляли людей больше, чем за пол года до этого! Люди боятся что-то сказать. Я единственный, кто до тебя их возмущения доносит.

— Берия, получается? — Усмехнулся я. — Или всё-таки Геринг?

— Почему ты не собрал совет перед тем, как проводить все эти операции? — Игнорируя мою шутку спросил Максим. — Ты же вроде не хотел окунаться в абсолютизм? А сейчас режешь мелких коррупционеров как скот!

— Они того заслуживают! — Рывкнул я. Повисла звенящая тишина. Макс не отступил и даже не потупил взгляд, как сделал бы любой другой человек в такой ситуации. Он продолжал смотреть мне в глаза, требуя объяснений. — Пока мы ссылали таких вот, самых хитрых, на рудники, они совсем страх потеряли. Помахать пару лет киркой для них не слишком-то большое наказание. — Я встал и прошёлся из одного угла кабинета в другой. — А вот смерти боятся все. — Я снова взглянул на, казалось бы, не моргавшего Максима. — Ну, или почти все. Во всяком случае нельзя обустроить прекрасный сад, предварительно не выдернув все сорняки с корнем.

— Но почему ты не поднял этот вопрос на совете? Ты ведь просто отдал гвардии приказ зачистить к чертовой матери всех неугодных!

— Потому что посчитал это необходимым. — Строго процедил я сквозь зубы. Максим лишь покачал головой и, шумно выдохнув, положил мне на стол кипу бумаг с челобитными, после чего, хлопнув дверью, удалился.

— Наш друг сильно взволнован, — Заметил холодным голосом Генрих за моей спиной. Всё в той же светлой рубахе он стал для меня незаменимым спутником, который и предложил мне действовать радикальнее.

— Мне кажется, он понял необходимость всех этих чисток. — Я расслабленно откинулся в кресле, вытянув ноги.

— Это нужно стране, Саша, — Генрих положил руку мне на плечо. Я вдруг ощутил странный, почти незаметный гул в голове. Я не слышал его ушами, но чувствовал то ли мозгом, то ли черепной коробкой. — Ты должен выжечь все сорняки под корень, чтобы Новгород расцвёл!

— Срежем под корень, Генрих. — Прошептал я. — Всех воров, консерваторов и предателей.

Глава 13 «Похищение»

6 февраля 1507 года. Новгород.

Снежные хлопья медленно падали на булыжную мостовую ночного города. Улицы преображенного Новгорода освещали десятки спиртовых ламп на невысоких столбах и выглядывающая из-за туч луна. Её свет как бы отражался от шлифованного булыжника, которым была выстлана мостовая, от коричневой черепицы крыш и, конечно, от лежащих по обочинам сугробов. Поздним зимним вечером улочки города привычным образом быстро пустели. Один за другим стали показываться патрули, состоящие из двух вооружённых гвардейцев с переносными фонарями.

В один из таких патрулей заступил и Мирослав — новоиспечённый гвардеец, прошедший три месяца усиленной подготовки курсанта и получивший долгожданное звание гвардии-рядового. Бывший крестьянин, учившийся грамоте у сельского священника, Мирослав не без труда прошёл вступительные испытания, состоящие не столько из физической, сколько из умственной подготовки и наконец исполнил свою мечту. Он стал кем-то больше, чем обычным пахарем. Он поступил на престижную государеву службу.

И вот сейчас, этим приятным зимним вечером, он впервые заступил в настоящий ночной дозор. Его напарник, служащий в княжеской гвардии вот уже пол года, вальяжно расселся на лавочке со спинкой, поставив рядом с собой своё ружьё и спиртовую лампу. Он выудил откуда-то из под мундира железную флягу и, откупорив пробку на верёвочке, сделал несколько небольших глотков. Мирослав всё это время стоял рядом, оглядывался по сторонам и не поддавался расслабленности своего напарника.

— Да ладно, чё ты, — Подал голос малость захмелевший гвардеец. — Всё равно ещё целую ночь стоять. Хлебни, замёрзнешь! — Он, улыбаясь, протянул свою флягу.

— Нет, спасибо. — Коротко буркнул в ответ Мирослав, не оборачиваясь к своему собеседнику. Он всё вглядывался в даль ночной улицы, которая хоть и освещалась тусклым светом спиртовых ламп, всё равно оставалась весьма тёмной. Тишина пустынного в комендантский час города прерывалась разве что тихим сопением подвыпившего напарника.

Вдруг из-за поворота показался громадный силуэт квадратной повозки, почти бесшумно мчащейся по ночной мостовой. Мирослав быстро скинул с плеча ружьё и уже приготовился взвести курок, как вдруг на плечо ему упала тяжёлая рука сослуживца в чёрной, как и вся гвардейская форма, перчатке.

— Не суетись, братка, — Уже совсем трезвым голосом проговорил он. — Свои это. Опять видать кто-то заговор чинить вздумал.

Молодой гвардеец застыл на месте, наблюдая за происходящим. Монструозная повозка проехала рядом с очередным фонарным столбом и на ней Мирослав и вправду узнал гвардейские знаки различия. Не доехав до их поста менее полусотни метров, повозка резко затормозила, свернув на обочину, и из откидного кузова посыпались чёрные силуэты.

— О, смотри, как повезло! — Негромко воскликнул напарник. — Щас поглядим, как штурмовики работают!

— Штурмовики? — Смутился Мирослав. Он никогда не слышал этого слова, да и на солдатах, что оперативно выгрузились из повозки, явно узнавалась гвардейская форма.

— Они самые, — С придыханием проговорил он. — Особая гвардейская часть. Берут туда только самых крепких из гвардии и иногда из полка. Ловят они самых опасных врагов,

всех татей да воров в страхе держат! Говорят, нагрудники у них из глины особой, которая вроде как и весит мало, но и защищает добро.

— Как это, из глины?

— Ну, из обожжённой, само собой. — С видом знатока произнёс бывалый гвардеец. — Бают, будто тонких пластин глины той в их нагрудниках по несколько штук, и ежели саблей рубануть, али даже шпагой ткнуть, так они весь удар и примут. А иногда, мне говорили, даже пулю ружейную могут остановить!

— Да ну, сказки это всё. — Отмахнулся Мирослав.

А тем временем штурмовики уже приставили к забору две лестницы и ловко стали пересекать столь незначительную для них преграду. Послышался звук выбитых оконных рам, с грохотом упала выбитая дверь, а после и громкие крики окончательно оборвали ночную тишину. Мирослав поёжился.

— Богатая улица. — Оглядевшись, произнёс опытный гвардеец. — Здесь такое едва ли каждую ночь. А вот у фактурных рабочих тишина всегда. Почему?

— Почему? — Безучастно спросил Мирослав.

— А потому что разве ж простой рабочий станет что-то супротив власти княжеской чинить? Это вон, разжиревшим купцам не сидится! — Все звуки со стороны участка вдруг разом стихли, а из отворившейся изнутри калитки двое штурмовиков выволокли не подающее признаков жизни тело и затащили его в повозку. — Мирослав вновь непроизвольно вздрогнул. Нет, за время трёх месяцев гвардейской подготовки ему доводилось видеть смерть, однако за таким вот молниеносным штурмом и устранением неугодного он наблюдал впервые.

— Не дрейфь, салага! — Ударил его по плечу напарник. — Что ж поделаешь, раз такой неподатливый народ у нас живёт? Что государь наш не сделает, так всё им не по нраву. Всё козни строят супротив княжьей власти!

— Ну раньше ведь таких вот ссылали на рудники.

— И сейчас ссылают, просто меньше. Ведь на рудниках их тоже охранять надо. А то вот так соберёшь пару сотен на одной шахте, так они и взбунтуются по новой. А так их смертным воздухом потравят, да и упокой Господь их душу! — Гвардеец глухо рассмеялся, закидывая на плечо своё ружьё. — Ну ладно, пошли в обход. А то народ сейчас опять всполошится, из домов начнёт выглядывать.

— А что за воздух такой смертный? — Догоняя напарника, спросил Мирослав.

— А вам ещё не говорили? — Удивился он. — Тьфу ты, молодёжь! Ну, значит, слушай. Там ничего мудрёного и нет. Просто шар такой вот чугунный, внутри полый. Там в одной половине соль простая, а в другой особливая «кислота». А меж ними, значит, перегородка на верёвочке. И за ту верёвочку когда дёрнешь, так всё внутри перемешается и наружу незримый газ повалит. И ежели его вдохнёшь пару раз, то можно и того. — Размеренно шагающий по мостовой гвардеец картинно закатил глаза. — От того штурмовики и в масках особых работают. Там у них, бают, уголь мелкий насыпан. Дескать он вельми помогает от смертного воздуха.

Они шли по припорошенной снегом улице, вяло оглядываясь по сторонам. Появление на улице в комендантский без соответствующих бумаг — серьёзное преступление, и едва ли кто-то посмеет пойти на такой риск. Однако стоило им пройти из одного конца улицы в другой, как вдалеке показалась одинокая фигура всадника. Мирослав вновь спешно скинул с плеча ружьё. Его напарник по началу задумался, но после всё же решил соблюсти устав и

нехотя взял оружие в руки.

— Стой! Кто идёт? — Выкрикнул в темноту гвардеец, демонстративно взводя курок. Всадник притормозил неудачно, меж двух фонарных столбов. Его одежды или, тем более, лица различить было практически невозможно. Однако силуэт невысоко поднял руки, не желая оказывать сопротивления.

— Хвалю за бдительность, бойцы. — Мерным голосом проговорил неизвестный.

— А ну-ка, — Засуетился напарник Мирослава. — Подь сюды, на свет! — Всадник негромко ухмыльнулся, но указания выполнил, направив своего коня поближе к спиртовому фонарю.

Увидев на неизвестном чёрный мундир, патрульные слегка расслабились и опустили ружья.

— Эка мы тебя не признали, братка. — Удивился вечно непринуждённый гвардеец, закидывая за спину ружьё. Казалось бы, перед ними сидит в седле простой паренёк из гвардейского корпуса. Однако Мирослав всё же решил взглянуть в одежду неизвестного и сделал это, как оказалось, не зря. Заметив сначала погоны, в гвардии положенные только офицерам, парень непроизвольно выпрямил спину и приподнял подбородок. Однако стоило всаднику немного наклониться вперёд, покачнувшись в седле и дав возможность патрульным разглядеть знаки различия, Мирослав едва ли не упал перед ним без сознания. На широких погонах красовались, поблёскивая золотым цветом, три звёздочки.

— З-здравия желаю г-господин гвардии-полковник! — Мирослав стал непроизвольно заикаться. И не удивительно — прямо перед ним стоял первый человек во всём гвардейском корпусе! Рядовой тут же восстановил в голове обрывочные воспоминания о пути первого гвардейца. О том, как нынешний князь, будучи ещё безвестным, выкупил его у торговца невольниками с южных рубежей. Через мгновение, опомнившись, Мирослав всё же отдал честь ударом в грудь и обомлевший напарник.

— Вольно, бойцы! — Пророкотал он. — Доложите, как обстановка?

— Всё спокойно, господин полковник! — Коротко рявкнул сослуживец Мирослава.

— Отлично! Благодарствую за службу!

— Служим Отечеству! — Рявкнули оба рядовых, едва не вылетая из своих сапог от старательности.

Ещё несколько минут после того, как гвардии-полковник поспешил дальше по своим делам, бойцы не проронили не слова. Каждый был погружён в свои мысли.

— Это что же, — Наконец подал голос бывалый гвардеец. — Сам... — Он на мгновение затих, страшась продолжить фразу.

— Сам Иван Гвардейский. — Сухо буркнул Мирослав.

— Говорящий род. — Задумчиво протянул уже не такой весёлый напарник.

Интерлюдия. Александр.

Разросшийся за год до полусотни человек совет круглого стола этой ночью гудел. Все стремились высказать собственное мнение, продвинуть свою позицию или поспорить с оппонентом. Собрание напоминало скорее прогнивший парламент, нежели чем эффективный орган власти.

В общем и целом, собравшийся совет разделился на два примерно равных по численности лагеря. Одни высказывали поддержку нашей с Генрихом «новой» политике, основанной на жестком выжигании всех вредных для государства преступников и предателей, а другие, слабые и сердобольные, хотели демократии и более мягких мер.

Бесхребетные слабаки! Не понимают важности радикальных действий в условиях гражданской войны, не осознают, что их пацифизм может быть губителен для государства! Отвлёкшись от бесконечного спора, я глянул в небольшое окно дальней стены. За новомодными стёклами сверкнула едва заметная молния. Молния? В феврале? В другой раз я не обратил бы на это внимания, однако сейчас совет попросту прерывал все мои мысли монотонным гудением десятков голосов.

— Как снег сойдёт, соберём ещё пять полков и истребим всех на севере, кто не желает покориться! — Воскликнул один из моих сторонников. — Твоя новая армия, князь, помещному дворянству шансов не оставит.

— Нельзя людьми разбрасываться! — Перекричал его Максим, ставший неформальным главой оппозиции. — По весне шведы на нас попрут, а ливонцы в одиночку не выстоят. Все полки нужно по весне муштровать, а после направить к Неве, чтобы от северян отбиться. А мятежники и так уже ослабли и залегли на дно.

— Так ослабли, что я едва спасся. — Шепнул мне на ухо стоящий позади Генрих. Я обернулся к нему и понимающе кивнул старому другу.

— Хей! — Окликнул меня Максим, сидящий рядом. Он также посмотрел в сторону Генриха, но почему-то с недоумением. После перевёл недоумённый взгляд на меня. — Да что с тобой такое?

— А что по этому поводу думает гвардия? — Раздался очередной вопрос, оборвавший повисшую тишину.

— А гвардия, — Приятным голосом огласил зал собрания задержавшийся Иван, командир всего гвардейского корпуса. — Верна князю и полностью одобряет все его действия! — Мой старый сподвижник, недавно повесивший на погоны по три звезды гвардии-полковника, как и ожидалось, поддержал меня. Дверь за ним как-то непривычно долго закрывалась, как будто ветер решил придержать массивную дверь, однако я не обратил на это особого внимания.

Интерлюдия.???...???

Короткая вспышка за углом и, опираясь о заснеженную землю одной рукой, стоя на одном колене, в тёмном переулке как из ниоткуда появилась женская фигура в длинном темном плаще с капюшоном.

— Анализ обстановки. — Прозвучал в голове агента приятный роботизированный голос. — Реальность Б-двадцать четыре, год тысяча пятьсот седьмой от рождения основного божества. Расстояние до цели: двадцать один метр.

— Построить маршрут до цели. — Отдала команду агент, прижимаясь к стене и скрываясь в тени.

— Маршрут построен, вывожу проекцию на встроенный визор. — Зрачок левого глаза едва заметно изменил оттенок и перед глазами агента предстал подробный маршрут следования до цели, план здания, его разнообразные проекции и, конечно, анализ активности.

— Внимание! В связи с повышенной активностью местных в зоне проведения операции рекомендуется отложить её на неопределённый срок. — Компьютерный голос звучал уже в несколько ином, предостерегающем тоне.

— Никак нет. — Коротко буркнула агент, анализируя подходы к цели. — Мы не можем больше ждать, ставки слишком высоки.

— Будьте осторожнее, агент Ж. Д. — Раздался в голове томный мужской бас

сообщения, пришедшего на визор. — Вы самый опытный наш агент в этой эпохе.

— Русские — не англичане. — Улыбнувшись, проговорила она.

Короткое движение рукой у виска и плащ окутывается прозрачным шлейфом, практически полностью скрывая силуэт от посторонних глаз. Скрываясь за пропускающим весь входящий свет плащом, агент прошмыгнула в большое здание с черепичной крышей, удачно придержав закрывающуюся за широкоплечим солдатом дверь и, следуя инструкциям визора, быстро нашла нужную комнату. В нос ударил знакомый запах свежей древесины, воска, лёгкой копоти и ещё огромное множество самых разных ароматов.

В большом зале, при слабом освещении, за круглым столом расселось несколько десятков человек, которые активно что-то обсуждали. Помимо них в зале находилось около десятка вооружённых людей, которые обступили цель агента со всех сторон. Места для манёвра, необходимого для скрытного приближения к цели, оказалось катастрофически мало.

— Внимание, агент! — Вновь раздался в голове предупреждающий голос. — Спешу напомнить, что отражающий материал плаща может потерять свои свойства при малейшем контакте с окружением.

— В курсе. — Скрипя зубами, проговорила девушка, осторожно огибая одетых в широкие сюртуки и мундиры людей. — Активировать нейрализатор. Приготовиться к временному прыжку в независимую реальность.

Когда до цели, находящейся в другом конце зала, оставалось не более пяти метров, один из аборигенов, сорвавшись на крик, встал из-за стола, активно жестикулируя. Его стул, с грохотом упавший назад, едва не задел девушку, пробирающуюся вдоль круглого стола. Абсолютные рефлексy агента не подвели — она отскочила в сторону, уходя из под удара, которые легко мог её рассекретить. Однако один из солдат, резко повернувшись в сторону агента, всё же задел её плечом. Он стал с недоумением смотреть по сторонам, силясь понять, что именно его коснулось. Тем временем плащ на девушке, в очередной раз отскочившей в сторону, стал медленно, но верно терять поглощающие свет свойства, которые позволяли ей оставаться невидимой обычному человеческому глазу.

— Внимание, агент! — Залепетал визор. — Режим маскировки сорван! Повышенная угроза! Рекомендуется прервать операцию.

Однако она не слушала надоедливый голос. Цель была так близка и прерывать операцию сейчас она и не думала. Быстро растолкав немногочисленных людей, которые ещё не обратили на неё особого внимания, она прошмыгнула поближе к цели. Молодой коренастый мужчина лет двадцати с гладко выбритым лицом, сидящий в слегка возвышающемся над всеми кресле. Он будто бы что-то почувствовал и резко повернул голову к стремительной, словно фурия, девушке.

— Государь в опасности! — Воскликнул один из солдат в чёрном мундире. Все тут же устремили взоры на агента. В правую руку лёг, как влитой, нейрализатор, а левая потянулась к тому самому необычному мужчине. Её попытались схватить, оттащить от подальше, но было уже поздно: уйдя из под очередного удара, девушка всё же прикоснулась к цели, запустив процесс перемещения. Рука с нейрализатором тут же взлетела вверх и короткая вспышка, ударив в глаза всем наблюдателям, очистила их последние воспоминания. Через мгновение девушка провела двумя пальцами у виска и также растворилась в мимолётной вспышке пространственно-временного разрыва.

Глава 14. «Возвращение»

Ощущение невероятно быстрого падения в никуда, которое длилось едва ли меньше целой вечности, вдруг внезапно оборвалось. Ему на смену пришла некая невесомость и лёгкость, причём не только физическая, но и душевная. Сознание будто бы расслоилось и выпустило из себя тучу ненужных и очень тяжёлых мыслей. На мгновение мне даже показалось, что я вовсе не ощущаю своего тела.

Очень странно, но даже, казалось бы, такая важная вещь, как место моего нахождения и моё состояние, меня абсолютно не беспокоило. Не волновало меня сейчас и огромное множество проблем, оставшихся где-то позади: трудности молодого государства, тормозящая с каждым днём всё сильнее экономика, малочисленная армия в условиях военного времени и тяжелейший кризис бюрократического аппарата. Нет, сейчас мне всё это абсолютно не важно.

Мне хотелось растянуть состояние полного умиротворения на как можно более длительный срок, однако, по всей видимости, хорошего всегда должно быть понемножку. Хотя глаза мои совершенно точно были закрыты, а веки казались мне неподъёмными, я всё же заметил моментальную вспышку прямо перед носом, которая в мгновение ока вернула мне контроль над телом и разумом. Хотя, как выяснилось позже, только над разумом. Потому как стоило нервным окончаниям тела снова прийти в рабочее состояние, как я ощутил, что скован по рукам и ногам. Не было ни давящей боли верёвки, ни холода наручников или кандалов. Присутствовало лишь некое ощущение беспомощности, а также странная неподвижность суставов. Я легко сокращал мышцы, однако встать с места или хоть как-то значительно пошевелиться возможности не представлялось.

Сделав долгожданный глубокий вдох, я открыл глаза. Абсолютно пустая комната с серыми стенами и слабым освещением, исходящим непонятно откуда, предстала передо мной. Сам я, как оказалось, сидел в широком кресле с подлокотниками, однако, несмотря на отсутствие каких либо ограничителей, двигаться не мог. Мой взгляд скользнул вправо. Там, в таком же кресле, неподвижно сидел Генрих в своём привычном скромном одеянии. Странно, для чего это похитителям забирать со мной ещё и Майера?

— Приветствую, Александр. — Раздался из ниоткуда голос. Громкий и вездесущий, он наполнил комнату и даже помутнил на мгновение моё сознание.

— Кто вы такие? — Сквозь зубы выкрикнул я. — Москва? Швеция? Помещики? Чего вы от нас хотите?

— Интересно. — Буднично протянул голос. — От кого это, от «нас»?

— Раз похитили, значит должны знать! — Оскалился я. — Генрих, ты в порядке? — Обратился я к другу.

— Ах, вон оно что... — С усмешкой проговорил неизвестный. — Один момент. — Раздалось несколько глухих щелчков и комната наполнилась громким, режущим слух писком. Я сжался от пульсирующей боли. Звук не прекращался. Я вновь глянул на Генриха, но что-то в нём показалось мне странным. Он словно расплывался в моих глазах. Звук усилился и вот уже силуэт стал отчётливо мерцать, будто голограмма из фантастических фильмов.

Внезапно писк оборвался также быстро, как начался. На том месте, где ещё мгновение назад сидел Майер, теперь не осталось ни его, ни даже кресла.

— Что за чертовщина?! — Воскликнул я. — Что вы сделали с Майером?

— Генрих фон Майер уже пол года как мёртв! Он погиб у Тихвина, во время отступления.

— Нет! — Уверенно выкрикнул я. — Он выжил!

— Ты читал рапорт, говорил с командирами поисковых отрядов.

— Тело не нашли!

— Что ж, — Внезапно успокоился бесновавшийся до того голос. — Я думаю, тебе лучше взглянуть самому. — В стене напротив меня появилось небольшое отверстие, из которого вынырнула небольшая летающая сфера. Она подлетела ко мне, раздвинулась на две равные части и, словно мощный проектор вывела на стену объемную картинку: река, небольшой мост, с одной стороны рота Генриха, потрёпанная и поредевшая, с другой — превосходящее войско мятежников. Конный отряд несётся к едва успевающим перегруппироваться пехотинцам, те дают вялый залп и от небольшого отряда остаётся два всадника. А вот и сам Генрих! Выезжает вперёд, сносит одного из противников броском дротика и вступает в бой со вторым. После непродолжительной рубки Майер всё же протыкает помещика своей шпагой, однако тот, успев схватить Майера за руку, тащит его за собой, падая вместе с ним в бурную реку.

Летающий проектор закончил показ и, свернувшись в исходное положение, вернулся обратно в монолитную стену. Я ещё некоторое время просидел, не издавая ни звука, просто опустив голову вниз. Сейчас меня даже не беспокоило то, кто именно меня похитил и какой силой они обладают. Все мои мысли были заняты осознанием того, что на протяжении почти полугода я пребывал в нездоровом состоянии и в нём же осуществлял управление целым государством. Я рушил судьбы людей, сметал оппозицию, тотализировал всё и вся... И всё это по вине давно погибшего человека. Хотя, скорее, виноват в этом я сам.

— Значит, всё это время я бредил? — Спросил я то ли у себя, то ли у странного голоса.

— Майер смог внушить тебе, что он всегда будет рядом. Твоё сознание отказалось принимать его смерть и создало воплощение Генриха, которое желало мести. Ты думал, что он с тобой, а он был в твоей голове.

— Я... Всегда верил ему.

— Поэтому и сработало.

— Твою ж мать!

— Ты сделал много ошибок, Александр. — Уже как-то миролюбиво произнёс неизвестный. — Однако сейчас всё встало на свои места.

— Кто вы такие? — Наконец спросил я.

— Это тебе знать пока что не обязательно. Ты находишься в независимой реальности. В реальности, в которой время, относительно всех остальных, стоит на месте.

— Что это значит?

— Это значит, что мы вернём тебя в то же мгновение, из которого забрали. Никто не заметит твоего исчезновения. — Повисла тишина. Похоже, мне дали время, чтобы ещё раз всё переосмыслить. Судя по всему, мои похитители — это явно люди из другого мира, вселенной или времени. И, похоже, они выдернули меня из моего любимого средневековья только для того, чтобы вылечить мою прогрессирующую шизофрению. Вот только какая им с этого выгода?

— Для чего вы меня похитили? — Всё же спросил я о мотивах этих странных людей. Да и люди ли это?

— Мы следили за твоими успехами. Должен признать, до недавнего времени ты нас даже радовал. Однако смерть близкого человека выбила тебя из колеи и мы решили вернуть тебя на правильный путь.

— Все эти репрессии, преследования, подозрения...

— Всё это лишь плоды идей иллюзии якобы живого Майера.

«Да уж, становиться политическими параноиком похуже Грозного или Сталина мне уж точно не хочется.» — Подумал я и сам же ухмыльнулся своей мысли.

— После всего, что со мной было, я уже ничему не удивляюсь. — Я глубоко вздохнул и заметил, что тело вновь стало меня слушаться и невидимые пути спали с моих конечностей. — Возвращайте меня назад. И... Спасибо.

Короткая вспышка вновь возникла перед моими глазами и чувство собственного тела вновь покинуло разум. И вновь я будто бы на вечность очутился в месте, которое можно было бы гордо назвать «нигде». Ни органы чувств, ни даже способность мыслить не подавали ни малейших признаков своего существования.

Однако вот перед глазами снова вспыхнул белый свет и я вновь очутился в зале круглого стола, под завязку набитом советниками. И правда, все будто бы не заметили моего исчезновения. И даже то, что за несколько секунд до моего перемещения поднялся нешуточный кипишь, похоже, сейчас уже вовсе не беспокоило никого из собравшихся здесь людей. Они продолжали галдеть, спорить друг с другом и создавать шум, от которого мне, внезапно, стало как-то очень некомфортно. И как я раньше не замечал, что мой совет превратился в сборище недалёких крикунов?

— Господа! — Я ударил кулаком по столу и все взгляды разом устремились на мою персону. — Я вижу, наше обсуждение зашло в тупик. — Примирительно начал я. — Время сейчас уже позднее. Я предлагаю решить все наши вопросы в следующий раз. Попрошу остаться господина Кузнецова и господина гвардии-полковника. Все остальные свободны заседание совета окончено!

Через несколько минут ворчащая и не прекращающая своих споров толпа раскланялся и, наконец, удалилась из зала, в котором мгновенно стало легче дышать. Мы остались втроём: я, командир всего гвардейского корпуса Иван и Максим. Нет, конечно, у дверей в зал по прежнему дежурили гвардейцы моего личного охранения, однако они как такого веса всё же не представляли.

Мы ещё немного посидели в молчании. Я не знал, с чего бы начать, однако вскоре всё же собрался с мыслями.

— Вань, давай-ка ночные дежурства покамест отменим. — Обратился я к изрядно возмужавшему за время нашего знакомства полковнику. И он сам и Максим удивлённо раскрыли сонные глаза и с недопониманием посмотрели на меня.

— Как отменить? — Не понял Иван.

— Ну вот так вот, — Пожал я плечами. — Чего людей зазря пугать? Наберём в городские сотню добровольцев и пусть дежурят у складов и ворот посменно. А гвардия нам и в других местах пригодится.

— Так может, и комендантский час можно отменить? — Не громко, но настойчиво спросил Макс.

— Не можно, а нужно! — Улыбнулся я. — Да и вообще, что-то народ у нас уж больно запуганный стал, не находите?

— А то как же! Штурмовые отряды каждую ночь работают. — Недовольно буркнул

Кузнецов.

— А как же быть, раз столько крыс развелось по городу? — Беззлобно спросил Иван.

— А давайте мы лучше вот как поступим. — Остановил я нарастающий спор. — Штурмовые группы пусть продолжают учения и готовятся к важной миссии. А с крысами будет работать тайный отдел.

— Снова Лаврентию работы подкидываешь, государь? — Усмехнулся мой доморощенный полковник.

— Мне лишь кажется, что у его людей получится работать точнее и не так заметно.

— Как ты скажешь, так оно и будет! Гвардия верна государю.

— Отрадно это слышать! — Улыбнулся я и откинулся в кресле. — Всё, ребята, пора заканчивать все эти чистки. Теперь всё по новому будет!

На следующее утро на мой стол упало сразу несколько указов, напечатанных по моему распоряжению Максимом. Мне оставалось лишь ставить на них свою печать, утверждая новые-старые порядки. «Указ об амнистии заключенных, сосланных на рудники за мелкие проступки» — печать! «Указ об отмене комендантского часа» — штамп! «Указ о сокращении полномочий комиссаров» — да уж, с расстрелами на месте я погорячился... Печать!

В общем, сегодняшнее утро ознаменовало для населения возможность вздохнуть полной грудью. И только сейчас я осознал, как приблизился к построению тоталитарного государства, без каких либо прав и свобод граждан. Железный кулак, ежовые рукавицы... Даже мурашки по коже от таких мыслей. Как же быстро, всего за пол года, я скатился от свободного рынка и едва ли не конституционных свобод к тотальному контролю и репрессиям, не хуже, чем у вождя народов.

К середине дня бумажная волокита плавно сошла на нет и я принял решение впервые за долгое время прогуляться по городу. И не верхом да при десятке охранения, который привычным образом обступал меня в подобных прогулках, а по-простому: в неприметной шубе, широкой меховой шапке, в высоких валенках и заячьих рукавицах. Февраль не баловал оттепелью, а потому значительная часть народа на улицах города выглядела плюс-минус так же, как и я.

Не смотря на то, что за стенами Новгорода снега было как обычно много, на улочках растущего и кипящего даже зимой города его, пожалуй, лежало меньше, чем грязи, которую ежеминутно месили колёса повозок и телег, копыта лошадей и ноги торопливых горожан. Весь снег с улиц оперативно убирали назначенные для этого люди и увозили его туда, где он никому не мешает. А в Новгороде таких мест было откровенно говоря немного, из-за чего под внешними стенами скопилось огромное множество высоченных сугробов.

Хотя мои указы и вступали в силу относительно быстро, народ всё ещё находился в состоянии высокого напряжения. Наверное, не скоро горожане забудут, как штурмовики по ночам выволакивали их соседей из собственных жилищ и как порой вершили самосуд озверевшие от безнаказанности комиссары. У меня самого мороз по коже от того, что я сам, пусть и под влиянием собственной разросшейся шизофрении, имею ко всему этому непосредственное отношение.

Пройдясь по одной из главных улиц, обе полосы которой непрерывно загружали десятки единиц однотипных повозок, я решил заглянуть в местный трактир. С того момента, как я в последний раз бывал в заведении подобного рода, прошло уже долгих полтора года. И за это время количество таких вот питейных заведений, совмещенных к тому же с

простенькими хостелами, расплодилось бесчисленное множество. Поток людей из деревень, которые узнали о том, что в городе можно неплохо заработать на мануфактурах, не прекращался и лишь немного ослаб с приходом зимы. А всем этим людям нужно где-то жить. Конечно, за второй стеной вплоть до первого снега возводились трёхэтажные общежития для рабочих, однако времени для их постройки было слишком мало, а потенциальных жильцов — слишком много. По этой причине большинство рабочих сейчас ютилось в таких вот заведениях, здесь же порой прожигая все свои заработанные деньги.

Пройдясь по просторному залу, заставленному множеством пустующих в разгар рабочего дня столов, я присел за стойку недалеко от хмурого хозяина, который, заметив меня, неспешно направился в мою сторону. Я же ещё раз бегло осмотрел помещение. Да, многое всё же изменилось за эти полтора года: сальные, чадящие свечи сменились спиртовыми лампами, антисанитария, царящая до того, как я издал серию указов о соблюдении чистоты, испарилась без следа, а до того неспешная жизнь и работа obsługi таверны заметно ускорилась и приобрела какое-то подобие строгой организации и монотонной эффективности. Да даже сам хозяин, хоть и выглядел откровенно хмуро, без густой бороды вовсе не внушал мне страха своим видом.

— Чего изволишь? — Учтиво, но буднично спросил корчмарь.

— стакан квасу, любезный. — Улыбнулся я ему. Он согласно прикрыл глаза, выудил из под стойки здоровенную кружку и, подойдя к одной из бочек, повернул краник, наполняя пол-литровую тару до краёв. Не знаю, узнал ли он во мне большого человека, однако кружку держал под углом, от чего пена в стакане не заняла половину объёма, а лишь слегка прикрыла тёмный напиток поверху.

Я отпил слегка горчащего кваса, насладившись приятной прохладой, растёкшейся по всему телу.

— А чего смурной такой, коль не секрет? — Спросил его я, улыбнувшись. — Али дела плохо идут.

— От чего ж плохо? — Пожал плечами широкоплечий мужик. — Дела в гору идут, народу полно, ночлежка не пустует.

— Ну, это хорошо. — Протянул я, а сам задумался, что бы ещё такого спросить у хозяина корчмы, чтобы не выдать себя, но при этом узнать побольше информации. В общем, занимался тем, чем живут ребята из тайного отдела гвардии. — Я тут совсем недавно, — Начал я из далека. — Недавно сельских мужей наших стали верстать в рабочих фактурных. Плату обещали достойную, да условия не рабские.

— Ну, считай, что не ввали. — Буркнул корчмарь. — Князь добре платит тем, кто на него трудится.

— А как он вообще? Ну, князь этот? Добре правит али худо? — Стоило мне закончить последний вопрос, как хозяин таверны застыл на месте, отложил кружку, которую до того старательно протирал и пристально посмотрел на меня. Скулы его напряглись, а в глазах промелькнул странный блеск.

— Не в том месте ты, брат, решил такими вопросами задаваться. — Медленно проговорил он. — Про государя здесь плохого говорить не принято.

— А хорошего? — Делая вид, что не понимаю всей серьёзности, спросил я.

— А хорошего тебе глашатаи на площади скажут. — Сказал, как отрезал он.

— Сколько с меня?

— Полушка за квас. — На выдохе бросил он. Похоже, мужик подумал, что на этом

расспросы закончатся. Я же выудил из кармана несколько копеек и аккуратной стопочкой пододвинул к корчмарю.

— Сдачи не нужно. — Миролюбиво кивнул ему я. Ты лучше скажи мне, в общем, какие княжьи указы тебе больше всего... Запомнились.

— Ну что ж, — Покачал головой предприимчивый хозяин, сгребая монеты в карман своего фартука. — Ежели тебе так интересно, то очень... Запомнилось мне, когда княже наш объявил, что теперь, дескать, в монеты станут помимо серебра медь вплавлять. И вот вроде немного добавляли её, однако ж от того стоимость монет стала падать шибко. Сейчас то ещё не так заметно, а раньше, бывало, по три раза на дню приходилось расценки менять.

— Так ведь, ежели так подумать, — Встал я на защиту самого себя, — Раз серебра в монетах стало меньше, то и количество этих монет возросло.

— Ну а мне то что с того, ежели они все не у меня? — Усмехнулся трактирщик.

— Так ведь и до наших селян тогда станут монеты доходить. И тебе, наверное, сподручнее брать у меня плату серебром, пусть и с медью, а не мешками с зерном. — Корчмарь почесал затылок и лишь задумчиво хмыкнул.

— Ну монеты ладно, они пришли и ушли. — Отмахнулся я. — А что ещё можешь рассказать?

— Ещё?... — Рослый мужик вдруг глянул на стену, на которой ничего примечательного не было, а глаза его еле заметно сверкнули. — Про штурмовиков и комиссаров слышал?

— Приходилось, — Мрачно опустил я взгляд.

— Тогда знаешь, поди, что они делают. Мой брат неделю назад на твоём месте сидел. В тот вечер он выпил чуть большего обычного. И ладно бы песни горланил, али в драку полез. Нет, он стал с людьми о князе говорить. Говорил он... — Мужик осёкся на полуслове и испуганно посмотрел по сторонам. — В общем, говорил о том, о чём здесь, как ты уже знаешь, не принято слово держать.

— А что было дальше? — Спросил я, хотя ответ был мне уже в целом понятен.

— Каждый вечер в трактире сидела одна и та же компания. Неприметная, выпивали мало, ели едва ли больше. Ну не буянили, я и не обращал внимания. А на деле оказалось, что это княжьи люди. Каждый вечер сидели и слушали, кто о чём говорит.

— И что было потом?

— Его взяли той же ночью. — Проговорил корчмарь. — Без штурмовиков, без шума. Комиссар с теми тремя гвардейцами просто подкараулили его у выхода, закинули в крытую повозку и увезли. Только на третий день пришла весть, что его сослали на Карельские рудники.

— А срок какой?

— Семь лет. — Сухо произнёс он. — Дескать, за «разведение опасных для власти и порядка слухов и домыслов». — Мы ещё некоторое время просидели в тишине. Одни в большом, пустующем в середине дня зале. Хозяин корчмы облокотился на стойку и с лицом, полным грустной задумчивости, вновь уставился на стену.

— Думаю, скоро он вернётся домой, — Сказал я, припоминая, что сегодня утром ставил печать на указе об амнистии заключённых и по этой формулировке тоже. — Доброго здоровья тебе. — Я похлопал трактирщика по плечу, встал со своего места, оставив на нём увесистый мешочек с несколькими рублями мелочью.

Корчмарь не сразу пришёл в себя, но когда заметил, что странного гостя нет, а на его месте стоит лишь внушительный кошель.

— Дивные нынче крестьяне пошли. — Он посмотрел вслед странному гостю, истово перекрестился и ещё долго стоял в глубокой задумчивости, теряясь в догадках и собственных мыслях.

22 марта 1507 года.

Сегодняшний Новгород кипел особенно сильно. Множество рабочих наводили порядок на улицах, вымывали с брусчатки мостовой оставшуюся после весны грязь, красили и штукатурили стены домов, передевали последние здания в черепицу. В общем, город активно наводил марафет, готовясь встречать значимых гостей.

Но не только в пределах крепостных стен бурлила жизнь. Я обернулся, прошёлся по дощатому полу, который простирался по всей площади внутри стены и, облокотившись о пушку, посмотрел через бойницу. Десятки костров, сотни палаток и тысячи человек менее, чем в километре от города внушали одновременно и страх, и уважение. Незнающий человек мог бы даже подумать, что Новгород находится в осаде многотысячной армией. Однако открытые ворота и стабильно оживлённое движение явно говорили об обратном. Вся та армада, что сейчас стояла под стенами города — это пять полков новобранцев, призванных в конце февраля и в начале марта. Первый урожай, полученный при помощи новых орудий труда, позволил освободить от бремени сельского хозяйства множество человек, а грамотная агитация на местах вела их на рабочие места растущих мануфактур и, с недавнего времени, ещё и в армию. Вообще я всегда был против срочной службы, однако времена сейчас не из простых. Первый полк был целиком и полностью сформирован из добровольцев, однако его, даже при самом грамотном использовании на поле боя, может не хватить. Сейчас даже иностранные офицеры, присягнувшие мне на службу, все в один голос говорят, что новгородский полк — самое грозное формирование из всех, что они видели. Мы с Максимом сделали ставку на дисциплину, выучку и устав, максимально приближенный к уставу двадцать первого века. Ну и новейшее вооружение: ружья, шпаги, пистолеты, легкие и тяжелые орудия. Всё это, в сочетании с грамотным применением, действительно может дать болезненную пощёчину превосходящему во много раз противнику. Однако в случае неудачи рассчитывать придётся лишь на небольшое и плохо обученное ополчение, которое армия шведов, скорее всего, снесёт и даже не заметит.

В связи с этим ещё осенью был разработан план по ускоренной весенней мобилизации и трёхмесячной подготовке ещё шести тысяч человек — по тысяче двести на полк. Мануфактуры работали в две смены, готовя для будущих солдат оружие и амуницию, типографии печатали без остановок, всё чаще печатая вместо книг агитационные плакаты. Городские призывники, а так же те, кто в сельской местности имел достаточный уровень зажиточности, набирались в разведроты и в артиллерийские расчёты. Простые крестьяне же призывались в роли простых пехотинцев, однако и они имели некоторые послабления. Например, не в армию не мог быть призван единственный сын в семье или глава семейства, без которого в семье не останется ни одного взрослого. Освобождались от службы и малоимущие крестьянские подворья. В общем, тех, у кого дела и без того идут не очень хорошо, спешная мобилизация не затронула. Во многом благодаря этому новобранцы в среднем имели неплохую физическую форму, ведь набранные из более-менее зажиточных семей мужчины зачастую питались достаточно и недоеданием страдали редко.

Конечно, сейчас рассыпающиеся коробочки солдат плохо подходят на ту армию, что я видел, когда наблюдал за тренировками опытного, побывавшего в реальных боях с мятежниками, полка. Однако у этих доходяг есть ещё два-три месяца, чтобы освоить азы

линейного боя. Тем более, их тренируют уже прошедшие более полугода огневой подготовки солдаты и даже несколько бойцов из числа старой гвардии. Окружившие Новгород по периметру полевые лагеря активно высасывали из казны всё больше средств на содержание, однако финансовая подушка из серебряных рудников и активной торговли с западом с лихвой покрывала все расходы молодой армии.

Ещё немного постояв на крепостной стене, я стал неспешно спускаться вниз, насвистывая какую-то мелодию из прошлой жизни. Наконец спустившись к дороге, по которой плотным потоком шли гружёные самыми разными вещами повозки, я осмотрелся. На другой стороне самой настоящей проезжей части меня уже ждал Максим, коротая время за разговорами с одним из офицеров гарнизона. Я подождал, пока мимо меня проедет запрежённая двумя крупными лошадьми повозка, гружёная аккуратными стопками чугунных ядер, бочонками с порохом, обрамлёнными красными полосками и лёгким полевым орудием на прицепе. Наконец, когда путь оказался свободным, я перешёл на другую сторону улицы. Макс, облокотившись о стену круглой крепостной башни, вёл непринуждённый разговор с явно нервничающим молодым офицером. Заметив меня он, улыбнувшись сказал что-то напоследок и двинулся мне навстречу. Может, тот лейтенант и не принял бы меня за меня, не громыхай за мной десятком шпаг отряд личного охранения. А так, сложив в голове два и два, командир гарнизонного взвода выпучил от удивления глаза и, выпрямившись ещё сильнее, задрал подбородок повыше, ударил кулаком в грудь, отдавая честь.

— Здравия желаю, господин государь! — Раскатисто рявкнул он.

— Вольно, лейтенант. — Улыбнулся я ему. — Возвращайтесь к своим обязанностям.

— Есть!

— Да уж, весь город как на иголках. — Протянул Максим, когда расторопный офицер скрылся за углом казармы, удобно пристроенной прямо к стене.

— Сегодняшний день вполне может войти в историю.

— Конечно, если наши Псковские друзья не задержаться в дороге до завтра. — Усмехнулся Макс.

— Это вряд-ли, — Улыбнулся я. — Разведка докладывает, что княжеская делегация сейчас не дальше, чем в семи верстах от города. Думаю, после обеда они должны наконец добраться. Мы седлали коней и не торопясь двинулись к детинцу, чтобы уже там, как подобает, встретить желанных гостей.

Мы вошли в светлый зал для совещаний. На длинном овальном столе была разложена большая карта, центром которой был Новгород, а границы проходили по Скандинавии на севере, Дании на западе, Перми на востоке и Крыму на юге. Границы, особенно между русскими княжествами, которые постоянно то отделялись, то присягали на верность друг другу, на карте были даны условно. Но зато города, крепости, реки, озёра и прочие объекты я дал указания изобразить с максимальной точностью. Над этой картой работали, в разной степени, сотни человек из самых разных уголков показанных на широком полотне государств. И сейчас по ней проводились уроки у курсантов, она копировалась для представления в школах, на ней размечались возможные стратегии в случае конфликтов и даже самые предвзятые гости с продвинутого запада выражали своё восхищение столь драгоценной и грандиозной по местным меркам работе.

За последними приготовлениями к приёму время пролетело незаметно. Мы с Максимом заняли места за овальным столом и наконец смогли немного передохнуть перед тем, как уже прибывшая в город Псковская делегация не прибудет в детинец.

— Так, ещё раз, — Рассматривая южные границы карты, проговорил Максим. — Какая у нас задача?

— Официальная — заполучить ещё одного союзника к войне со Швецией.

— А на самом деле?

— Постараться сделать так, чтобы Псков вошел в наш состав.

— Звучит хорошо. — Задумавшись, сказал Макс. — Вот только как ты собираешься убедить целого князя просто взять и отказаться от своей власти?

— У меня есть одна мысль. Тебе нужно просто сыграть военного советника. Ты сейчас больше всех погружен в процесс формирования новых полков, а наши новые друзья при всём желании не могли не заметить всех тех полевых лагерей, что сейчас развернулись под городом.

— Хочешь оказать на них давление? — Улыбнулся он.

— Скорее показать, к чему они могут прийти, если согласятся на сотрудничество. — Дверь в зал собраний распахнулась и ввалившийся внутрь рядовой, приняв стойку, справно отдал честь.

— Господин государь, Псковский князь прибыл в детинец. — Отчитался он и встал по стойке смирно.

— Вольно, солдат. — Махнул я рукой. — Ну, пойдём встретим долгожданного гостя.

Делегация Пскова мало отличалась от московской, которая заявила ко мне пол года назад. Всё те же поместные кавалеристы охранения, старые, словно из прошлого века, кольчуги и луки. В общем, сейчас из всех русских княжеств разве только новгородское как-то выбилось из общей картины устаревающего средневековья. И всё же было у псковского князя одно отличие от того московского боярина. Молодой правитель приехал ко мне верхом, а не в карете. В стальном нагруднике, высоком шлеме с наносником и длинной саблей на поясе. Когда он снял свой шлем, чтобы поприветствовать меня, мне открылось обычное, несколько не аристократичное лицо с пепельными волосами, небольшой бородкой и бегающими из стороны в сторону любопытными глазами. Возможно, я бы и не узнал в нём собрата по титулу, если бы моя разведка не донесла мне заранее информацию о его внешности.

Свита князя Василия, а именно так зовут молодого князя, как выяснилось, состояла всего лишь из двенадцати человек, включая самого князя. Честно говоря, я ожидал хотя бы личной дружины как минимум в сотню человек. Однако этот лихой парень, который не сильно опережал меня по возрасту, похоже не боялся за свою жизнь или попросту не хотел терять времени, а потому выступил налегке. Впрочем, окружали его не просто чиновники или толстые бояре. Напротив, это были опытные воины, упакованные в броню как консервные банки. Конечно, против ружья эти железки не особо эффективны, однако в рамках их понимания, безусловно, это элитные воины.

Обменявшись привычными любезностями, мы не стали терять ни минуты и направились в тот самый овальный зал с картой. Ни князь, ни его свита несколько не пытались скрыть своё любопытство, а потому постоянно озирались по сторонам, неприлично долго рассматривали гвардейцев и даже простых солдат и особенно часто вглядывались в окружающую их обстановку. Множество спиртовых ламп, освещающих просторное помещение, не могли не вызвать удивления у непривыкших к подобному людей.

— Да, добре ты обустроился, княже. — Протянул Василий, усаживаясь на предложенное ему место напротив меня.

— Благодарю. — Скромно кивнул я. — Итак, господа, предлагаю приступить к обсуждению дел государственной важности. — Непривыкшие к моему говору псковичи сначала удивлённо захлопали глазами, но потом, видимо переварив полученную информацию, уверенно закивали. Впрочем, я и не собирался говорить на их языке. — Взгляните, пожалуйста, на карту. В нашем регионе появилась сила, способная смять поодиночке всех и даже не подавиться. Шведское язычество восстало из пепла и всё чаще начинает притеснять христиан на своей земле. Легко догадаться, что они станут учинять на нашей. Новгород формально уже ведёт войну со Шведскими безбожниками. А две недели назад объединённый флот Ливонского и Тевтонского орденов нанёс удар по кораблям язычников здесь, на острове Готланд. — Я длинной указкой ткнул по длинному острову в Балтийском море. — Итак, Новгород, Ливонцы и Тевтонцы уже вступили в войну. — Указка обозначила регион нахождения всех стран по очереди. — Однако Псков также находится под ударом, но при этом не состоит в союзе по борьбе с клятыми язычниками, — Я в очередной раз поднял вопрос религии. — Это значит, что их король может вторгнуться в Псковские земли и мы, увы, не сможем ничего сделать. — Повисла тишина. Все обдумывали сказанное, не отрывая взглядов от подробной карты. — Я предлагаю тебе, князь Василий, вступить в союз по борьбе со шведами. Вместе мы сможем отбросить их назад за море и свергнуть короля антихриста!

— Это вельми интересно, — После некоторых размышлений, произнёс князь. Невооружённым взглядом было заметно, что Василий всерьёз задумался. — Однако что же Москва с Литвой? — Они же только и ждут, чтобы в спину ударить! — Свита князя стала активно его поддерживать, в основном поддакивая и размашисто кивая.

— Ты прав, Василий, — Не громко, но твёрдо сказал я. — И поэтому я предлагаю тебе не просто союз, а федерацию.

— Феде... Что это? — С интересом спросил он.

— Наши княжества объединяться на равных правах. У нас будут открытые границы, свободная торговля, одна валюта, некоторые общие законы и... Общая армия. — На последнем моём слове вся княжеская свита оживлённо зашептала. Да уж, это я удачно угадал с тем местом, куда следует надавить. Ведь все его советники, как я понял, люди военные и для них тема армии особенно близка. А ведь это они ещё не видели в действии ни градов, которые теперь способны поражать цели на дистанции в пол километра, ни воздушных шаров, эскадрильи которых отрабатывают бомбометание у Ладожского озера.

— Да, мы воинов твоих видали, — Улыбнулся Василий. — Хоть и пещцы почти все, а так грохочут из самопалов своих, что аж кровь в жилах стынет. Ну а как пушки палить начнут, то потом лошадей и не соберёшь, все пугаются да бегут кто куда. — Псковичи от души рассмеялись, не стараясь соблюдать никаких норм самоконтроля. Что ж, вести переговоры в столь уютной обстановке будет даже проще.

— Когда мы создадим федерацию, — Я намеренно не использовал слово «если», заменив его более смелым «когда», и вообще говорил так, как будто решение о подписании соглашений уже было принято князем и его советниками. — Псков сможет построить такую же армию в кратчайшие сроки!

— Мы выделим для вас наших офицеров и опытных бойцов, чтобы те в ускоренном темпе подготовили из Псковских крестьян сносную армию, — Наконец, в разговор вступил Максим, исполняющий обязанности моего военного советника.

— Кроме того, — Продолжил я, — Мы готовы на первых порах поставлять вам ружья и

солдатскую сбрую. А как снег окончательно сойдёт — наши рабочие помогут уже в Пскове выстроить производство всего необходимого.

— И что, в этой «фе-де-ра-ции» только Новгород да Псков будут? — Задумчиво спросил Василий.

— От чего же? — Пожал я плечами. — Сейчас земли русские раздроблены сильно. — Думаю, многие города и княжества захотят стать частью федерации. Мы сейчас выстраиваем связи с Белоозером, Торопцом и Тверью. Мне кажется, угроза со стороны Москвы рано или поздно вынудит местных князей встать под наши знамёна.

— Ну а кто будет армией командовать да указы издавать, ежели все в правах равны, да главного нет. — Задал резонный вопрос сидящий рядом с псковским князем воин.

— Все эти вопросы должно будет решать федеральное собрание князей. От каждого княжества на таком собрании будет один, избранный народом князь. На федеральном собрании будут приниматься решения о принятии законов, назначении командующих армиями и многое другое. — И вновь мои слушатели стали усердно переваривать мною сказанное. Они перебросились парой негромких фраз между собой, иногда искоса поглядывая на нас. Само собой, я не собирался целиком и полностью отдавать свою власть в руки этого самого собрания. Сейчас я лишь хотел завлечь первое и весьма сильное княжество под крыло этой самой федерации, а после, используя экономическое и военное влияние, всё же вырвать для себя и для Новгорода ведущую роль в союзе.

— А все подати и сборы, что же, можно будет оставлять у себя? — Князь Василий почесал подбородок, с интересом глядя на меня.

— Основную часть — да. Все торговые сборы останутся в Пскове. И всё же небольшую долю податей с населения вы должны будете передавать в общую федеральную казну. Это, ни в коем случае, будут не деньги Новгорода. На них мы будем платить солдатам, строить дороги и мосты, развивать новое государство. Кроме того, — Я склонился над картой и указкой очертил часть земель на северной границе Новгорода и Пскова. — Вот эти земли мы готовы передать Псковскому княжеству в качестве выражения наших благих намерений.

— Выход к морю... — Еле слышно прошептал Василий, глядя на предлагаемый мною кусок земли. И вновь я угадал с точкой давления. Ведь Псковские границы сейчас проходят таким образом, что Ливонский орден и Новгород перекрывают второму торговому городу региона выход в Балтику. А если Василий примет моё предложение, то прибыль от Псковской торговли разом пробьёт все мыслимые и немыслимые границы.

— А ещё мы считаем, — Я снизил тембр голоса с ораторского на заискивающий, привлекая внимание и без того сосредоточенных псковичей. — Что вот эти территории западнее Чудского озера уж больно несправедливо находятся под властью Ливонии. Ведь Юрьев, который католики обозвали Дерптом, издавна принадлежал русским князьям.

— Но ведь Ливония — наш союзник в борьбе со Шведами! — Возразил советник Василия.

— Это так, — Кивнул я. — И всё же решение есть. Понимаете, там, откуда я родом, была похожая ситуация. Плохие парни захватили много земель и вторглись в мою страну. Их еле как прогнали, а потом, когда пришла пора освобождать захваченные ими земли, наши войска сначала задержались на них дольше обычного, а потом и вовсе — посадили у власти своих людей. Вот так вроде и плохих ребят разбили, а вроде и земли бывшего союзника отжали.

— Это может сработать. — Неожиданно для всех заявил псковский князь. — Ливония

сейчас не очень сильна. Всё, что у них есть — это старые крепости. Если swei сначала об них своё войско положат, а после мы придём на спасение, то местные латиняне вопросов задавать не станут. Для них ведь лучше мы, чем язычники. Так можно и весь орден под себя подмять.

— Главное не подавиться. — Резонно подметил я.

— Ну что ж, — После ещё множества уточняющих вопросов протянул Василий. — Я думаю, идея с федерацией этой хороша. Да и то, что от поместного войска отказаться придётся, не так и страшно. Народ у нас к переменам готовый, а хорошего от всего этого всяко больше. В общем, по рукам, княже!

Мы быстро подписали заранее подготовленные бумаги, все радостно пожали друг другу руки, а по бокалом разлилось дорогое вино.

— Ну, выпьем же, господа, за Соединённые Княжества Руси!

— Ура! — Послышались нестройные выкрики весёлых союзников.

— Боже, благослови Россию! — Поддержал мой тост Василий, осушая свой бокал. «Удивительно знакомая фраза» — Подумал я, также вливая в себя слегка горчащий, наполняющий теплом всё тело, напиток.

Глава 16. «Чёрная смерть»

6 апреля 1507 года. Окрестности Пскова.

Небольшой обоз из четырёх повозок — двух крытых и двух обычных — не спеша продвигался по лесной дороге. Телеги порой лениво перекатывались с кочки на кочку, однако их оси стойко держали удары ещё не перестроенного силами солдат дорожного полотна. Близился вечер и солнце, одаривая землю последними на сегодня лучиками тепла, стремительно скрывалось за кронами елей и сосен.

По обеим сторонам узкой дороги, параллельно телегам, двигался десяток гвардейцев в угольно-чёрных мундирах. Бойцы настороженно глядели по сторонам, ни на мгновение не позволяя себе расслабиться, вглядываясь в каждый куст, за каждое дерево. Наконец, когда за очередным поворотом извилистой дороги показалась небольшая поляна, сержант гвардейского десятка поднял руку. Обоз нехотя остановился, а лошади недовольно зафыркали. Командир охранения ещё раз провёл настороженным взглядом по всем кустам, до которых мог дотянуться его взгляд.

— Встаём на привал. — Громко скомандовал он, не найдя повода для беспокойства. Гвардейцы стали спешно оборудовать полевой лагерь. Из двух повозок без крыши стали неуклюже высыпаться ехавшие до того в них люди в длинных, до пола, серых накидках, сшитых из такого же сукна, из которого были сделаны гвардейские и солдатские мундиры. Всего десять человек, в охранение которых и был поставлен целый гвардейский десяток. В основном это были молодые ребята едва ли старше восемнадцати лет. Однако в их числе был и один пожилой мужчина, накидка которого немного отличалась от одежды молодых.

Очень скоро четыре повозки были выставлены на поляне стеной, направленной к лесу. За ней гвардейцы быстро и без суеты поставили палатки, выставили по периметру трёх постовых, развели костёр и принялись готовить в большом котле ароматную похлёбку из овощей и вяленого мяса. За активной лагерной работой, которая заняла у мужчин в серых накидках значительно больше времени, чем у гвардейцев, время пролетело незаметно и вскоре из источников света остался лишь костёр и луна, порой скрывающаяся за мирно плывущими по звёздному небу облаками.

У главного костра после позднего ужина осталось не так много людей. В их числе оказался и сержант гвардейцев, и пожилой мужчина в серой накидке.

— И чего ты, господин сержант, так беспокоишься? — Начал разговор старик. — Постовых ставишь, всегда в седле да при оружии... Тут же ж недавно батальон прошёл, чай лихого люда то и не осталось.

— Так требует устав. — Коротко буркнул он, пожав плечами. — Да к тому же мы уже не в Новгородских землях, а почти под Псковом.

— А разве князь тамошний не присягнул нашему? — Почесав затылок, спросил пожилой мужчина.

— Не совсем. — Уклончиво ответил более осведомлённый сержант. — Они что-то вроде союза заключили. Открыли границы, стали общие законы писать, армию вместе строить супротив сеев да Москвы. А вот на кой лекарям в Псков ехать, я в толк никак не возьму.

— Мы ж тебе, господин, уж сколько объяснялись. — Беззлобно проворчал старик. — В Пскове, да во многих других городах, по весне чума пришла. Люди мрут как мухи, особливо в

больших селениях.

— Странно, — Хмыкнул гвардеец. — А что ж в Новгороде чумы этой нет? Небось Господь хранит землю нашу.

— Господь то, может, и хранит. — Не стал спорить лекарь. — Однако ж князь наш для того тоже много сделал. И школу лекарскую открыл, и сам столько про болезни разные ведаёт. Вот я бы никогда не подумал, что ежели руки да еду мыть, то от живота почитай никогда мучиться не будешь!

— Во как! — Искренне удивился хмурый вояка. — А у нас это и в уставе прописано! Дескать, на привале всегда чистоту чинить, да еду только чистую да мытую потреблять.

— Вот и нас княже учил, как чумным людям помогать, да болезнь эту предотвращать.

— Чуму-то? — Искренне удивился гвардеец. — Да как же её лечить то?!

— Ну, лечить то мы её не можем. — Признался старый лекарь. — Однако как не дать сей заразе распространяться нам княже всё ж таки поведал.

— И что же, — С подозрением протянул сержант. — Вам для того целая телега кошек надобна? — Он кивнул в сторону одной из крытых телег, из которой частенько доносилось недовольное мяуканье.

— Кошки жрут крыс, — Пожал плечами старик. — А крысы носят блох. А ежели блоха сначала больного чумой укусит, а затем здорового, то второго и заразит.

— Во дела... — До того хмурый сержант слушал с искренним интересом, даже приоткрыв рот. Собравшиеся вокруг костра гвардейцы также удивлённо качали головами и с упоением впитывали новые, удивительные знания.

— Это всем ученикам лекарской школы я ещё в первый день рассказываю. — Отмахнулся старый травник. — Но, конечно, без княжеских знаний да книг печатных обучать пришлось бы только травам разным да корешкам.

— И что, много в этой лекарской школе учеников?

— Уже почитай что три сотни. — Задумавшись на мгновение, ответил он. — Однако ж иноземцев очень много. Латиняне все. Говорят, у них там их пастыри запрещают лекарскому делу учиться. Дескать, у них это богохульство. — Усмехнулся старик, обнажив два ряда редких зубов.

Интерлюдия. Новгород.

7 апреля 1507 года.

Над речным портом в северной части города показалось рассветное солнце. Десятки кораблей, пришвартованных к обоим берегам реки Волхов, покачивались на лёгких утренних волнах. Разных форм и размеров, каждый в чём-то уникальный, эти суда, словно люди в очереди, ждали своего часа. Здесь были и низенькие вёсельные галеры, и стройные фрегаты. И массивные парусники и совсем небольшие юркие ботики. Слабый утренний бриз колыхал флаги на мачтах кораблей. Бесчисленное множество разноцветных полотен развевалось над судами, разбросанными в гавани.

По течению, с почти незаметной помощью парусов на двух мачтах, неспешно шёл фрегат средних размеров, медленно приближаясь к стенам города. Смотровые на башнях не спали и, стоило судну подойти достаточно близко к городу, как на берег высыпалось пол дюжины человек, спешно погрузились в маленький одномачтовый бот, скорее походивший на большую лодку, и стали грести в четыре весла, стремительно сокращая расстояние до очередного торгового судна. Яркие красные флаги на мачте и на корме парусника старательно привлекали внимание матросов иноземного судна. На фрегате их всё же

заметили и корабль, окончательно спустивший и без того мало эффективные в безветренную погоду паруса, стал медленно сбавлять ход. Вскоре в воду скинули увесистый якорь и тот, упав на дно, окончательно остановил податливое судно.

Несмотря на ранний час, на торговом судне едва ли спал хоть один матрос. На палубе суеилось около двух десятков человек и лишь небольшая часть экипажа наблюдала за приближающейся лодочкой. Борт фрегата возвышался над уровнем воды не более, чем на три метра. Вскоре вниз полетела верёвочная лестница, а после и два каната, которыми ботик привязали к борту фрегата.

Шесть человек, которые остановили движение очередного торгового корабля, спешившего на манящий Новгородский рынок, без труда поднялись на борт, где их встретила озадаченная команда и капитан корабля. Все в длинных, в пол, плащах с капюшонами, в масках до глаз и толстых перчатках, они не могли не привлечь внимания любопытных торговцев.

— Что вы от нас желать? — На ломанном русском спросил один из матросов, которому что-то шепнул капитан.

— Вы можете не прибегать к помощи толмачей, месье. — Заговорил на французском языке один из прибывших новгородцев. По рядам матросов прошёлся оживлённый шёпот, а немолодой капитан, выпучив от удивления глаза, даже сделал шаг вперёд, рассматривая своего собеседника.

— Не ожидал встретить в этих диких, варварских землях француза. — С улыбкой произнёс капитан фрегата.

— Что же забыл такой почётный вельможа в «диких землях»? — Не поддержав дружелюбного тона, холодным голосом спросил человек в плаще.

— До меня дошёл слух, что эти русы научились делать хрусталь не хуже, чем в Италии. Но при этом берут за него едва ли не вдвое меньшую цену. Наш благочестивый король собирается устроить большой банкет, однако тратиться на итальянский хрусталь не позволяет казна, истощённая войной с клятыми англичанами. А вы, месье, что же, не слуга короля? — Он озадаченно почесал затылок, щурясь и с подозрением вглядываясь в своего визави.

— В данный момент я — слуга Новгородского князя и Соединённых княжеств России.

— Что ж... — Французский торговец явно не ожидал такого ответа. — А какова причина нашей остановки?

— В Новгороде введён карантин. Все корабли, входящие в город, должны тридцать дней простоять в отдельном месте и никто не вправе сходить на сушу.

— Тридцать дней?! — Распахнув глаза, воскликнул капитан.

— Не волнуйтесь, всё это время еда и вода для Вас и Ваших матросов будет поставляться бесплатно и бесперебойно.

— Через тридцать дней мы должны доставить хрусталь к королевскому двору!

— Сожалею, но с этим ничего нельзя сделать. — Безразлично ответил русский француз. — Правила есть правила. Взгляните туда, — Он указал на причал чуть ниже по течению. Там, перед крепостными стенами у берега уже скопилось множество судов. — Не один десяток кораблей ждёт своей очереди, чтобы войти в порт.

— Ну может быть, мы с Вами всё же сможем договориться? — Заискивающе произнёс капитан. — Уверен, наш монарх не поскупится на лишние франки ради такого дела.

— Если у Вас, господин капитан, есть лишние пять лет, чтобы провести их с киркой в

руках на одном из рудников, то можете попробовать. Однако у меня десяти лет в запасе, увы нет.

— Как это? — Не понял он. — Десяти?

— Берущий взятку наказывается вдвое сильнее дающего, — Непреклонный карантинщик лишь пожал широкими плечами.

Вдруг на горизонте замаячила ещё одна фигура корабля. Это был уже не шустрый фрегат, который лишь в речной акватории лишался своей скорости, а средних размеров галера. Множество вёсел с обоих бортов гнали низкий корабль вперёд. Вот для него узкие реки с непостоянным ветром были вполне комфортной средой, чего нельзя сказать о фрегате. Ведь для гребцов наличие или отсутствие ветра не играли особой роли, а паруса, также установленные на мачтах галеры, скорее выполняли вспомогательную функцию.

Капитан и ещё несколько матросов вместе с шестью карантинщиками быстро перешли к корме корабля и стали всматриваться в стремительно растущую фигуру галеры.

— Чей флаг? — Капитан окликнул впередсмотрящего, который и без команды усиленно всматривался в даль.

— Пока не ясно, капитан! — Откликнулся хриплым басом матрос в вороньем гнезде или попросту открытой бочке на одной из мачт.

Тем временем русский француз выудил из глубины своего длинного халата трубку, длиной едва ли больше полуметра и, приставив её к своему глазу, стал невозмутимо рассматривать приближающееся судно.

— Что это у вас, месье? — С интересом проговорил капитан корабля. Карантинщик же лишь подозвал к себе своего подопечного и что-то шепнул тому на ухо.

— Передай на пост, чтобы готовили английского толмача. — Подопечный коротко кивнул и отправился к носу корабля, чтобы оттуда передать распоряжение с помощью двух ярких флажков. Командир карантинной команды же лишь вопросительно посмотрел на капитана.

— Я говорю, что за вещица это у вас? — Повторил он вопрос.

— ПТВ-один, — Спокойно ответил карантинщик.

— Что это значит? — Возмутился француз.

— Не знаю, как Вам объяснить, — Почесал затылок он. — Это подозрная труба Винчи. Позволяет смотреть дальше, чем видит человеческий глаз. — В ответ бывалый морской волк лишь перекрестился.

— Не дай Боже об этом узнать нашей инквизиции... — Тихо прошептал он.

Прошло ещё около минуты, прежде чем галера приблизилась достаточно, чтобы её флаг был различим невооружённым взглядом. За это время с фрегата на берег успело дойти сообщение и уже второй ботик с карантинной командой и переводчиком готовился отчалить от небольшой пристани у крепостной башни.

— Англичане! — Во весь свой хриплый голос выкрикнул французский впередсмотрящий и на палубе начался настоящий переполох.

— Приготовиться к бою! — Яростно и истово отдал команду французский капитан. Два десятка моряков спешно забежали туда-сюда, поднося к корме корабля оружие, разный хлам для защиты от abordжа и заряжая две кормовые пушки. Торговому судну не нужно было иметь при себе слишком много огневой мощи, однако два орудия среднего калибра, установленные в тыльной части корпуса, похоже, давали достаточную защиту от возможного нападения.

— Отставить! — Воскликнул командир карантинщиков. И хотя сделал он это на французском, его соратники, не знающие этого языка, по тону поняли суть команды и молниеносно выхватили из глубины своих накидок по шпаге и по пистолету на каждого. Сам командир же обнажил лишь пистолет, направив его на капитана корабля.

— Месье, остановите Ваших людей сейчас же! — Повелительным тоном проговорил он, взводя курок. Однако команды и не требовалось. Вся команда в ступоре смотрела за сложившейся ситуацией.

— В чём дело? — Искренне не понял француз. — Его величество ведёт войну с подлыми англичанами и мы, как его слуги, обязаны...

— Вы торговцы! — Перебил его карантинщик. — И находитесь вы на территории Соединённых княжеств России. А здесь ваша стычка станет актом агрессии и будет считаться преступлением.

— Но мы...

— Разговор окончен, месье. Сделаете хоть один выстрел и станете для крепостной артиллерии главной мишенью. — Карантинная команда погрузилась в лодку и спешно отшвартовалась от фрегата, оставив команду корабля в лёгком смятении наблюдать за приближением ненавистного им судна.

Интерлюдия. Псков.

Улицы большого города пустовали. Дворы, напоминающие сельские подворья, сильно отличались от тех массивных зданий, которыми уже был усеян Новгород. Жизнь здесь и до чумы шла медленнее, чем в столице, а уж с приходом чумы и вовсе едва ли не остановилась. Вдоль заборов порой целыми стаями пробегали крысы, кое-где лежали не подающие признаков жизни тела. И даже воздух в округе пропах тухлым запахом смерти. Порою погибшие, покрытые множеством ужасных бубонов, попросту сваливались в кучи, потому как их не успевали хоронить, а сжигать, как это делали в Новгородской земле, положе, запрещали местные пастыри.

Три повозки лекарей медленно продвигались в глубь опустевшего Пскова. Иногда из небольших окон на них смотрели когда-то злобные, а когда-то любопытные глаза, которые, впрочем, тут же скрывались за деревянными ставнями.

— А может, зря мы не взяли с собой в город княжеских гвардейцев? — Испуганно спросил один из учеников.

— Они нам здесь ни к чему. — Спокойно ответил старый травник, сидящий за поводьями. Плотные маски сплошных лекарьских комбинезонов глушили фразы, от чего приходилось или повышать тон, или говорить собеседнику прямо на ухо. Учитель криков не терпел, а потому учтиво поворачивался к ученику, чтобы с ним поговорить. — А ты Афоня, давай-ка несколько кошек прямо сейчас выпусти. Надеюсь, голодать местные пока не начали и не сожрут их с дуру. — Молодой лекарь в балахоне кивнул и, неуклюже перемахнув через борт головной повозки, пошёл ко второй, крытой телеге. Отворив ставни, он достал четыре ящика и спешно выпустил из них засидевшихся в тесном пространстве животных. Восемь кошек тут же устремились в разные стороны. Некоторые из них, едва ли не вылетев из клетки, тут же принялись сокращать число расплодившихся в беспределе чумного города грызунов.

— Кто знает, что на уме у чумных... — Продолжил он разговор, когда, выполнив поручение учителя, вернулся на своё место.

— Выжить, вот что им надобно! — Без тени страха усмехнулся учитель. — А воины

князьи нам здесь только народ пугать будут своими пищалями. Да и заразятся, не приведи Господь.

Вскоре небольшой конвой, высаживая по пути своего следования одну партию охотников за другой, добрался до ворот детинца которые охраняло всего два стражника в кольчугах.

— Стой! — Выкрикнул один из них. — Не велено никого пущать в детинец! — Говоривших воин, явно старше своего напарника, выглядел скверно. Слегка пошатываясь, он еле разлеплял красные глаза, а небольшие чумные бубоны уже проступили на его шее.

— Мы из Новгорода. — Громко, но не срываясь на крик, пояснил старик. — Лекари от князя Александра. — Чумной воин на мгновение нахмурился, потом его лицо осенила некая надежда, которая, впрочем очень быстро утихла. Он понуро побрёл к небольшому окошку на воротах, трижды постучал и, что-то буркнув в открывшуюся щель, побрёл на своё место. Ворота же вскоре стали со скрипом открываться.

— А Вам, господин, я бы посоветовал скорее передать свой пост и обратиться к нам. Излечения не обещаем, но шансов всяко больше будет. — Ворота наконец полностью открылись и повозки устремились за стены неприступной крепости, оставив больного стражника в немом раздумье.

Глава 17 «Шок и трепет»

Стокгольм. 16 апреля 1507 года.

В этот вечер в одной из таверн столицы шведского королевства особенно шумно. Бесчисленное количество моряков, в этот день сошедших с множества кораблей шведского флота кутили и развлекались, не жалея денег на выпивку, женщин и не очень-то хорошую музыку. Здесь же, под прикрытием безудержного веселья и шума толпы, в самом дальнем углу заняли небольшой столик двое неприметных, одетых в тёмные плащи, мужчины. Они без энтузиазма, скорее чтобы не выделяться из общей массы, медленно осушали здоровенные бокалы с непонятным, но остро пахнущим содержимым.

— Всё как договаривались, — озираясь по сторонам сказал один другому.

— Конечно, — кивнул он в ответ, — план проще простого.

— Тогда держи, — мужчина незаметно протянул собеседнику небольшой мешочек. — Ты же помнишь? Ровно в полночь!

— Ты совсем за юродивого меня держишь? — рассмеялся он. После чего, спрятав мешочек в своём необъятном плаще, в мгновение ока стал серьёзнее. — Не волнуйся, лейтенант. Наши птички сегодня не заплутают Со мной уж точно.

Они пожали друг другу руки, пожелали удачи и, словно старые приятели после трудного рабочего дня, разошлись по домам. Однако спать никто из них не планировал. Один, накинув капюшон и проверив свою шпагу, плотно прикреплённую к бедру, отправился к гавани. Второй же, сев на лошадь, сходу ударился в быстрый галоп, лишь иногда переходящий на лёгкую рысь в моменты особенно крутых поворотов на улочках крупнейшего шведского города.

Когда луна уже вошла достаточно высоко над горизонтом, у западной стены Стокгольмского донжона, в густых зарослях кустарников небольшая группа людей, скрывшись от лишних глаз, притаилась в полной готовности. Спешившись с лошади и одним шлепком отправив её бежать дальше уже без всадника, мужчина в чёрном капюшоне присоединился к другим таким же людям.

— Мурат, ну как там в гавани? Всё тихо? — Спросил его вышедший навстречу великан.

— Всё идёт по плану, Бьёрн. — Коротко отозвался он, сверкнув раскосыми глазами. — У вас как дела?

— Тоже неплохо. — Ухмыльнулся он. — Отряд «Б» занял позиции под мостом. Как только поступит сигнал, они начнут штурм стен и откроют западные ворота. А дальше дело за нами.

— Отряд «А», проверить снаряжение. — Обратился Мурат ко всем бойцам. — Кошки, заряды, крюки, пистолеты. Всё должно быть идеально.

— Наша первая серьёзная операция. — Положив руку на его плечо, проговорил Бьёрн.

— И сразу в змеином гнезде. — Сосредоточенно добавил он.

— Так ведь больше года готовились. — Олаф усмехнулся, хотя радости в его голосе не было.

— Мы — да. А они? — Мурат указал на гвардейцев рядом и на тех, чьи чёрные накидки изредка выглядывали из под моста. Они ещё немного постояли, всматриваясь сквозь заросли на бойницы и зубчатые стены донжона.

— Западная стена охраняется хуже всего. — Озвучил всем известный факт финский

великан. — После удара с воздуха по порту страже точно будет не до этого участка. Латиняне-повстанцы заняли позиции на крышах ближе к восточным воротам. С той стороны здания стоят ближе всего к стенам.

— Этим латинянам вообще веры нет. — Сплюнул гвардеец-татарин. — Они же тоже свои, просто веры другой. Не подкачают?

— Мне кажется, язычников они ненавидят сильнее, чем нас. — Оптимистично ответил Бьёрн. — Как только полыхнёт в порту, они начнут миномётный обстрел за стены крепости.

— Почему мы вообще принимаем помощь от каких-то местных мятежников?

— Потому что у них люди есть. — Очень просто ответил Бьёрн. — У нас всего взвод гвардейцев, и тех с трудом перебросили. Ты то с комфортом летел, а мы две недели плавали под датским флагом в трюме какой-то ливонской галеры. Так вот здесь без помощи мятежников никак. Их сейчас под три сотни человек. Не воины, конечно, но стражу напрямь сумеют. А нам только это и нужно. Заходим, берём груз и уходим. С момента падения первой бомбы до нашего отхода в лес должно пройти минут десять, не больше.

— Мы дали им наше оружие, но они упражнялись с ним всего пару раз. — Вновь усомнился Мурат.

— Та мы ж им всё настроили, им останется только заряды со снарядами подкидывать, да стрелять. — Хохотнул в ответ вечно весёлый фин. — По нашему расчёту, ударят они точнёхонько по казармам, прямо по сонным свеям. Ну, ежели эти новёхонькие пушки-миномёты не подведут.

— И в этой сумятице нам предстоит работать. — Нервно прикусив верхнюю губу, проговорил Мурат.

— Так ведь вся суматоха то у восточных ворот будет. А с западными мы уж как-нибудь разберёмся.

— У вас был месяц подготовки, да и план хорош. — Устало протянул Мурат. Он редко позволял себе выглядеть уставшим, однако сейчас, перед решающим часом, весь запал и настрой на мгновение уступили место лёгкой меланхолии. — Всё должно пройти идеально.

Интерлюдия. Несколько километров к западу от Стокгольма.

На лесной опушке поздней ночью помимо луны свет давали три печи, которые неспешно выходили на рабочий темп и уголь внутри них краснел всё сильнее. Над массивными корзинами медленно стали подниматься большие шары, наполненные горячим воздухом. Каких-то десять минут и три корзины медленно отрываются от земли. Центральная, командная, связана с двумя другими длинными канатами.

— Ветер попутный, крен минимальный, ложимся на указанный курс. — Будничным голосом сказал второй пилот центральной корзины, не отрываясь от разложенных на небольшом столике карты.

— Отлично. — Сказал капитан. — Передай ведомым, пусть следят за канатами и высотой. До Стокгольма идём на высоте четыреста.

— Так точно! — Ответил второй пилот и, взяв из под стола два ярких флажка, отсемафорил команды на оба ведомых шара. Воздушные суда очень быстро набрали нужную высоту, после чего в печи перестали подавать жар и, подхваченные попутным ветром, звено стало сокращать расстояние до шведской столицы.

Примерно через двадцать минут внизу показались редкие огоньки большого города. Командир звена отдал команду на снижение. Второй пилот передал указания двум соседям, после чего потянул за верёвку клапана в верхней части шара и горячий воздух постепенно

стал выходить наверх, плавно опуская воздушный шар к земле.

Огней на летательных аппаратах не зажигали, а все участки в печах, через которые проходил свет, на подлёте к городу плотно закрыли — воздух внутрь подавался только через меха. Также сохранялось полное молчание, а все семафорные команды яркими флажками закончили, как только пропал свет от печей. Маскировку соблюдали во всём, в чём только возможно. И всё это для того, чтобы подлететь к городу на сравнительно небольшой высоте незамеченными.

— Капитан, прямо по курсу Стокгольмский замок. Около версты, едва ли больше. — Отчитался помощник капитана. Тот же в ответ лишь посмотрел на луну, услужливо скрывшуюся за облаками и, улыбнувшись уголками губ, едва заметно кивнул.

— Готовь зажигательные и жди команды, сержант. — С азартом произнёс он, вглядываясь в подзорную трубу. — Сбросим всё одним заходом и уйдём в основную зону посадки.

Они пролетели над крепостными стенами на высоте, на которой в теории до них могли достать арбалетный выстрел. Однако никакой реакции снизу не последовало, а значит, звено воздушных шаров осталось незамеченным. Самый опасный участок остался позади и сейчас они летели над спящим городом. Различать что-либо было возможно только по редким огонькам внизу — то ли факелам патрулирующей стражи, то ли хаотично разбросанным фонарям.

Но вот впереди показался необычный свет. Не жёлтый, какой исходил обычно от огня, а зелёный. Он едва заметно мерцал прямо в том месте, где городские огни вдруг обрывались. Это было сигналом и ориентиром того, что звено подошло к побережью, а зелёный факел, пламя которого мерцало необычным светом из-за какого-то порошка, созданного размыслами на княжеской мануфактуре, указывал на место, где заканчивалась суша и начиналась водная гладь с разбросанными на ней очень плотно друг к другу кораблями шведского флота.

Капитана не волновало то, каким образом огонь может быть зелёным. Сейчас он был сосредоточен. На люке в полу корзины воздушного шара. Тот был достаточно широким и капитан рассчитывал увидеть в него тот самый сигнальный огонь. И, когда он наконец показался, первый пилот шара махнул рукой.

— Давай! — И его помощник одним ударом огнива зажёл факел, пропитанный спиртом, а от него стал поджигать округлой формы стеклянные бутылки, в горловину которых так же была вставлена пропитанная моментально вспыхивающей жидкостью. Подождённые сосуды бесшумно улетали вниз через люк один за другим. На соседних шарах экипаж делал то же самое. Некоторые снаряды обидно падали в воду, но большинство смогли угодить напрямиком на сухие палубы галер, там же разбиваясь и выплёскивая наружу смесь масла, нефти и много чего ещё, о чём молодому капитану, увы, было неизвестно. Однако что ему было точно известно, так это то, что такая смесь очень хорошо горит и моментально вспыхивает. И сейчас в тех местах, где снаряды всё же угодили в корабли противника, начал расплзаться местный филиал ада: парусина, сложенная на время стоянки в порту, вспыхивала и сгорала в считанные секунды, высушенные доски медленно, но верно разгорались, пытаясь поглотить судно целиком, а мачты, не выдержав напора огня, падали, издавая при этом леденящий душу скрип. По два десятка стеклянных снарядов сбросило в эту ночь звено воздушных шаров. В общей сложности каждый шар выбросил четыре пуда зажигательной смеси, из-за чего лишённые этого балласта шары стали быстро набирать

высоту. И хотя не все из снарядов попали в цель, поставленная задача была успешно выполнена.

Город озарился заревом пожара. Весь порт словно осветился маленьким, но очень ярким солнцем. Простые граждане и матросы выбегали на берег, метались туда-сюда, но ничего не могли поделать с огнём, который уже перекинулся практически на все корабли и сейчас угрожал причалам и постройкам на побережье. И только ветер, дующий в сторону моря и принесший жителям города с запада эту огненную смерть, смог уберечь Стокгольм от пожара.

Лишь немногие, выбежавшие на берег в самом начале, смогли заметить в свете разгорающегося пожара три силуэта, летящих по воздуху и медленно удаляющихся на восток и вверх. Большинство посчитало, что им почудилось, а те, кто решался об этом говорить, попадали под осуждающие возгласы: сначала католиков, а после и язычников.

Интерлюдия. Западные ворота.

Штурм обескровленный стен, отработанный гвардейцами не один десяток раз, прошёл успешно. Единичные очаги сопротивления, в виде, немногочисленной стражи почти моментально подавлялись выстрелами из арбалетов, а начавшийся обстрел восточных ворот создал необходимую шумовую завесу, под которой действия группы «Б» остались незамеченными.

— Быстрее, у нас всего несколько минут, пока у латинян не закончились снаряды! — Подгонял своих бойцов Бьёрн.

Мурат же, раскрыв подзорную трубу, стал вглядываться в окна замка. Местоположение цели он определил сразу: большой освещаемый балкон одиноко выпирал из каменной кладки донжона.

— Интересно... — Прошептал он.

— Ну что там, видишь цель? — Нетерпеливо спросил Бьёрн.

— Очень нехорошо, госпожа. — С улыбкой протянул Мурат, не отрываясь от трубы. — Цель вижу, работаем по плану.

Вся группа захвата ворот из двадцати бойцов осталась охранять единственный путь отхода, а отряд «А» из десяти человек вместе с Муратом отправились на штурм цитадели.

— Отряд А-один — готовьте кошки и заходите через балкон. — Негромко скомандовал лейтенант. Четверо гвардейцев отделились от основной группы и, на бегу снимая с плеч увесистые рюкзаки, стали готовить крюки и канаты. Ещё семеро, включая самого Мурата, направились к единственному входу в донжон. Держа наготове арбалеты и укороченные, заряженные картечью ружья, отряд под прикрытием темноты подобрался прямо к воротам. Двое стражников, одетых в смесь латных и кожанно-кольчужных доспехов не успели издать ни звука, как в грудь каждого из них прилетело по паре тяжёлых арбалетных болтов. Остывающие тела гвардейцы оперативно оттащили в тень, факела у ворот входа затушили.

Внутри донжона, как и ожидалось, стражи почти не встретилось. Гвардейцы быстро продвигались вверх по винтовой лестнице, иногда вступая в короткие стычки, но стараясь лишней раз не палить из ружей. Перед последней и нужной отряду дверью пришлось вступить в бой с целой пятёркой тяжело вооружённой охраны. Благо несколько идущих один за другим выстрелов из дробовиков быстро собрали в тесной комнате свою кровавую жатву и гвардейцы без потерь пробились к нужной двери.

Массивные двустворчатые резные двери скорее напоминали скорее ворота.

— Уберите дробовики, в комнате есть ещё один человек помимо нашей цели. —

Скомандовал Мурат. — Возможно сопротивление, так что работаем аккуратно, стараемся не задеть цель.

— Господин лейтенант, двери закрыты изнутри! — Рядовой указал на небольшую щель. Было видно, что створки и правда заперты на засов.

— Ставьте пробивные заряды посередине. — Быстро сориентировался Мурат. — В том месте, где проходит засов.

Вскоре всё было готово и рядовой поджёг фитиль пробивного заряда. Отряд отошёл подальше от двери, несколько томительных секунд ожидания... Звонкий хлопок прозвучал в тесном коридоре на мгновение оглушив Мурата и, наверняка, всех остальных гвардейцев даже не смотря на то, что они пооткрывали рты, дабы снизить нагрузку на уши.

Однако цель была достигнута: хлипкий засов не выдержал направленного взрыва и разломился, оставив в дверях внушительных размеров отверстие. Когда дым рассеялся, гвардейцы отточенным броском ворвались в просторные королевские покои. В ещё не успевшей осесть пыли перед ними предстала очень сложная ситуация: мужчина, стоя спиной молодой девушки, приставил нож к её горлу и медленно пятился назад, к балкону. Он что-то лепетал на шведском, однако Мурат, который хоть и успел овладеть основами этого языка, понимал лишь общую суть: средних лет мужчина был явно настроен серьёзно и не намеревался сдаваться.

Они простояли так несколько мгновений: наведя на противника всё своё оружие, в немой готовности спустить курки. Однако Мурат во время заметил, как за край балкона ухватилась сначала одна, затем вторая, а после и несколько других рук. Он показательно швырнул свой пистолет на просторную кровать и приказал гвардейцам сделать то же самое. Те вначале не поверили своим ушам, однако, похоже, так же заметив прибывшую так кстати подмогу, вскоре выбросили всё своё оружие. Мурат стал заливать что-то про добровольную сдачу и даже склонил голову на милость «победителя». Швед, похоже, проникся и даже подался вперёд. Однако в это же мгновение чуть слышно скрипнула дверца балкона и через мгновение послышался глухой удар и звук упавшего на пол тела. Мурат поднял голову. Группа, заходящая с балкона, успела как раз вовремя. Буйный офицер неподвижно лежал на полу с покрасневшим затылком, а девушка, которую он взял в заложники, испуганно забилась в угол и лепетала что-то на шведском.

Гвардейцы быстро схватили своё оружие и общими усилиями сдвинули тяжеленную кровать к дверям.

— Отлично, это их задержит. — Сказал Мурат. — Кто-нибудь здесь владеет шведским в должной мере?

— Я, господин. — Откликнулся сержант, обезвредивший опасного противника.

— Спроси у неё, в порядке ли она и что это за шайтан ей угрожал.

— Э-э... — Сержант на секунду замялся, но вскоре всё же перевёл фразу лейтенанта, заменив «шайтана» на «нехорошего человека». — Она говорит, что с ней всё нормально, а этот... Человек — генерал Стокгольмского корпуса.

— Интересно, что генерал делал в столь поздний час в её покоях? — Усмехнулся Мурат. — Это переводить не надо! — Он оборвал сержанта, когда тот уже с серьёзным лицом набирал воздуха в грудь. — Он, конечно, не наша цель, но такую важную шишку можно и захватить.

— Это вряд-ли, командир. — Раздосадованно сказал рядовой с лекарской сумкой, проверяющих генерала. — Свей явно двухсотый — уж больно хорошо сержант

приложился. — Здоровенный рубака, лишь немного уступавший Бьёрну в размерах, стыдливо пожал плечами.

— Что по бумагам? — Окликнул лейтенант трофейную команду из двух бойцов в другом конце комнаты.

— Тут только письма, командир!

— Берите всё — потом разберёмся.

В этот момент за дверью раздалось множество голосов, а в следующее мгновение что-то тяжёлое ударило по ставням.

— Таран приволокли. — Догадался один из гвардейцев. — Ну сейчас я им... — Он снял с пояса небольшую чугунную бомбу и уже готовился подпалить фитиль от ближайшей свечи.

— Отставить, рядовой! — Скомандовал Мурат. Он протянул ему два железных цилиндра с кольцами на верёвочке. — Взрыв разнесёт дверь, лучше газ. — Боец с благодарностью принял шашки и, активировав их, просунул в отверстие, образовавшееся после взрыва. Вскоре удары прекратились.

— Это не надолго. — Хмуро сказал Мурат. — Скоро здесь будет половина шведской армии, так что нам надо убираться как можно скорее.

— Господин лейтенант, канат до западных ворот протянут! — Отчитался сержант. И правда: от балкона, выходящего прямо на западные ворота, захваченные группой «А», в короткие сроки натянули канат, по которому можно быстро ретироваться.

— Отлично! Пакуем цель и готовимся к спуску. — Гвардейцы, скорее из уставного порядка, чем из реальной безопасности, связали девушку и, заткнув ей рот, надели на голову мешок, стараясь не сильно его затягивать, во избежание повреждений ценного груза.

Вскоре весь отряд, кроме Мурата, пересёк канатную дорогу и успешно переправил через неё уже не сопротивляющуюся цель. Сам лейтенант, как и положено офицеру, контролировал процесс отхода своей группы под нескончаемый грохот ударов тарана о двери. Когда пришла очередь самого лейтенанта, он встал на карниз и уже готовился к спуску, как вдруг услышал, как ломается толстая дубовая дверь под напором множества стражников.

— Ну нет, уходить надо красиво. — Злобно оскалился он и снял с себя пояс с полудюженой чугунных бомб, собранных со всех бойцов отряда. Подпалив о рядом стоящий факел несколько из них, Мурат что есть силы швырнул всю связку обратно в комнату и, оттолкнувшись от карниза, стал спускаться вниз, попутно подметив полыхающее зарево на востоке. И это было вовсе не восходящее солнце. Он преодолел большую часть пути, когда за его спиной раздался мощный взрыв и крюк, прицепленный к ограде балкона, сорвался вместе с разлетевшимися кусками камня. До земли оставалось всего несколько метров и лейтенант, успев сгруппироваться, безболезненно приземлился на утопанный грунт, смягчив падение отработанным кувырком.

Весь отряд быстро добрался до ворот, у которых развернулся неравный бой трёх десятков стражников с группой Бьёрна. Гвардейцы вместе со здоровяком-финном активно отбивались, однако тяжело вооружённые солдаты их постепенно теснили. Ударившая в тыл и фланг атакующих группа Мурата подоспела как раз вовремя. Бойцы в упор разрядили свои дробовики и арбалеты, после чего схватили шпаги и без раздумий вклинились в строй противника. Ситуация перевернулась и теперь уже шведские латники, теряя одного солдата за другим, стали отходить, а после и бежать прочь от одетых во всё чёрное, будто вестники смерти, гвардейцев.

— Рад тебя видеть, дружище. — Тяжело дыша и держась за кровоточащее плечо, с улыбкой проговорил Бьёрн.

— Потери есть? — Озираясь по сторонам и не глядя заряжая свой арбалет, спросил Мурат.

— У меня два двухсотых. — Раздосадовано буркнул он. — И ещё пятеро трёхсотых. Гады застали нас врасплох, пришлось давать открытый бой.

— Всё нормально, ты сделал, что смог. — С пониманием произнёс Мурат. В этот момент к воротам подъехали три крытые повозки. Дверцы в задней части были переделаны под одну аппарель, а в верхней части разместили углубление с кучей навоза и прочих отходов. Внешне эти повозки мало отличаются от простых крестьянских телег, а стража навряд-ли захочет копаться в неприятной массе в поисках преступников. Внутри же повозка мало чем отличалась от тех, что производили на мануфактурах в Новгороде.

— Грузите раненых и убитых. — Громко скомандовал Бьёрн. — Мы никого здесь не оставим!

Через час конвой, который разделялся на время, чтобы выехать из города без подозрений, наконец объединился и направился к побережью южнее всполошённого Стокгольма. Солнце уже несмело выглядывало из-за горизонта, когда вдалеке показалась галера. На передней мачте у неё развевался флаг нейтральной Дании, а на второй — синее полотно.

— Это наш корабль. — Облегчённо выдохнул Мурат, сидящий рядом с возничим.

Ещё через пол часа весь взвод Бьёрна погрузился на галеру. Лишь двое гвардейцев-сержантов остались вместе с Муратом и похищенной девушкой на берегу.

— Уверен, что не хочешь отправить её с нами? — Ещё раз спросил Бьёрн.

— Уверен. — Твёрдо ответил Мурат. — По воздуху будет надёжнее, а до зоны посадки едва ли больше версты отсюда.

— Ну ладно. — Кивнул финн и протянул другу единственную здоровую руку — вторая была забинтована и безвольно висела у груди.

— Увидимся в Новгороде. — Ответил на рукопожатие Мурат.

Галера отчалила, а Мурат вместе с охранением и целью всей операции побрёл вдоль побережья по хвойному лесу, иногда бросая взгляд на стремительно удаляющееся судно.

— Как Вы себя чувствуете, Ваше высочество? — От скуки поинтересовался лейтенант на ломанном шведском языке.

Глава 18. «Почти морской почти флот»

20 апреля 1507 года.

Селение возле границ Федерации и Московского княжества.

В этот тёплый весенний день жизнь в средних размеров деревушке шла своим чередом. Земля уже полностью избавилась от снега и крестьяне постепенно готовились к посевному сезону. Тишину сельской жизни оборвал топот множества копыт. Дюжина всадников приближалась к деревне с севера. Люди заметили их достаточно рано и когда одетые все как один в чёрное люди вошли в деревню их встречал не один десяток крестьян, испуганно толпящихся по краям главной улицы села.

— Чем дальше на юг, тем хуже. — Негромко, так, чтобы слышали только свои, проговорил идущий первым всадник.

— Так это ж хорошо. — Чуть слышно усмехнулся второй. — Чем беднее народ, тем больше он хочет жить лучше.

— По уставу мы ко всем относимся одинаково.

Они прошли ещё с десяток метров, после чего первый всадник поднял руку в локте и весь отряд остановился.

— Слушайте, слушайте! — Громким голосом начал командир. — Мы прибыли к вам из земель Новгородских, дабы избавить вас от помещичьего произвола, рабского труда и плохого отношения! — В этот момент отряд спешил и все солдаты стали доставать из наплечных сумок большие прямоугольные листы бумаги с напечатанными на них простыми и понятными рисунками практически без текста. — Вас заставляют трудиться на чужой земле. Заставляют отдавать свой хлеб и честно заработанные трудом деньги. — Часть листовок отработанными движениями оказались прибиты к заборам, а другая часть пошла в руки людей. Не умеющие читать крестьяне легко понимали недвусмысленные рисунки, на которых богатые дворяне всячески издевались над бедными крестьянами. — Но если вы хотите жить, а не выживать. Если вы хотите сытой жизни себе и своим детям. И если не желаете кормить жирные рты каких-то царских свиней. — Говорящий выдержал небольшую паузу, чтобы толпа как бы подалась поближе к нему, дабы слышать волнуемый их ответ. — Тогда собирайте вещи и идите на север. Совсем не далеко отсюда стоит полевой лагерь княжеской гвардии. Там вы получите еду, тёплую одежду и защиту от всех угроз. Но что самое главное — вам предоставят честную работу. В кузницах, на полях или лесопилках. Кто где горазд. Но за свой труд все будут щедро вознаграждены.

Растущая толпа заволновалась. Казалось, вся деревня высыпалась к гостям с севера. Всё больше листовок разошлось по рукам людей и всё чаще слышались радикальные выкрики. Но вот открылись со скрипом ворота поместья в сотне метрах от собравшегося митинга. Со двора местного дворянина выехала ещё одна группа всадников. Все в толстых сюртуках и меховых шапках с саблями на поясе и копьями за спиной. И лишь сам дворянин вышел в блестящей на солнце кольчуге и таком же сверкающем шлеме. Гвардейцы в одно мгновение вернулись по сёдлам и выстроились полукругом в сторону предполагаемого неприятеля. В руках показались пистолеты и оголённые шпаги.

— Что на это говорит устав, сержант? — Взводя курок, спросил рядовой.

— Уставе всё чётко прописано, — Улыбнулся командир отряда. — В случае угрозы для жизни солдат в праве применять все возможные средства для защиты.

— Ну средств то у нас в достатке. — Он одним движением вынул из ножен шпагу и поудобнее уселся в седле. Между двумя кавалькадами осталось не более полусотни метров.

— Отделение, приготовиться к огневой атаке! — Раскатистым басом приказал усатый сержант. Отряд развернулся прямой линией к неприятелю. — В огневую атаку, строевой рысью, марш! — Отряд синхронно двинулся вперёд, медленно набирая скорость. — Готовьсь! — Гвардейцы согнули левые руки с пистолетами на уровне лица. — Цельсь! — Стволы всех двенадцати пистолетов разом взглянули на набегающий отряд помещика. Те, видимо, заподозрили неладное и уже взяли в руки сабли с копьями. Дистанция не превышала скромных пятнадцати метров, когда сержант отдал финальную команду. — Пли! — Слитный звук дюжины выстрелов разлетелся по округе. Окутанный дымом отряд тут же вылетел из облака и едва не налетел на в панике разбегающихся лошадей, лишившихся своих хозяев.

Интерлюдия. Новгород.

Наконец-то город начал оживать. В порту вновь стало шумно и тесно от множества людей на земле и такого же множества кораблей на воде. Да уж, похоже с месяцем карантина я явно погорячился. Но лучше уж было перестараться и временно лишиться денежного ручейка из торговли, чем после разгрести многочисленные жертвы самой смертоносной болезни прошлого. Вести, приходящие из Пскова, не внушали оптимизма: в крупных селениях люди вымирали сотнями. В деревнях всё было спокойнее, однако и там были жертвы.

Повезло псковскому князю, наверное, лишь в том, что буквально за неделю до эпидемии мы начали плотное сотрудничество: формируемые в его землях полки нового образца тут же попадали под командование гвардейцев и направленных мною офицеров, а потому дизентерией и чумой в военных лагерях и не пахло.

Большую помощь оказала и группа врачей. Они несли не столько фактическую помощь (всё же лекарства от чёрной смерти у меня не было), сколько знания. Болезнь нельзя вылечить, однако можно прекратить её распространение. Этим и занялись ученики недавно сформированной медицинской академии под руководством старого травника. Уже через пару дней ситуации во втором городе федерации начала стабилизироваться. Не без помощи завезённых кошек поредевшему народу удалось избавиться от расплодившихся грызунов, а значит и от блох — главных переносчиков опасной болезни. Конечно, эти самые блохи могли перепрыгнуть и на кошек, однако этот момент был продуман — все животные были под ноль, в стиле солдат-срочников.

Однако у разразившейся эпидемии были и плюсы. Во-первых злосчастный Олаф на вряд-ли станет подвергать свою армию опасности и не двинется через болезненный город. А во-вторых правдоподобная и, в общем-то, верная теория о блохах, как о переносчиках заразы моментально убедила как городское, так и сельское население Пскова в необходимости тщательной гигиены и отказа от растительности на лицах.

Были пострадавшие и на нашей территории — в Ладого и других поселениях, через которые шли торговые суда, карантин или был введён слишком поздно, или и вовсе был проигнорирован удалёнными от столицы наместниками. В любом случае все те, кто отвечал за передачу указаний и их исполнение, были с невиданной гуманностью переведены на другие, менее значимые должности в самых далёких уголках государства.

В землях Ливонского ордена, как ни странно, чума практически не свирепствовала. Это стало причиной череды вторжений со стороны Швеции на северном побережье Ливонии.

Похоже, пандемия охватила скорее территории южнее Новгорода и пришла она, похоже, со стороны Москвы. Впрочем, сейчас на ушах стоит вся восточная Европа, от Варшавы до Перми. От Ладоги до Крыма. Не знаю точно, какие масштабы жертв там, однако мы, похоже, отделались лёгким испугом.

Что же до ситуации со шведами, то тут ситуация весьма неоднозначная: с одной стороны Олаф лишился уже почти половины своего флота, а если операция в Стокгольме прошла успешно, то и того больше. Однако с другой язычники всё ещё сохраняют превосходство в сухопутных войсках. Померанская конница, французские латники, швейцарская пехота, итальянские мушкетёры. О ком только мне не докладывала разведка. Конечно, данные эти получены из разговоров в шведских трактирах и лишь иногда из редких документов. Однако масштаб там, безусловно, впечатляющий. А не так давно мы наконец узнали, откуда у Олафа деньги на весь этот шведский стол из солдат всех мастей. Американское золото, каким-то чудом переместившееся на другой конец планеты так же, как и серебро, которое мы добываем, угодило прямо в юго-западную Финляндию. Там король и собирает войска для вторжения в Прибалтику.

Сейчас же, оставив все размышления о будущем, я двигался верхом по улице, проходящей вдоль портовых доков. На ожившую торговлю было приятно смотреть. Однако путь мой лежал не в торговую гавань. Мы с моим привычным конвоем из десятка черномундирных гвардейцев проехали вдоль крепостной стены слева и вдоль реки справа и выехали на окраину города. Здесь, прямо под высокими стенами расположились бок о бок десятков высоких и длинных построек, в которых всю зиму кипела работа.

Подъехав поближе, я сразу заметил Максима. Тот вскоре тоже заметил нашу кавалькаду и двинулся навстречу.

— У нас всё почти готово. — Радостно сообщил он.

— Отлично! — Поддержал я его настроение. — Когда спуск?

— Да хоть щас! — Усмехнулся Макс. Он махнул рукой человеку у ближайшего здания и тот юркнул внутрь. Вскоре массивные ворота открылись и внутри стал раздаваться всё нарастающий скрип. Прямо в воду по разложенным на берегу брёвнам съезжала относительно скромных размеров галера. Всего метров тридцать в длину, она не создавала какого-то эффекта нереального колосса. Однако, я всё же открыл рот от удивления и охватывающего меня восторга, когда корабль, наконец стянутый двумя десятками мужиков в воду за канаты стал невозмутимо покачиваться на волнах. Низкая осадка позволяла галере уверенно держаться на плаву едва ли не у самой отмели. Пока без мачт и парусов, без вёсел в специальных отверстиях и без пушек, для которых так же предусмотрены места. Однако это был первый достаточно крупный корабль, который на воду спустило новое государство.

За первым длинным сараем стали открываться и остальные. Один за одним в воду стали спускать корабли и уже через несколько минут десять галер покачивались на волнах неспешного речного течения. Всю зиму рабочие старательно копировали разобранные по гвоздикам закупленные галеры самых разных форм, размеров и стран-производителей. Почему именно галеры? Это отличные корабли для речного судоходства, способные развивать неплохую скорость даже в безветренную погоду и при этом обладающие отличной манёвренностью. Их можно использовать в качестве поддержки сухопутных войск или для незаметного десанта на вражеской территории. Их маленькая осадка позволяет без проблем подходить к самому берегу, а относительно низкая стоимость производства и содержания окончательно утверждает галеры основой нового флота.

— И всё же как-то несолидно. — Почесав затылок, сказал Максим.

— Что ты имеешь ввиду? — Нахмурился я.

— Ну знаешь, корабли то неплохие получились, вот только много пушек на них не поставишь. Тут у каждой всего по дюжине орудий. По бортам всего по пять штук, да в носу два.

— Большим линейным кораблям не место в реке. — Я тяжело вздохнул, всё же мысленно согласившись с Максом. — Да, флоту нужен флагман. Мощный, монструозный... Гордость народа, так сказать.

— Ага, Бисмарк шестнадцатого века. — Усмехнулся мой друг. Я искренне удивился, узнав о том, что он слышан об этом линкоре второй мировой.

— Ну нет, историю этой немецкой вундервафли лучше не повторять. Всё же в Бисмарка слишком много вложили и его потеря оказалась очень тяжёлой. — Я задумался, решая в голове несложную логическую задачу. Ведь если нам нужен флагман, но мы не хотим вкладывать в один корабль слишком много, значит...

— А что если построить несколько флагманов? — Опредил мою мысль Макс.

— Это... Хорошая идея. — Я воодушевлённо забегал глазами ища возможные варианты не столько вокруг, сколько в своей голове. — Можно сделать несколько кораблей, которые имели бы сильные отличия. Например, у одного нарастить броню.

— А в другого засунуть сотню пушек! — Подхватил он мою речь.

— Ещё один сделать сверхбыстроходным.

— А на четвёртый поставить ракеты вместо пушек! — Пока что всё это были лишь мысли, не имеющие за собой даже научного фундамента. Однако идеи были внешне весьма перспективными. Ведь это именно то, что нам нужно — не имеющие аналогов в мире варианты, которые способны поставить в ступор врага не столько своей эффективностью, сколько необычностью. Никто до нас в этом мире не запускал воздушных шаров, не строил ракетных установок, которые хоть и имели посредственную точность, всё же внушали страх даже в тех, кто ими управлял.

— Строить всё это придётся у моря — в реке такие суда рискуют сесть на мель. — Всё же я спустил Макса с небес на землю.

— Я понимаю, — С досадой в голосе вздохнул он. — Да и мастера пока что руку толком не набили.

— Надо обезопасить побережье финского залива, а потом начинать строительство верфей.

— За флотом наше будущее. — Серьёзно сказал Максим.

— Уже настоящее. — Улыбнулся я, переводя взгляд на медленно уходящие в сторону причала галеры.

Вечером того же дня все высокопоставленные лица в городе и его окрестностях собрались на привычный еженедельный совет. Тщательно проветриваемый зал заполнили десятки людей и тут вновь стало слегка душновато. Здесь были управляющие всех мануфактур, командиры всех структур гвардии, инженеры и учёные всех мастей. Отдельной кучкой расселись и пятеро полковников, серым пятном мундиров выделяющиеся из общей разноцветной массы.

Я ударил небольшим молоточком в стоящий рядом колокол и вездесущий звон мигом вытеснил монотонный бубнёж, освободив место для приятной слуху тишины.

— Итак, господа, всех приветствую на очередном княжеском совете. — Все поголовно

чуть заметно приветственно кивнули. — Сегодня днём в город пришло письмо из Риги. Наши Ливонские друзья интересуются, когда мы придём к ним на помощь, ведь шведы уже осадили Ревель и взяли несколько крепостей на севере. — На лицах многих возникли ехидные улыбки.

— Пускай ждут, латиняне! — Выкрикнул кто-то и большинство подхватило эту мысль. Я вновь ударил в колокол и шум нехотя прекратился.

— Ну что же вы, господа советники! — Не без иронии в голосе осудил их я. — Мы ведь заключили союз с орденом и наш долг — выступить на помощь братьям-христианам в борьбе с язычниками. Правда... Не ясно, когда именно мы можем выступить. — Я едва заметно улыбнулся, но сохранил досаду в голосе. — Ведь идти нам придётся через Псковские земли, а они, как известно, страдают от чумы. — Совет поддержал меня одобрительным гулом. — Впрочем, наша армия готова и прибывший гонец в этом убедился. Я уверен, он в подробностях расскажет своему магистру и про холод наших штыков, и про жар наших пушек. Так ведь, Григорий? — Я обратился к бывшему сотнику и нынешнему полковнику, который поддержал меня в самом начале революции. Он быстро освоился в новой доктрине и сейчас весьма успешно командовал первым полком.

— Не сомневайся, княже. — Почтенно склонил голову он. — Всё гонцу показали, как есть, без утайки. Ну, кроме того, что покамест нельзя показывать, конечно. — Григорий широко улыбнулся и многие советники от души рассмеялись простой шутке.

— Что же, в таком случае идём дальше. — Я пробежался глазами по нескольким листам с отчётами о производстве. — Господин Берnard, как работают мануфактуры? — Я скользнул взглядом по рядам советников и быстро нашёл среди них тучную фигуру Жака.

— Всё идти по плану, месье государь. — По-дворянски склонил голову он. — Смеею заявить, что ружейная, пушечная, пороховая, суконная, клинковая, ракетная и повозочная фактуры работать без нареканий. — За все эти месяцы Жак так и не сумел избавиться от коверканья слов и постоянного ударения на последний слог. Однако в остальном работа главы военной промышленности меня устраивала.

— Хорошо, а что у нас с гражданским производством? — С места поднялись сразу двое: Оскар, отвечающий за передовые сферы, такие как стекольная и химическая отрасли и Тихон, который организывает более приземлённые производства, привычные людям этого времени.

— Всё есть ужасно, герр Государь! — В сердцах воскликнул Оскар. Всеми своими датско-немецкими корнями он высказывал искреннее негодование. — Герр Берnard забирает у меня всех кузнецов, всех мастеров вместе с подмастерьями! И только я обучу азам алхимии класс учеников, как они тут же убегут работать в помощники к этим грубым оружейникам! — Жак уже хотел что-то ответить, однако я его опередил.

— Не стоит так волноваться, господин Ларсен. — Успокоил я главного химика в городе. — Да, на жалование работникам военных фактур сейчас уходит больше денег. Но Вы же прекрасно понимаете, как наша армия сейчас нуждается в снаряжении. Уверяю Вас, уже к концу лета мы пересмотрим расходы в Вашу пользу. — Выслушав меня, датчанин всё же смиренно кивнул и сел на своё место. — Господин, Тихон, а как дела на более простом производстве? Тоже нехватка людей?

— Да, честно сказать, государь, это, конечно, имеется, — Усмехнулся бойкий старичок. — Однако ж покамест держимся. Строгаем, лепим, обжигаем. В общем, работа полным ходом идёт. — Я скользнул взглядом по отчётам, где так удобно разместились

строки дохода предприятий под руководством Оскара и Тихона. Как и ожидалось, высокие технологии первого оказались практически бесполезны без людских ресурсов. А вот на производствах Тихона особых навыков не требовалось и шли туда, похоже, не самые выдающиеся кадры. Поэтому за последний месяц доход простых производств обогнал доход сложных почти на тридцать рублей, что даже в масштабах постоянной инфляции выглядит весомо.

От обилия цифр и информации голова слегка загудела, входя в привычный рабочий ритм. Ещё долго мы обсуждали все самые насущные вопросы, как вдруг прямо посреди бурного совещания в зал ворвался взъерошенный парень в белом халате лекарской школы. Он распахнул дверь с такой силой, что та ударилась о стену и громогласный удар наполнил комнату. Все замолчали и уставились на источник шума. Я напрягся и даже привстал со своего места, ведь причина появления в зале совета простого курсанта-медика мне была понятна. Оглядевшись по сторонам и открыв от изумления рот, парень испуганно сглотнул, но всё же сделал шаг вперёд.

— Господин государь, госпожа княгиня...

— Я понял! — Перебил его я, взлетая со своего места и, едва не срываясь, на бег двинулся в сторону выхода. — Совещание считать завершённым! — Уже вылетев из зала круглого стола, прокричал я себе за спину.

Глава 19. «Катарина»

5 мая 1507 года. Таллин. Ревельская крепость.

— Brand! — Короткая команда растворилась в грохоте десятка пушечных выстрелов. Пристрелявшись, артиллеристы били уже без промаха, порой даже намеренно выцеливая слабые места в стремительно разрушающейся стене.

Шведская армия, окружив Таллин, крупнейший город в северной части Ливонского ордена, с каждым днём всё ближе подбиралась ко взятию самой неприступной крепости в регионе. Монструозные стены Ревеля уже не казались смешанной армии такими уж грозными. С каждым залпом от некогда монолитного слоя отваливались куски камня и, казалось, вот-вот и развалится на части одна из последних преград на пути к желанной Риге.

В королевском шатре Олаф собрал всех своих офицеров. Почти не затихающая канонада наверняка помешала бы их совещанию, если бы не тот факт, что шведский король предпочёл остановиться на самом краю города, подальше от непокорной крепости. Настроение в штабе царило приподнятое. И даже сам Олаф, обычно находившийся в состоянии глубокой задумчивости, сейчас активно поддерживал беседу со своими генералами. Они говорили на смеси шведского, германского и датского языков, однако все друг друга отлично понимали.

— Вот сейчас Ливонцев на место поставим — и на Новгород. — Развалившись на стуле, протянул командующий кирасирским корпусом. Его поддержал одобряющий гул. Все: и шведские генералы и командующие иностранными наёмниками поддержали мысль, озвученную ещё в начале весны, перед тем, как объединённая армия пересекла финский залив и вторглась в неожиданно ставшей враждебной Ливонию.

— Не стоит так спешить, полковник. — Ровным басом прервал веселье Олаф. — Русские слабы, на их землях наверняка бушует чума, а помимо Ливонцев, против нас выступили и Тевтоны. — Молодой командир обиженно фыркнул и отвёл взгляд, но спорить с грозным королём не решился.

— Позвольте заметить, Ваше величество, — Осторожно поднял руку наёмник из числа германских артиллеристов. — Всё же Вы, похоже, недооцениваете русского медведя.

— Медведя? — Олаф позволил себе еле заметно улыбнуться. Даже когда Русь была единой, она больше напоминала ежа. Колючего и неприятного. Однако, в общем-то, безобидного.

— И почему же Вы не раздавили ежа в прошлый раз? — Этот вопрос обозначил полнейшую, гнетущую тишину. Никто в шатре не решался сказать ни слова. Более того — все ожидали скорой расправы над безрассудным католиком-наёмником. Однако Олаф сохранил самообладание.

— Русские воины воют по-старинке. — С холодным спокойствием в голосе начал он. — Пытаются смять конным наскоком, пушками бьют редко, обычно по крепостям. Я видел, как они воевали раньше. Почти не думая, грубой силой. Но два года назад всё было иначе. — Король задумчиво посмотрел сквозь своего собеседника, погружаясь в воспоминания. — Мы отбросили их тогда в первой битве. Тогда они как обычно рванули вперёд, оголяя фланги. Но небольшой отряд конницы как-то пробрался к нашим орудиям и мы лишились трети всех пушек. Однако, они понесли большие потери. Мы должны были настигнуть их через пару дней и добить, но... — До того всегда уверенный в своих словах, Олаф вдруг замялся. — Потом это были как будто не русские. Как будто... Римский легион из древних свитков. —

Католические наёмники, сидевшие отдельной группой, шумно зароптали, однако стоило королю блеснуть в их сторону цепким и холодным взглядом, как они замолчали.

— Что вы имеете ввиду? — Всё де спросил тот самый любопытный командир артиллерии.

— Мы думали, что множество раненых задержат их. Но они... Они словно стали быстрее. Проходили огромные расстояния, шли как будто без остановки. Днём мы шли, а ночью нам досаждала их конница. Но это были не обычные русские всадники. — Олаф смутился, задумался, пытаясь подобрать нужные слова. — Они появлялись из неоткуда, творили, что хотели, а потом скрывались без следа.

— Так они что... В итоге просто убежали? — Нахмурившись, спросил один из немолодых наёмников.

— Нет, мы их догнали. — Серьёзно проговорил король. — Их небольшой отряд врос в землю в очень удобной позиции. Они просто выкопали себе крепость из грязи на ровном месте! Я оставил небольшой отряд, чтобы с ними разобрались, а сам с армией двинулся в обход. Но было уже слишком поздно. Пока мы бегали по этим лесам, к русским подошло подкрепление и они просто задавили нас числом.

В шатре повисла звенящая тишина. Немногочисленные шведские офицеры, которые принимали участие в той компании, даже не поднимали глаз.

— Но сейчас Новгород слаб. — Сменил настроение Олаф. — И мы разобьём их без труда!

— У меня есть знакомые торговцы, что ходят в Новгород. — Вновь подал голос недоверчивый германец. — Говорят, там сейчас время больших перемен.

— Да что они сделают за два года? — Усмехнулся кто-то и толпа поддержала долгожданный позитивный настрой.

Вдруг в шатёр ворвался сержант и, смутившись будто бы самому себе, осторожно отступил на шаг назад.

— Ваше величество, над Ревелем подняли белый флаг! — Радостно сообщил он. — Что прикажете делать с пленными? — Олаф, обрадованный доброй вестью, уже хотел проявить милость, ссылаясь на то, что Хель приняла сегодня уже достаточно душ. Однако его опередил ещё один человек, бесцеремонно ворвавшийся в шатёр.

— Ваше величество, срочное послание из Стокгольма! — Так редко пребывающему в хорошем положении духа Олафу казалось, что ничто не может испортить сегодняшней день, а потому он с благодарностью принял от гонца послание, развернул его и тут же принялся читать, чем вызвал неподдельный ужас у посланника.

С каждой строчкой улыбка спадала с его лица всё больше. «...Восстание католиков...», «...Сгоревший флот...», «...Нападение на дворец...». Настроение победителя тут же бесследно испарилось, уступив место холодной ненависти, с которой Олаф жил большую часть своей жизни.

— Пленных женщин предоставить для нужд армии. — Скрипя зубами, начал он. — А мужчин... Им дайте шанс уйти в Вальгаллу.

Брошенный на стол лист с посланием перевернулся и Олаф краем глаза заметил, что с обратной стороны тоже что-то написано. Молясь всем богам, чтобы эти новости были хорошими, король подобрал лист и стал пристально вчитываться в написанное. Когда же он прочёл последнюю строку, сердце его вдруг бешено заколотилось, а дышать стало невыносимо тяжело. Король бессильно развалился в рядом стоящем кресле. Он провёл

ладонью по лицу, вытирая со лба пот и предательски выступившие слёзы.

— Катарина... — Тихо шептал король, погруженный в свои мысли. — Почему именно ты, Катарина?

Интерлюдия. Новгород.

— Катарина Ульссон, — Я почтённо склонил голову, приветствуя долгожданную гостью, когда с небольшой галеры на загородный причал шагнула закованная в наручники девушка шестнадцати лет. Позади её сопровождал конвой из четырёх гвардейцев, в числе которых я узнал и Мурата: блестящего кавалериста и лазутчика, которому и было поручено провести сложнейшую операцию по похищению столь важной особы. Они прошли по деревянной пристани, по бокам которой двумя стройными рядами уже выстроилась рота солдат первого новгородского полка. Я дал отмашку и полковой оркестр заиграл торжественный марш, под стать благородной даме.

— Господин, государь, операция по захвату особо важной цели успешно выполнена! — Гордо отчитался Мурат, когда они подошли к нам с Максом.

— Так вот зачем ты целую роту потащил в такую глушь. — Шепнул он на ухо мне.

— Лейтенант, почему наша любезная гостья вынуждена терпеть такие неудобства? — Я указал на массивные наручники с тяжёлыми цепями.

— Виноват, государь. — Степенно кивнул он. — Устав требует. — Мурат быстро разобрался с замком и оковы со звоном упали на деревянный помост.

— Итак, госпожа Ульссон. — Продолжил я на немецком. Всё же шведский мне пока не известен в должной мере. — Как Вы себя чувствуете? — До того стоящая с опущенным взглядом девушка удивлённо подняла брови и взглянула на меня.

— Нормально... Точнее, всё не очень нормально, но... — Она путалась в словах, пытаясь подобрать нужную фразу на хоть и родственном, но всё же не совсем родном ей языке.

— Я понимаю ваши переживания. Однако Вам ничего не угрожает. Вы — моя гостья и гостья всей Русской Федерации.

— Мне кажется, правильнее будет сказать пленница. — Не смотря на свою внешнюю обессиленность, Катарина нашла в себе силы для того, чтобы напомнить мне о своём благородном происхождении. Я же лишь ухмыльнулся и, открывая для неё дверцу подошедшей кареты, жестом пригласил её занять более комфортное и от того более привычное место. Сам я сел напротив неё, а Максиму поручил следовать за нами верхом. Рота солдат также спешно построилась в походную колонну спереди и позади повозки, образовав таким образом длиннющий конвой охранения.

— Я воюю с Вашим отцом, госпожа, но не с Вами. — Начал я разговор, когда мы наконец тронулись.

— Поэтому нас сопровождает целая сотня воинов? — Она старалась говорить сдержанно, хотя в её речи всё же угадывались нотки раздражённости и неприязни.

— Вообще-то сто двадцать пять солдат и целый полковой оркестр. — Поправил её я, широко улыбнувшись. — Ну а если серьёзно, госпожа, то это делается скорее для безопасности. Вашей и моей.

— А что, в окрестностях столицы так беспокойно? — Смотря в окно, холодно спросила она.

— Нет, но всё же такой гость, как Вы, для меня уж очень ценен.

— Оно и понятно. — Катарина закатила глаза. — Теперь будете просить мира за мою

свободу.

— Ну что Вы, это глупо. — Нарушил я её ожидания. Она удивлённо посмотрела на меня, но через мгновение снова отвела взгляд.

— Тогда для чего? — С наигранным безразличием спросила Катарина.

— Войну мы выиграем, не прибегая к такому обмену. — Заявил я, чем вызвал гримасу искреннего сомнения на лице юной принцессы.

— Очень сомневаюсь. — Почему-то с некоторой долей разочарования сказала она. — У отца много воинов и ещё больше золота. Он обобрал все христианские храмы и монастыри. К тому же много золотых шахт работают в Финляндии. А Ваши воины? У них ведь и брони никакой нет. — Пожала плечами Катарина, разглядывая стройные колонны солдат в серых шинелях.

— Количесвом мы и правда проигрываем. — Сдержанно проговорил я, принимая во внимание факт полной неосведомлённости о силе нашей армии даже в верхушке шведской власти. Если уж принцесса относится к нам так небрежно, то, стоит полагать, что и сам Олаф, и его генералы имеют схожее мнение. Что ж, это нам только на руку. — Впрочем, это не имеет значения. Видите ли, Катарина, ваш отец сейчас в Ливонии. А местность там усеяна замками и крепостями. Сейчас его армия действительно велика, однако после долгих осад от её величия останется лишь тень. Потом долгая зима, пополнения и снова осады. У нас этого времени нет.

— Поэтому Вы похитили меня? — Она смешно нахмурилась, не понимая моей логики. — Чтобы он плюнул на всё и двинулся сюда? — Она, похоже, уже не скрывала своего удивления.

— Вы на редкость проницательны. — Степенно кивнул я, улыбаясь.

— Это самоубийство! — Презрительно фыркнула она. — Глупое и бессмысленное. У отца воины со всей Европы. Французы, германцы, итальянцы...

— Католики на стороне язычников? — Усмехнулся я. Лицо юной принцессы исказила гримаса неприязни.

— Можно заставить самого Папу Римского взять меч и пойти воевать во славу Одина. Главное, чтобы золота хватило. — Катарина в очередной раз блеснула своей эрудицией. Конечно, нет ничего удивительного в том, что принцесса влиятельного европейского государства имеет такие познания, однако мне было всё же непривычно слышать от девушки в этом времени подобные речи. Тут и мужчины то не всегда могут так говорить.

— Твердили: 'Шли же племена, Бедой России угрожая; Не вся ль Европа тут была? А чья звезда ее вела!.. — процитировал я по памяти стихи Пушкина. В оригинале, из-за чего Катарина лишь вопросительно подняла брови. Я перевёл строки на немецкий, стараясь сохранить если не рифму, то хотя бы ритм строк.

— С чего это Вы так любезны со мной? — Без энтузиазма спросила она. — Я же вроде как язычница в плену у христиан.

— Скандинавские божества меня не пугают. — Вяло отмахнулся я.

— Значит, вы не боитесь кары Одина? — Прищурившись, спросила она. Я же слегка подался вперёд и, заглянув в её глаза, холодно произнёс:

— А Вы? — Катарина отвела взгляд. Её дыхание сбилось, она потерялась.

— Что Вы... О чём это Вы говорите? — Наконец придя в себя и гордо подняв подбородок, спросила она.

— Ваша актёрская игра впечатляет, миледи. — Наигранно похлопал я. — Однако

письма, найденные в Ваших покоях, дошли до меня много раньше. — Катарина окончательно поникла. — Что интересно, в посланиях к отцу Вы, как и следует, восхваляете Одина и других скандинавских богов. — Я перебрал несколько желтоватых конвертов, доставленных за несколько дней до этого. — Но вот в некоторых переписках со Шведскими графами и даже германскими князьями Вы, почему-то, пишете как добропорядочная христианка. Упоминаете Иисуса, но ни слова о языческих богах. — Катарина совсем покраснела, а я же лишь вытащил из кармана небольшой католический крестик на серебряной цепочке, найденный в её покоях во время штурма. — А это, как я понимаю, принадлежит Вам? — Она, забыв о своём положении, подалась вперёд, стремясь выхватить у меня свою вещь, однако быстро одумалась и лишь продолжала сверлить меня своим взглядом.

— Отдайте его мне. — Холодно произнесла она. Карета остановилась. Мы приехали. Я вложил крестик в её руку.

— Чувствуйте, себя почти как дома, госпожа Ульссон. — Улыбнувшись ей, я открыл дверцу и вышел из кареты.

Мы остановились недалеко от стен детинца, возле новенького двухэтажного трактира с множеством съёмных комнат. Я не решился размещать принцессу в очень уж неподобающих условиях, но и в пределах княжеского двора ей быть не положено — всё же для всех она язычница. Рота солдат вместе с Максимом отделилась от нас на въезде в город и сейчас карету сопровождал лишь Мурат со своим взводом. **К н и г о е д . н е т**

— Лейтенант, — Обратился я к нему. — Сними лучшую комнату здесь для нашей гостии и организуй круглосуточное охранение. Никого к ней не впускать, выпускать только под присмотром десятка бойцов и не дальше сотни метров от трактира. С ней говорить на германском, можешь послать за толмачом в случае чего. Всё ясно?

— Так точно! — Коротко рявкнул он.

— Выполняйте, лейтенант. — Гвардеец отдал честь и стал отдавать распоряжения своим сержантам.

Вернувшись в детинец, я поспешил домой, к Анне. В свете последних событий я стал проводить рядом с ней значительно больше времени и сейчас тоже хотел поскорее оказаться рядом.

Словно на крыльях вспорхнув на третий этаж, я осторожно приоткрыл дверь, заглядывая внутрь. Анна, заметив меня, устало улыбнулась. Я тихонько подошёл к ней и присел рядом, на край кровати.

— Ну как ты? — Спросил её я.

— Всё немного сложнее, чем я думала. — Она вновь улыбнулась одними уголками губ. Я положил свою руку на её.

— Как он? — В который раз задал я волнующий меня каждую минуту вопрос.

— Снова спит. — Пожала плечами Анна. — Это ведь хорошо?

— Конечно, — Произнёс я, осторожно, вставая. Тихонько пройдя в противоположный угол комнаты, я заглянул в кроватку с высокими бортами. Там, раскинув руки в стороны, спал, немного приоткрыв рот и сопя совсем крошечным носом, младенец. Владимир. Мой сын и наследник. Анна незаметно подошла сзади и обняла меня, так же заглядывая в кроватку.

— Ну, как там шведская принцесса? — С усмешкой спросила она.

— Ты знаешь, очень даже ничего. — Съязвил я, от чего едва не получил размашистый

подзатыльник. — Ну тихо, тихо, разбудишь. — Я кивнул в сторону мирно спящего сына. Анна успокоилась. Мы вышли на балкон, чтобы продолжить разговор, не утруждая себя шёпотом.

— А если серьёзно, что можешь сказать? — Не унималась Анна.

— Да что тут говорить? — Не понял я. — Самая обычная принцесса, даже весьма продвинутая.

— А помнишь, — После небольшой паузы произнесла она. — Мы с тобой говорили, что когда-нибудь женщины и мужчины будут равны во всём.

— Ну вообще во всём вряд-ли — Улыбнулся я придуманной шутке. — Но во многом — когда-нибудь будут.

— Неужели нельзя что-нибудь сделать уже сейчас? — Совершенно серьёзно спросила она. Я всерьёз задумался. Дать женщинам сейчас политические права я не могу: обстановка уж очень нестабильная во всей этой политике. Права трудовые? Не думаю, что в кузнице девушки будут так же эффективны, как здоровые мужики, а на суконных фактурах женщины работают уже сейчас. А что если...

— Ты знаешь, у меня есть одна идея. — Наконец проговорил я.

— Правда? — Не веря моим словам встрепенулась Анна.

— Абсолютно. Скажи, у тебя на примете есть хотя бы несколько смелых девушек, готовых менять мир вокруг себя?

— Думаю, найдутся. — Почти сразу же ответила она.

— Хорошо. — Я улыбнулся, задумчиво смотря в даль. — Надеюсь, они не боятся высоты.

Глава 20 «Ненужное внимание»

15 мая 1507 года. Новгород.

Громадных размеров пушечная мануфактура, расположившаяся на берегу Волхова за второй стеной софийской стороны города, пыхтела и плевалась клубами чёрного дыма непрерывно. Ни на минуту не стихали в её стенах удары молотов по железу. Самых разных: от маленьких ручных для мелкой работы до больших, в несколько десятков пудов, которые проводили в действие приводами водяных мельниц. По мимо этого мануфактуру наполняло и множество других звуков. Мерное дыхание кузнечных мехов, скрип механизмов, поднимающих и опускающих то тут, то там орудийные стволы и лафеты и, конечно, отборный рабочий говор, тесно контактирующий с лихой бранью. Почти три сотни человек в моменте работало на стратегически важной мануфактуре. Ещё примерно столько же трудились здесь в ночную смену. Невероятные цифры для этого времени.

Однако даже такой внушительный штат не мог покрыть требования растущей армии. Рабочим пока не хватало опыта, квалификация их оставляла желать лучшего, а отсутствие хоть каких-то станков вынуждало тормозить производство и делать большинство операций в ручную. Десяток доменных печей выплавляли сталь для стволов и чугуна для ядер. Однако расплавленный металл нужно было ещё грамотно использовать. И если в случае с ядрами всё было максимально просто и они ежедневно поступали в распоряжение полков сотнями, то вот стволы пушек были куда более сложными в производстве.

— Объясни мне, Максим, почему полковники жалуются на новые пушки? — Раздражённо спросил я, широким шагом проходя по одному из цехов мануфактуры.

— Процент брака очень высок. — Не стал спорить главный артиллерист в княжестве. — Но мануфактура и так работает на износ. Больше людей сейчас только на ружейной. Сам подумай, Саша: каждом полку девять рот, а каждой роте нужны две лёгкие пушки. Плюс каждому батальону по четыре тяжёлые гаубицы.

— И всего нужно сто пятьдесят стволов. — Закончил его мысль я. — Это всё мне известно. — Холодно ответил я. — Но почему, скажи мне, за последнюю неделю только в пятом полку уже три случая разрыва ствола? Два человека погибли, потому что твои пушки не могут сделать и пяти выстрелов к ряду!

— Я всё понимаю, Саш, — Остановил меня Макс и заглянул мне в глаза. Он говорил негромко, чтобы рабочие не слышали его панибратского отношения к государю. — Но ты же видишь, люди на износ работают, чтобы план выполнить. Сто пятьдесят пушек на пять полков — это очень много. А нам ведь ещё и крепостям надо отправлять пушки, и на новые галеры ставить, и в псковский полк. Так ещё никто не воевал и так много пушек никто никогда не отливал. Нам бы ещё годик-другой. Опыта набраться, рабочим общежития достроить. Не вовремя эта война.

— А когда война была вовремя? — Успокоившись, с грустью произнёс я.

— Ну можно же было подождать, пока шведы в Ливонских замках увязнут. — Упрекнул меня Макс. — Зачем было это похищение устраивать? — Честно говоря, я и сам уже успел усомниться в правильности той авантюры, которая хоть и увенчалась успехом, всё же имела свои последствия. Олаф и правда снял осады с большинства крепостей в Эстляндии и направился на восток. В начале мая он вышел к границам Пскова, а буквально вчера мне пришла весть об осаде города. Непрístupная псковская крепость, усиленная несколькими

десятками новых пушек, успешно огрызаясь, однако шестой псковский полк, укомплектованный едва ли на половину, остался вне осаждённого города. С ним же находилась и рота гвардейцев, которые должны были в ускоренном темпе обучить вчерашних крестьян азам линейного боя. Однако сейчас эта орава, уходя от боя с превосходящими силами противника, ожидали нашей помощи и пять полков, до этого обучавшиеся в ускоренном темпе, спешно готовились к долгожданному походу. Все эскадрильи воздушных шаров, за исключением тех, которые патрулировали южные рубежи, были направлены в Новгород. Весь речной флот стоял у выхода в Балтийское море в Финском заливе на случай, если остатки шведских флотилий решат перекрыть важный для Новгорода торговый путь.

Мы с Максом покинули территорию пушечной мануфактуры. После монотонного грохота, который стоял в цехах, я не сразу привык к относительно тихой городской суете.

— Да уж, похоже мы стремительно движемся к индустриализации. — Усмехнулся Макс, оглядываясь на пышущего дымом производственного гиганта. Конечно, таковым он был лишь в масштабах позднего средневековья, однако на фоне откровенно неспешной и тихой жизни в Новгороде мануфактура всё же выглядела впечатляюще.

— Индустриализация... — Протянул я, пробуя слово на вкус. — Нет, нам до неё всё же далеко. Паровые машины мы на вряд-ли увидим, а без них машинного труда не выйдет.

— Да мы и на мануфактурах неплохо справляемся. — Пожал он плечами.

— Ладно, с производством сегодня разобрались, — Устало выдохнул я. — Куда теперь?

— На аэродром, вроде, собирались. — Сказал Макс, листая исписанный блокнот.

Мы довольно быстро добрались до окраины города, где над большой, огороженной высоким забором, территории, возвышались несколько воздушных шаров. Солдаты на посту, охранявшие единственный вход, синхронно вытянулись в струнку, завидев нас и, отдав честь, расступились в стороны. Сам «аэродром» представлял из себя большой прямоугольный пустырь с несколькими постройками в дальнем углу. В середине плаца, на расстоянии друг от друга, готовились к вылету три воздушных шара. Корзина каждого из них красовалась белой линией посередине — знак отличия первой женской эскадрильи.

Пилотам пришлось проходить ускоренное трёхнедельное обучение, ведь Анна, с энтузиазмом взявшаяся за эту авантюру, хотела, чтобы её подопечные приняли участие в походе. Нужно отдать должное девушкам, которых подобрала на роль пилотов Анна. Это были сильные, находчивые и умные женщины, многие из которых даже превосходили мужские результаты. Но вот в чём они действительно отставали, так это в физической подготовке. Да, конечно, все они как на подбор «и коня на скоку и в горящую избу», но всё же до нормативов пока не дотягивали. Не то чтобы управление воздушным шаром требовало исключительной физической силы, однако пилот должен быть готов и длительным марш-броскам и даже к рукопашным схваткам. Само собой, научить в столь короткий срок боевым искусствам даже более приспособленных к этому мужчин практически невозможно. Но подопечные Анны времени даром не теряли и, под её бдительным руководством, продолжали наматывать круги по плацу, даже когда мы с Максом обозначили своё присутствие.

— Как Вы оцените успехи Ваших новых пилотов, капитан? — Спросил я у молодого офицера, который, лишь узнав о нашем внеплановом визите на авиабазу, оторвался от всех своих дел и постоянно крутился во круг нас.

— Очень хорошо, государь. — С некой дрожью в голосе проговорил он. — Силёнок им,

конечно, не хватает, но вот в воздухе дюже как справно себя показывают.

— Да ну?

— Да, государь! — Сердечно заверил он меня. — Бомбы метают вельми точно, высоту держат справно. В общем, даже многим мужчинам есть, чему учиться. — Находящаяся неподалёку и слышавшая весь разговор Анна довольно улыбнулась и гордо вскинула голову.

— Что ж, хорошо. — Удовлетворённо кивнул я офицеру. — Работайте, господин капитан. — Паренёк с гордостью отдал честь, ударив кулаком в грудь.

Экономика старой России на вряд-ли могла бы вытянуть построение новой армии и системы, благодаря которой в стране появилось множество мануфактур, воздушные шары и первые светские школы. Конечно, львиную долю расходов покрывала прибыль со столь удачно разбросанных к северу от Новгорода серебряных рудников, однако полагаться на них целиком и полностью я не рискнул. Часть дохода поступало с торговли, часть — с налоговых поступлений. Однако не так давно появился ещё один источник финансирования всех моих проектов. Мы с Максом проехали дальше по оживлённой улице, где на углу у перекрёстка красовалось двухэтажное здание из светлых досок с красивой и краткой вывеской «Банк» на входе. Да, до гигантов банковского дела из будущего этой канторе пока очень-очень далеко. Но ведь и Москва не сразу строилась.

Я толкнул массивную дверь и вошёл в просторное помещение, где постоянно наблюдалось какое-то движение. Людей, подходящих на роль банковских работников, по понятным причинам было катастрофически мало, а потому желающим воспользоваться новыми, ранее невиданными услугами, приходилось с достоинством стоять в длинных очередях. Из-за нехватки кадров первый этаж банка функционировал едва ли на четверть от всех своих возможностей, а второй этаж и вовсе пока пустовал. Мы же, минуя длиннющие очереди, под десятками направленных на нас взглядов, прошли в самый дальний угол помещения, где в отдельном кабинете расположился сам директор первого если и не в мире, то уж точно первого в России банка.

— Мстислав, чёртов скряга! — Радостно поприветствовал я старого знакомого. Именно Мстислава, как самого, с моей точки зрения, финансово грамотного в этом городе человека, я поставил на столь важную должность. — Ну, рассказывай, как идут дела?

— Всё прекрасно, государь. — С улыбкой ответил он. — Акции мануфактур разлетаются на ура, облигации военного займа даже напечатать не успеваем!

— А кредиты? Кредиты то берут? — С азартом спросил я.

— Почти так же часто, как делают вклады. — С гордостью заявил мой личный волк с Уолл-стрит. Нет, конечно, до Ди Каприо бывший купец явно не дотягивал, однако и он мог легко втюхать какому-нибудь богачу десяток-другой акций общей стоимостью в несколько рублей.

— Отлично! — Я широко улыбнулся, после чего сменил тон на более серьёзный. — А как идут дела с внедрением новых денег? — Наклонившись поближе ко Мстиславу, тихо спросил я. Речь шла не о разбавленных медью серебряных монетах. Нет, эта афера осталась в прошлом. И хотя она и позволила нам отмыть громадное количество свободного серебра, из неё мы уже выжали все соки. Теперь речь шла о более грандиозном проекте.

— Люди не очень торопятся менять серебро на бумагу. — Разочарованно проговорил он. — Меняют в основном богачи, да и то понемногу, чтобы попробовать.

— Ничего, — Ободряюще хлопнул я по плечу банкира. — Скоро народ втянется и таскать с собой тяжёлые мешки с монетами станет уже не модно. А пока пусть типографии

продолжают печатать. — Я взял со стола, заваленного разными бумагами, прямоугольную купюру в одну копейку. Самая мелкая, но от того не менее ценная. — Вот на этих бумажках мы построим империю. — Глядя в глаза Мстиславу, твёрдо произнёс я. Тот смотрел на меня лишь с маленькой долей недоверия. Он почти не сомневался в моих словах. Надо же, внушаю средневековому до мозга костей человеку, что раскрашенная бумажка будет править миром и тот мне вполне себе верит.

Молодое государство, Соединённые Княжества России, только-только отправлялось от контузии, вызванной обилием всего нового. Люди, привыкшие к медленной жизни, постепенно привыкали к более быстрому темпу. Народ начинал думать, мыслить, жить. Из беспрекословно подчиняющихся ослов постепенно начинало формироваться прогрессивное общество.

Общество людей, которые думают не о том, как бы прожить ещё один день, а о том, как сделать завтрашний день лучше. Даже последний крестьянин стал иметь собственный капитал и начал думать, как им распорядиться. Хлынувший в народ поток денежной массы повлёк за собой рост капиталистического мышления. Это было именно то, чего я и добивался: страна не выходила из средневековья маленькими шажками, а вылетала из него, быстро и безболезненно минуя долгий этап отказа от феодализма. Ведь если нет феодалов, нет и проблем, которые они создают.

Пока во всём мире религия имела громадное влияние и беспрекословную власть, местный епископ приходил ко мне за советами и ни один мусульманин, католик или даже язычник не подвергался гонениям.

Пока крестьяне по всей Европе закрепощались жадными землевладельцами и были вынуждены работать примитивными инструментами, в Соединённых Княжествах России эти самые крестьяне вспахивали свою собственную землю стальными плугами и засевали ранее невероятные площади, после чего собирая обильный урожай, который кормил растущий в геометрической прогрессии рабочий класс.

Но самое главное отличие моей державы от всего остального мира в практически полной свободе для исследований. Учёные всех мастей прибывают в Новгород почти ежедневно. Они совершают большие и маленькие открытия, которые на их родине наверняка приняли бы за колдовство и без зазрений совести посадили, а то и вовсе казнили бы непризнанных гениев. Я же не только дал им свободу и защиту, но даже смог найти средства на поддержку их открытий.

Чего стоит только один Леонардо да Винчи, который за столь короткий срок сумел засунуть свой любопытный, но при этом крайне умный итальянский нос практически во все сферы жизни общества, амбициозный Жак Бернард, который успевает не только изобретать, но и обучать инженерному делу местных молодых талантов, датчанин Оскар Ларсен, который со своими учениками разгоняет прогресс в области химии. В общем, народ-то в средневековье не такой уж и глупый. Просто им нужно было создать условия для развития. А в остальном в прошлом, оказывается, жили примерно такие же люди, которым просто не хватало свободы мысли и возможности обучаться. Им нужно было без страха пробовать что-то новое и тогда, возможно, наука двигалась бы вперёд куда быстрее.

Лёгкое, едва уловимое напряжение витало в городе. Однако за его пределами оно перерастало в самую настоящую суматоху. Вполне организованную и контролируемую, но от того ничуть не менее масштабную. Шла массовая подготовка к решающему походу. На нашей стороне весомое технологическое превосходство и преимущество в организации. У

нас есть воздушные шары, которые дают нам возможности для разведки и, какой-никакой, но поддержки с воздуха. Мы имеем в своём распоряжении большое количество артиллерии, в том числе и реактивной. Хоть последняя и очень уж примитивна, однако внушительную эффективность она от этого не утрачивает.

Однако у противника есть неоспоримое, проверенное веками превосходство в численности. Если мы не сможем в должной мере реализовать потенциал новой, ещё не обстрелянной, но очень перспективной армии, если мы не сможем подавить врага огнём и порохом, то нас попросту сомнут железом и плотью. Очень скоро всё решится в битве, которая определит дальнейшую судьбу молодого государства.

Интерлюдия.???...???

Голограмма в последний раз моргнула и исчезла, оставив собравшихся в просторном зале людей в глубокой задумчивости. Они сидели за большим стеклянным столом в высоких креслах-полусферах.

— Ну, — Разнёсся эхом низкий голос человека, сидящего во главе стола. — Что скажете, друзья мои?

— Впечатляет, — Широко улыбнувшись, хлопнул по столу мужчина в военной форме с ощутимым акцентом. — Парень явно успехи делает. Перед большой войной поднял страну, армию построил. Это наш человек!

— И всё же его методы, агент ИС, — Вклинился сидящий напротив человек в деловом костюме, сверкнув белоснежной улыбкой. — Очень уж жестокие, недемократичные!

— Поддерживаю! — Подал голос одетый в такой же деловой, но несколько более старомодный костюм мужчина с густыми бакенбардами.

— Агент ДК, агент АЛ вам напомнить, как ваш народ отплатил Вам за вашу эту... Демократию? — Встал на сторону первого агента мужчина в белой накидке. — Правильно всё делает этот парень. Только жёсткие меры могут привести страну к успеху! Это он ещё до децимации не дорос!

Постепенно дискуссия перерастала в неконтролируемый балаган, в котором присутствующие разделились на два лагеря.

— Тихо! — Гулким эхом пронёсся по залу голос магистра. — Каждый из вас защищает привычные ему интересы. Вот только все вы забываете, что в истории нет единственно верного курса. Агент АЛ, агент ДК, вы отстаиваете позицию демократов. Но вы, должны быть, забыли, что, относительно окружающего его мира, наш кандидат ведёт себя сравнительно мягко. Да, он не боится менять ход истории. Однако заметьте также, что действия его имеют, вероятнее всего, положительные последствия.

— Так в чём проблема? — Спросила единственная женщина на собрании. — Я уже однажды вытаскала его из этой богом забытой вселенной. Давайте сделаем тоже самое и сейчас! Нам ведь нужны такие агенты, не так ли?

— Не стоит торопиться, агент ЖД. — Мирнолюбиво, но твёрдо произнёс магистр. — Да парень хорош, у него есть предрасположенность к прыжкам между реальностями. Но всё же он пока не готов к работе агента. Нужно ещё понаблюдать за его успехами. Сыроват он пока что.

— Так что, мы будем просто... Ждать? — Спросил один из агентов.

— Да. — Кивнул магистр. — Предлагаю дать ему пятнадцать лет. Посмотрим, что он сделает за это время и потом уже будем решать, достоин ли он должности агента.

— А не маловато мы ему отводим? — Усомнился мужчина в военной форме.

— Помнится мне, Вам удалось совершить подобное всего за четырнадцать лет.

— Но я ведь и не в средневековье жил. — Хладнокровно пожал плечами он.

— Предлагаю проголосовать. — Произнёс магистр. На стеклянном столе перед агентами высветились два прямоугольных окна. Зелёное и красное. После недолгих раздумий большая часть агентов сделала выбор и их кресла окрасились зелёным цветом. Защитники демократии думали чуть дольше, но всё же также приняли мнение большинства. Последним, слегка ухмыляясь протянулся к зелёной кнопке мужчина в военной форме.

— Ну что ж, Александр. — Задумчиво протянул он. — Времени у тебя не много. — Он нажал на зелёную кнопку и его кресло также загорелось цветом большинства. — Надеюсь, ты знаешь ему цену.

Больше книг на сайте - Knigoed.net